

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

14
ТОМ
2016

1
номер

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

**Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958**

**До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного университета**

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель: Южный федеральный университет

Главный редактор Мамедов О.Ю.

доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Редакционная коллегия:

- Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Овчинников В.Н., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Редакционный совет:

- Овчинников В.Н., председатель, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор, директор Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, Россия
- Белокрылова О.С., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор, ректор Южного федерального университета, Россия
- Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Кетова Н.П., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Лукьянцев А.А., доктор юридических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Макаренко В.П., доктор политических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Михалкина Е.В., доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Южный федеральный университет, Россия
- Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия
- Оганесян А.А., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Южный федеральный университет, Россия
- Сероштан М.В., доктор экономических наук, профессор, первый проректор Южного федерального университета, Россия
- Туманян Ю.Р., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Ханин Г.И., доктор экономических наук, профессор, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирский государственный технический университет, Россия
- Цыганенко С.С., доктор юридических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Шевченко И.К., доктор экономических наук, профессор, проректор по организации научной и проектно-инновационной деятельности, Южный федеральный университет, Россия
- Эллан М.Дж., почетный профессор Амстердамского университета, Нидерланды

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42.
Тел.: (863) 265-31-58, 264-84-66
факс: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
Тел.: 8 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
http://te.sfedu.ru/

TERRA ECONOMICUS

Registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 16th January, 2009.
Registration certificate PI № FS77-34982

Founded: 2003
Quarterly Journal
Subscription index in «Rospechat»
catalogue: 81958

**Before 2009 – Economic Herald
of Rostov State University**

TERRA ECONOMICUS is included into
«The list of the leading scientific journals
and publications under review, where the basic scientific
research results of the theses for academic Degrees
of Doctor and Candidate should be published»
of the Higher Attestation Commission (HAC),
the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Editor in Chief Mamedov O.Yu.

Doctor of Economics (DSc), Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Editorial Board:

- Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Volchik V.V. (Deputy Editor), Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Ovchinnikov V.N., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia

Editorial Staff:

- Ovchinnikov V.N., Chairperson of Editorial Staff, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Arkhipov A.Yu., Doctor of Economics, Professor, Director of Higher School of Business, Southern Federal University, Russia
- Belokrylova O.S., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Belousov V.M., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Borovskaya M.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Southern Federal University, Russia
- Ellman M.J., Emeritus Professor, Amsterdam University, Netherlands
- Ketova N.P., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Khanin G.I., Doctor of Economics, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration - Siberian Institute of Management, Novosibirsk State Technical University, Russia
- Kryukov S.V., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Lukyantsev A.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Makarenko V.P., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Mikhalkina E.V., Doctor of Economics, Professor, Dean of the Economic Faculty, Southern Federal University, Russia
- Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia
- Oganessian A.A., Candidate of Economics, Principal Researcher, Southern Federal University, Russia
- Seroshtan M.V., Doctor of Economics, Professor, First Vice-Rector, Southern Federal University, Russia
- Shevchenko I.K., Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for Research and Innovation, Southern Federal University, Russia
- Tsyganenko S.S., Doctor of Laws, Professor, Southern Federal University, Russia
- Tumanyan Yu.R., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Volchik V.V., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia

The articles assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are
available at <http://te.sfedu.ru/avtoram.html>. Articles which do not follow the rules are rejected by the Editorial Board.
The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected.
Post-graduates' articles to be published are free of charge.

Founder's mailing address:

Bolshaya Sadovaya St., 105,
Rostov-on-Don, Russia, 344006.
Phone: (863) 265-31-58, 264-84-66
Fax: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Editorial office:

of. 211, Gorkogo St., 88,
Rostov-on-Don, Russia, 344002.
Phone: + 7 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://te.sfedu.ru/en/>

СЛОВО РЕДАКТОРА

Мамедов О.Ю. В поисках «внеэкономического» производства	6
--	---

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Ханин Г.И. Надо ли защищать советскую экономику лукавыми цифрами?	18
Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия и экономическая политика. Рынок. Капитал. Общество	27
Розмаинский И.В. К теории денежной деградации, или Посткейнсианский анализ монетарных проблем российской переходной экономики в 1991–1998 годах	48
Анисимова Г.В. Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы	61
Корнейчук Б.В. «Эффект колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений	78
Чжан С. Справедливость и экология с точки зрения политической философии	88

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Кирдина С.Г. Методологический институционализм: новая предпосылка анализа сложных социальных систем на мезоуровне	98
--	----

ОТКРЫТАЯ АУДИТОРИЯ

Шмаков А.В. Критерии принятия решений. Какие сказки читали в детстве предпринимателям, какова оптимальная стратегия выбора жены и чему учит экономиста история о трех поросятах?	109
---	-----

ОН ТАКОЙ ОДИН

Мэйнстринг Дж.М. Импортзамещение: опыт интимного анализа	125
---	-----

EDITORIAL

Mamedov O. Searching for the «non-economic» production	6
---	---

CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY

Khanin G.I. Whether Soviet economy needs to be protected by the crafty figures?	18
Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Political economy and economic policy. Market. State. Society	27
Rozmainsky I.V. Towards the theory of monetary degradation, or post Keynesian analysis of monetary problems of the Russian transitional economy in 1991–1998	48
Anisimova G.V. Methodological aspects of the analysis of economic inequality: The Soviet and post-Soviet problems	61
Korneychuk B.V. Path dependence in context of evolutionary theory of economic change	78
Zhang X. Justice and ecology: From a perspective of political philosophy	88

METHODOLOGICAL ISSUES

Kirdina S.G. Methodological institutionalism as a new principle of complex social systems' analysis at meso-level	98
---	----

OPEN AUDIENCE

Shmakov A.V. Decision-making criteria. What fairy tales were read to entrepreneurs in their childhood? What is the optimal strategy of choosing the wife? What does the story of the three little pigs teach the economist?	109
---	-----

HE IS THE ONE!

Meinstring J.M. Policy of import substitution: A trial intimate analysis	125
---	-----

В ПОИСКАХ «ВНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО» ПРОИЗВОДСТВА

Октай МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Санкт-Петербургский экономический Конгресс (СПЭК-2016, конец марта 2016 года) озаботился интригующей темой – «ФОРСАЙТ "РОССИЯ,»: новое производство для новой экономики». Такая туманная формулировка вынуждает вспомнить о великом Кювье с его способностью по одной берцовой кости воссоздать облик вымершего животного¹. Позже талант «исторического реставратора» удачно демонстрировал знаменитый антрополог Герасимов, который по обломку челюсти мог сотворить портрет исчезнувших предков.

Реинкарнация полузабытого метода становится актуальной для отечественного обществознания, в частности, для научных конференций экономистов, реализующих функцию коллективного поиска истины, – жанра странного и архаичного. Автор обосновывает правомерность, актуальность и необходимость разработки «кювье-метода» как элемента методологического инструментария экономической науки, доказывая, что его масштабное применение может обеспечить эффективность превентивной научной оценки, в частности, грантов – институционального инструмента групповой формы экономических исследований, – а следовательно, и экономию финансирования малоперспективных, а то и откровенно лженаучных проектов. Вместе с тем, такое применение сегодня ограничено методологической культурой практикующих экономистов, в частности, падением политико-экономического уровня их профессиональной подготовки.

Особое внимание автор обращает на междисциплинарный характер «кювье-метода», поскольку его реализация требует комплексного подхода: контекст-анализа, исторической характеристики, предметной ограниченности, концептуальной плодотворности, латентной компаративистики, а также оценки возможности эконометрического подхода. Практически речь идет о прогнозной оценке предполагаемого исследовательского проекта (включая такую его специфическую разновидность, как конгресс, или конференцию, или вебинар) по его ключевой («хэштэговой») формулировке, выполняющей в данной ситуации функцию «кювьевской берцовой кости». Предлагаемая вниманию читателей статья намерено носит прикладной

¹ Кювье, Жорж (Cuvier, Georges) (1769–1832), французский мыслитель, зоолог и палеонтолог. Описал большое число ископаемых форм и предложил определять по ним возраст геологических слоев, в которых они обнаружены. Реконструировал целые организмы по немногим частям, найденным при раскопках (Энциклопедия Кругосвет, не датировано).

характер, демонстрация которого должна, по мнению автора, активизировать его распространение в профессиональной среде экономистов.

Ключевые слова: методология экономического анализа; соотношение производства и экономики; «метод Кювье»

SEARCHING FOR THE «NON-ECONOMIC» PRODUCTION

Oktay MAMEDOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

An interesting topic is included in the agenda of the Second Saint-Petersburg Economic Congress (SPEC 2016, March 22) – «Foresight «Russia»: The New Production for The New Economy». Such an ambiguous wording makes it reasonable to turn to great Cuvier's ability to reconstruct a form of extinct animal using a shinbone. Later on, a famous anthropologist Gerasimov demonstrated a talent of the «restaurateur of the history», as he was able to recreate the ancestors' portrait using a fragment of jaw.

Reincarnation of the method that had been almost forgotten is of increasing importance for the Russian social science, in particular, for economic scientific conferences, essential for a collective search for the truth, – which seems today strange and archaic genre. The author justifies the necessity for the «Cuvier method» as the methodological element of economic research, arguing that its wider implications can provide efficiency of a preliminary scientific assessment, in particular, for the research grants, that are the institutional form for team research. However, its use today is bounded by the methodological culture of practicing economists, in particular, due to their low competence in political economy.

The author pays special attention to the interdisciplinary character of the «Cuvier method», since its implementation depends on complex approach: analysis of context, historical and subject limitations, conceptual fruitfulness, latent comparative analysis, as well as the assessment of the possibility of an econometric approach. Actually, this refers to projections of the results of a proposed research project (including its specific forms – congress, conference, webinar) according to its key words («hashtags»), which serve as the «Cuvier's shinbone». The article aims to popularize the method among the professional community of economists.

Keywords: economic methodology; relationship between the economy and production; «Cuvier method»

JEL classifications: B41, B51

TERRA ECONOMICUS 2016 Том 14 № 1

ИСКУССТВО ПРЕДМЕТНОЙ ФОРМУЛИРОВКИ

Научные конференции сегодня проводятся повсеместно и непрерывно, зачастую имитируя исследовательскую активность². Если бы кто-либо взял на себя неблагодар-

² По утверждению Американского журнала психиатрии, имитация – начальная и активная форма адаптации индивида к окружающей социальной среде, – «нарушение способности имитировать может лежать в основе глубоких

ный труд классификации тематики проводимых конференций, он бы, без сомнения, обнаружил в них и политическую конъюнктуру (Мамедов, 2007), и влияние моды на выбор подлежащих коллективному обсуждению тем, а также присущее им в большинстве случаев отсутствие связи с предметом данной науки. Если обратиться, например, к экономистам, то можно говорить об апогее внимания ко всем мыслимым и немыслимым аспектам институционализма, хотя отнесение этого раздела обществознания к экономической науке пока ничем не обосновано³; гипертрофический интерес обнаруживается и к проблемам региональной экономики – число конференций по этой локальной теме зашкаливает за всякие разумные пределы (как и число диссертаций по соответствующей тематике); особенно же сложно интерпретировать с научных позиций темы, в которых намечается рассмотреть некие вызовы, в изобилии сваливающихся сегодня на российскую экономику; однако, что это за «вызовы», кто и за что нас «вызывает», и не пора ли и нам кого-нибудь тоже в отместку «вызвать», понять практически невозможно⁴.

«КОСТОЧКА КЮВЬЕ» КОНГРЕССА

Роль уже упоминавшейся «берцовой косточки Кювье» для названного Конгресса играет вербальная формулировка его темы – **«ФОРСАЙТ “РОССИЯ,»: новое производство для новой экономики»**. Что скрывать, – формулировка темы примечательна своей сложной архитектурой. Об этом убедительно свидетельствует хотя бы нарочитая кокетливость первого слова в названии темы Конгресса – «Форсайт»⁵. А иначе какой смысл начинать с английского слова название темы Конгресса *российских* экономистов?

Однако – и это знаменательно – само слово написано не английскими, а русскими буквами, этакое русифицирование, которое, тем самым, по-своему содержит скрытый намек на импортозамещение (правда, пока только буквами, а потом, быть может, – и делами). Этот билингвизм ключевого слова (английского – по содержанию, но русского – по буквенному начертанию) позволяет предположить три варианта названия темы следующего Конгресса:

- в случае удачного развития российской экономики тема будет вся начертана на английском языке;
- в случае неудачи тема будет вся написана на русском;
- но, скорее всего, – и тема, и сама экономика останутся, как и сегодня, надоевшим всем (еще со времен Грибоедова) «смешением французского с нижего-

долговременных трудностей в социальных взаимодействиях ..., имитация действий является основным строительным блоком социальных способностей, а умение имитировать присутствует в раннем возрасте и имеет решающее значение для обучения тому, как ориентироваться в социальном мире. Согласно современной теории, скрытая имитация является также самым фундаментальным условием понимания намерений и чувств других людей» (Salisbury, 2014); при таком подходе имитация в научной сфере выполняет функцию первичного приобщения к культуре научного исследования, адаптационного заимствования, делая условной грань между имитацией и плагиатом.

³ Судя по общей характеристике институционализма (см. Wikipedia, 2013), он незаметно вырос до размеров всего обществознания: старый институционализм фокусируется на формальных институтах власти, новый институционализм концентрируется на развитии институтов и их влиянии на общество, институциональная экономика изучает экономические вопросы с макросоциологической точки зрения, новая институциональная теория сосредоточена на социальных нормах и организационных механизмах, исторический институционализм исследует социальные, политические и экономические изменения во времени и пространстве, партийно-политический институционализм видит в политических партиях результат собственной истории как института, международный институционализм изучает институты международной системы.

⁴ «Яндекс» на запрос «вызовы России» показывает 53 миллиона информационных откликов (!?).

⁵ «Фемистоклос!» – сказал Манилов, обратившись к старшему, который старался высвободить свой подбородок, завязанный лакеем в салфетку. Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое отчасти греческое имя, которому, неизвестно почему, Манилов дал окончание – юс, но постарался тот же час привести лицо в обыкновенное положение» (Гоголь, 1997. Т. 2, с. 273); если же не уклоняться от напрашивающейся в данном случае аллюзии, то, продолжая начатый в формулировке темы «променад дез англе», Конгресс с не меньшим основанием можно было бы назвать – «Сага о российских Форсайтах».

родским», а отсюда – и две непересекающиеся стратегии, и два критерия эффективности экономического развития страны; в этом случае мы вновь увидим полуиностранное-полурусское название темы⁶. Наконец, не меньшее недоумение вызывает взятое в кавычки слово «Россия»; эти кавычки требуют от сочинителей темы Конгресса специального пояснения.

ОБ ИСХОДНОМ ПУНКТЕ ДВИЖЕНИЯ К НОВОМУ

И все же в формулировке темы содержится и фундаментальный момент: обновление какого элемента должно *предшествовать* развитию народного хозяйства – «производства» или «экономики»?

Те, кто считает, что начинать надо с производства, являются «производственниками», смотрят на российскую экономику глазами «технократов», полагая, что, интенсифицируя производственные процессы, мы, тем самым, развиваем и экономику. Это – глубокое заблуждение: никакое развитие производства не заменит развития экономики, это два параллельных, сопутствующих, сопрягающихся, коррелирующих, но не идентичных, процесса. Примером такого технологического подхода может служить работа Госплана, который в советские годы был вполне способен рационально распределить объемы и движение ресурсов и продуктов, но не способен объяснить, почему дело закончилось катастрофой российской экономики.

Те же, кто считает, что начинать надо с экономики, понимают, что общественные формы производства имеют приоритет перед его технологическими формами. Именно поэтому, между прочим, **экономическая теория является наукой социальной, а не производственно-технологической**, – наукой, предмет которой никак не поймут производственники (как и выпускники иных специальностей), наводнившие сегодня экономическую науку и наивно удивляющиеся, почему их великолепные рекомендации всем безразличны. А они и останутся безразличны до тех пор, пока не будут включены в виде цели в механизм реализации *экономических интересов*, и это есть чистая политическая экономия.

«ТРИ СОСНЫ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Наша эпоха – время окончательной утраты интереса к любой теории, а что касается социальной теории – так это просто констатация ее незаметной кончины. Обуреваемые жаждой выслужиться предъявлением немедленной, сиюминутной, лжепрактической пользы, прикладники, обильно представленные во всех областях знания, особенно солидарно ополчились на теорию и методологию социального познания, прекрасно понимая, что этим убивают научное обществознание. Но именно это им-то и требуется, ибо в атмосфере мракобесия их лженаучность будет приниматься за «научность». Разврат начинается уже в вузе, когда первокурсников буквально насильно записывают на студенческие «научные» конференции, хотя они еще не дослушали даже вводные курсы. И вчерашние абитуриенты принимают игру взрослых дядей за действительную науку. И дальше шествуют по жизни с большим уважением к своим «научным подвигам».

*

В каждой науке есть свой «бермудский треугольник». В нашей экономической науке он представлен теми «тремя соснами», в которых плутает отечественный «эконо-

⁶ С момента начала рыночных реформ, незавершенность которых превратила российскую экономику в «полурыночную», ее оправданно уподобить богатому «жениху», которого пытаются обручить (и тем – приручить) с разными экономическими системами. Как тут не припомнить известные пушкинские строки (*Пушкин, 1969. С. 34–35*):

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених...
Все дочек прочили своих
За полурусского соседа.

мист-производственник-хозяйственник» – странное трехипостасное («трехголовое») создание, порождение смутных перипетий переходного времени. И это объяснимо – для неэкономистов осознание фундаментальной предметной значимости жесткого разграничения категорий «экономика», «производство» и «хозяйство» недостижимо (да и неважно), в силу приземленности их познавательной установки. Иное дело – теоретики, которым грех продолжать путаться в этих «трех соснах», выдумывая то «философию хозяйства», то «инновационное производство», то «новую экономику». Такая путаница может быть выгодна только той группе управленцев, которая в смутной неразберихе продолжает выдавать «производство» – за «экономику», а технологические прорывы – за экономические преобразования. В результате экономисты окончательно перестали понимать, что должно представлять собой то звено, которое способно вытянуть всю цепь проблем. Что же тогда говорить о читателе, силящемся уразуметь «диалектические» резюме экономистов?

Эта же путаница бросается в глаза при знакомстве с темой Конгресса. Формула «производство для экономики» – бессмысленна, поскольку с тех пор, как производство стало *общественным*, эта общественная («экономическая») сторона сделалась для производства существенной, определяющей, приоритетной. В результате экономист превратился в главного аналитика общественного производства, тогда как на долю инженеров и технологов отводятся чисто производственные вопросы. Но там, где «производство» никак не станет «экономикой», где производству не позволяют стать экономикой, – там экономист отстраняется и от производства, и от экономики, и поневоле превращается в чисто декоративную, ритуальную фигуру. Вот почему торжественно вынесенная в название Конгресса формула «новое производство для новой экономики» приобретает смысл только если ее переделать в прямо противоположную по содержанию формулу: «новая экономика для нового производства».

Категория «экономика» – не просто фундаментальная, не просто диалектическая, но – *предметно-диалектическая*, т.е. такая категория, от уяснения сущности которой зависит предметное понимание экономической методологии, экономической теории, экономической практики; диалектическая сущность экономики представлена определением ее именно как «общественного производства», потому что в той степени, в какой экономика является «производством», вот в этой степени она объективна, а в той, в какой она «общественна», вот в той степени она субъективна. Диалектика же экономики вырастает из того, что она умудряется одновременно пребывать в этих двух взаимоисключающих состояниях: она и объективна (как производственный процесс она подчиняется императивам природы), она и субъективна (как общественный процесс она подчиняется социальным императивам). Но эта диалектичность экономики имеет сложно-субординированный характер: в долгосрочном периоде доминируют производственные императивы, т.е. объективное, тогда как в краткосрочном доминируют общественные императивы, т.е. субъективное. Отсюда – изнуряющие «неэкономистов» смутные, противоречивые речи экономистов, потому что каждый раз приходится отгадывать, какую именно сторону экономической диалектики они имеют в виду. Все это означает, что экономика занимает «пограничное» положение – сфера экономики одновременно и «царство производственной необходимости», и «царство социальной свободы»; вот почему экономическое знание одновременно обладает двумя взаимоисключающими статусами – оно относится и к естественному знанию, и к социальному знанию; другими словами, экономическая наука: самая социальная из естественных наук, и самая естественная из социальных. Говоря вдохновенными строками Константина Симонова: «Касаясь трех великих океанов, она лежит, раскинув города, покрыта сеткою меридианов, непобедима, широка, горда». Да, такова Экономика – гигантское пространство, обнимающее Природу, Общество и Интеллект, и тем связывающее их непосредственно, и потому выражающее сущность каждого из этих «океанов». И только такое понимание экономики и экономической науки способно объяснить, почему эко-

номика одновременно – и пространство стихийного, и пространство целенаправленного, почему она равнодушна к регулированию и в то же время восприимчива к нему; почему она и предсказуема, и непредсказуема. Неэкономистам диалектику экономики надо разъяснять, экономистами же понимание такой диалектики формируется по мере овладения профессией.

При таком подходе поневоле воскликнешь – да неужели так трудно понять, что новое (а тем более инновационное) производство нельзя втиснуть в устаревшие тесные, доинновационные конструкции старой, антиинновационной экономики?! Здесь мы непосредственно наблюдаем негативные последствия массовой утраты политико-экономического знания, в том числе – и в среде профессионального экономического сообщества. Например, А.В. Федотов приходит к выводу: «Причины низких темпов развития промышленности в России обусловлены различными сдерживающими факторами, и в первую очередь, отсутствием действенных мер экономического стимулирования промышленного производства со стороны государства» (Федотов, 2013. С. 206). Все это так, но отечественного исследователя отличает одно удивительное свойство – что бы он ни изучал, свой анализ он всегда заканчивает панегириком... государству, выступающему в роли демиурга всего, что попадает на глаза нашему экономисту, – экономики, производства и хозяйства. В.М. Кульков полагает, что «новая индустриализация является наиболее адекватным, реалистичным и перспективным направлением в условиях современной России, способным обеспечить передовое экономическое развитие страны в переломное для нее время» (Кульков, 2015. С. 85). Здесь уже иной подход – экономическое развитие страны является результатом новой индустриализации, т.е. нового производства. М.А. Чирков видит проблему с малоизвестной стороны – «развитие оптовой торговли как формы производства на заказ является важной составляющей рынка, действенным и оперативным инструментом восстановления реального сектора экономики» (Чирков, 2006. С. 10, 9)⁷. Н.В. Суворов констатирует: «Не подлежит сомнению, что функционирование отдельных предприятий и даже целых секторов экономики каждой страны определяется не только экономическими, но и внеэкономическими критериями. Вместе с тем представляется не менее очевидным, что оценка функционирования экономики как целого под углом зрения экономических критериев, или оценка эффективности производства в макроэкономических терминах – необходимый элемент (или этап) вышеуказанного анализа» (Суворов, 2008. С. 3). Другими словами, к знаменитому тезису «экономика должна быть экономной» добавился новый – «экономика должна оцениваться экономически». Более точной представляется позиция В.И. Часовского, утверждающего – «Рыночные формы организации национальной промышленности постепенно должны стать основой формирования нового промышленного каркаса России» (Часовский, 2015. С. 167).

О ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ «НОВОЙ ЭКОНОМИКИ»

Т.Н. Лавренова справедливо отмечает, что понятие «новая экономика» получило разработку в социально-философской и экономической парадигме современного общества, называемого разными именами: «постиндустриальное общество», «информационное общество», «мегаобщество», «общество информатики и связи», «технообщество», «электронное цифровое общество»; в то же время, несмотря на различие названий, общим во всех этих трактовках является указание на глобальность протекающих процессов и на определяющую роль информационных технологий (Лавренова, 2005). Однако, отмечает автор далее, не все современные ученые признают факт становления и развития новой экономики, – есть теоретики, которые скептически относятся к идее «новой экономики» и «нового общества».

⁷ Автор утверждает, что многие моменты ««нуждаются в определенном внимании со стороны политэкономистов», именуя так, видимо, «политэкономов»?

В «Инвестопедии» категория «новая экономика» признается не более чем модным термином, с помощью которого описывается роль новых, с высокими темпами роста, отраслей, находящихся на переднем крае технологий и являющихся движущей силой современного экономического роста. Принято считать, что в реальном производстве «новая экономика» началась в конце 1990-х годов, с приходом высоких технологий – Интернет и мощные компьютеры, их проникновение в сферы торговли и потребления (*Investopedia, undated*).

Технократизм предьявленного подхода очевиден. Он обрекает на то, чтобы каждый технологический переворот трактовать как «новую экономику», не затрагивая при этом предметную характеристику «новой экономики», что противоречит сути научного анализа.

Другую крайность демонстрирует сведение «новой экономики» к политико-идеологическому концепту: «Новая экономика» представляет формирующееся видение справедливого, устойчивого и демократического будущего. Новая экономика должна работать для всех людей... Новая экономика строит сообщество на основе устойчивого преодоления богатства и власти... Новая экономика включает демократические принципы в управлении экономической и общественной жизни (*New Economy Allocation, undated*).

Отечественная трактовка «новой экономики» также имеет технократический уклон – «новая экономика характеризуется резко возрастающей ролью информации, интеллектуальных ресурсов, наукоемких и информационных технологий в целях достижения высоких темпов и качества экономического роста» (*Кругова, 2012*).

Технократическому подходу противостоит политико-экономический, согласно которому новая экономика есть «качественно новое состояние социально-экономических отношений, которые заключаются: в комплементарном характере связи корпоративно-конкурентной, индивидуальной и частно-государственной форм собственности, что придает свойство целостности всей системе отношений собственности; в дополнении различных форм конкуренции согласованным взаимодействием субъектов экономики (когерентно-конкурентное взаимодействие); в переходе к согласованно-рыночному характеру взаимодействия субъектов «новой экономики» (*Акерман, 2011*).

Методологически плодотворный аспект характеристики «новой экономики» зафиксирован в работе Т.Г. Попадюк – «Для новой экономики существенным является переход от конкуренции товаров к конкуренции технологий. Страны, позиционирующие себя в будущем как высокотехнологические мировые центры развития, осваивают и формируют рынки наукоемких технологий» (*Попадюк, 2009. С. 14*).

В ЦЕНТРЕ «НОВОЙ ЭКОНОМИКИ» – ЧЕЛОВЕК!

Современная российская экономика изнемогает в попытке достичь «амбициозных» целей, многократно превосходящих возможности ее обветшавшей «амуниции» (как и используемых для этого инструментов).

История нашей экономики испещрена «кровоподтеками», – каждое продвижение вперед оплачивалось столь дорогой ценой, что трудно найти этому хоть какое-нибудь оправдание. Да и сегодня мы никак не расстанемся с этим наследственным административным механизмом экономического «развития». И это объяснимо – административное принуждение всегда остается внешним по отношению к экономике вмешательством, не превращаясь во внутренний механизм ее движения. Поэтому, как только исчезает административное давление, «административно-организованная экономика» останавливается и будет недвижима до тех пор, пока не выработаются механизмы ее экономического (предпринимательского) самодвижения. Альтернатива же экономическому самодвижению – «подшпоривание» производства посредством усиления административного давления, которое может принимать различные формы: повышение

роли государственных корпораций в экономике, переход к «мобилизационной» экономике, «ускорение развития», превращение государственного бюджета в основной источник финансирования инвестиций, чиновничий произвол. В этом случае экономический рост подменяется искусственным ростом радующих чиновников показателей, заменяющих им реальную экономику.

Административный механизм экономического роста препятствует осознанию, что уважение к людям, сострадание к ним, внимание к социальным проблемам и есть главный фактор подъема национальной экономики. Психологи утверждают, что для правильного развития ребенка его необходимо трижды в день погладить, – в нашей стране уже более ста лет никто ни разу не погладил ни предпринимателя, ни промышленность, ни экономику. Да и что с ними церемониться, с этими «объектами» поноукания для достижения неких «мессианских», «амбициозных», «престижных» целей.

Концептуальное понимание истоков современных политических и экономических тревог требует от экономистов преодоления двух слабостей – неприязни к экономической теории и антилиберальной ангажированности: первая делает нас смешными, вторая – просто опасными. Пример смешного, ставшего опасным: обещание модернизации российской экономики посредством невозможного маневра – **обновить производство, не обновляя экономики**. Однако история мировой экономики свидетельствует – рост эффективности производства всегда есть следствие эффективной реорганизации экономики.

Поскольку же обновление экономики опасно тем, кому выгодна устаревшая экономическая организация производства, вот мы и застряли исключительно на разговорах о модернизации. Очевидная победа противников реальной модернизации – таков объективный вывод, вытекающий из «азов» великой социальной науки, известной когда-то под именем «политическая экономия». Тем не менее многие сегодня делают вид, что незнакомы с ней. А может, и правда, незнакомы? Ничего, скоро о политэкономии нам напомнит сама Жизнь.

ЧТО ЕСТЬ РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА СЕГОДНЯ?

Современная российская экономика – это индустриальное производство с значительными элементами *до-* и *постиндустриальных* технологий. Это значит, что, как индустриальная экономика, она эффективна и интенсивна только относительно *доиндустриальной*, а вот относительно *постиндустриальной* экономики она экстенсивна и неэффективна. Следовательно, по сравнению с постиндустриальными странами российская индустриальная экономика объективно является «экономикой *экстенсивных* ограничений». А это потенциально опасно вот чем – экстенсивная индустриальная экономика в кризисные периоды всегда тяготеет к примитивной модели «экономики *мобилизационных* ограничений».

Отсюда – особая проблема: российская экономика экстенсивных ограничений взаимодействует с глобальной экономикой инновационной безграничности. Каковы же последствия такого взаимодействия для российской экономики: опасность получения рисков глобального характера или приобретение новых дополнительных преимуществ?

Для экстенсивной экономики взаимодействие с инновационной экономикой оборачивается уменьшением рисков, порождаемых индустриальным «потолком» производства, и приобретением недоступных индустриальной экономике «глобальных» возможностей.

Глобализацию индустриальной экономики можно уподобить подключению компьютера к Интернету: даже слабенький компьютер обретает дополнительную мощность, но одновременно для него возрастает угроза инфицирования неведомыми ему «постиндустриальными вирусами», перед которыми индустриальная экономика беззащитна.

Не менее важна и «инверсионная постановка» проблемы – а чем является такое взаимодействие для глобальной экономики: вхождением в зону дополнительных рисков или, напротив, уменьшением степени риска? И получит ли глобальная экономика дополнительные преимущества от взаимодействия с индустриальной (доглобальной) экономикой?

По нашему мнению, для постиндустриальной экономики, объективно тяготеющей к глобализации, взаимодействие с индустриальной экономикой чревато появлением дополнительных рисков.

СИСТЕМНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРЕОДОЛЕВАЮТСЯ СИСТЕМНО

Важно осознать противоречивость сложившейся сегодня в российской экономике ситуации – системные ограничения индустриального типа слились в единое препятствие на пути инновационного преобразования антиинновационной природы современной российской экономики.

Однако **системные ограничения могут быть преодолены только системным изменением**, охватывающим всю национальную экономику. И теоретически, и практически такое системное изменение, способное охватить и преобразовать всю национальную экономику, известно каждому экономисту, так как называется оно – РЫНОК: система последовательного перевода всех отраслей и сфер на рыночные основы функционирования, а не так, как сейчас, когда огромные до-, не- и антирыночные пространства и сферы соседствуют с рыночно развитыми отраслями, пространствами и сферами, мучая их и препятствуя их эффективному развитию. Реальный переход к рынку включает то, о чем говорили либералы все эти годы, – сокращение роли государства в экономике, развитие мелкого и среднего предпринимательства, развитие реальной конкуренции, снижение налогового бремени.

ЧТО МЕШАЕТ ПЕРЕХОДУ К РЫНКУ?

Основное системное противоречие между индустриальной («неглобализированной») и постиндустриальной («глобализированной») экономикой состоит в том, что для полноценного эффективного участия в глобальной экономике нам надо интегрироваться в нее в такой степени, которая требует передачи некоторых экономических функций наднациональным, международным экономическим институтам, что нами, а точнее, бюрократическим аппаратом болезненно воспринимается как покушение на часть его управленческих прерогатив и доходных предпочтений. Но именно такую передачу части экономических функций наднациональным институтам и предполагает глобализация национальной экономики, а мы на это идти не хотим, трактуя данный шаг как основной «глобальный риск» для нашей малоглобализированной экономики. В результате, российская экономика – как экономика индустриальных системных ограничений – сегодня больше подвержена угрозам внутренних экстенсивных рисков, чем угрозе со стороны глобальных рисков.

НЕСТАРЕЮЩИЙ РЫНОК

Рынок не имеет возраста: сколько бы раз «экономикс» ни объявлял «новым» тот рынок, на котором вдруг начинал куролесить какой-нибудь юный дериватив, или «старая» нефть, или «новейшая отрасль» – электронная коммерция, – закаленный политэконом только поморщится: в теоретической модели (а никакой другой, так сказать – «нетеоретической», модели в экономической науке не бывает) **рынок всегда и везде есть система эквивалентно-возмездного обмена разнополезными результатами общественного труда**. Вот и все, – к огорчению разных отрядов воинствующих полуэкономистов: институционалистов, философов хозяйственников, эконометриков, державников, консерваторов и прочих антиполитэкономов, выискивающих

хоть что-нибудь, что они могли бы выдать за доказательство конца рыночной эпохи в истории человечества.

Напрасное занятие – рынок уйдет с исторической сцены только при одном условии – когда отпадет, исчезнет потребность (а потому и необходимость) в **эквивалентно-возмездном обмене разнополезными результатами общественного труда**.

Для российской экономики, задержавшейся в своем рыночном преобразовании и до сих пор сохраняющей (и охраняющей) элементы феодализма не только в экономической, но и политической и идеологической организации общественной жизни, реальный переход к рынку означал бы переход к «новой экономике», степень новизны которой возрастает по мере откладывания такого перехода⁸. Растянувшийся на полтора века переход к рынку – кричащая потребность всей российской экономики. Основным препятствием для этого перехода уже многие столетия является архаичная политическая система. Поэтому вектор интеллектуальных усилий Конгресса должен был бы реализовать следующий алгоритм: **«от построения современной политической системы – через систему рыночной экономики – к современному инновационному эффективному глобализированному производству!»**.

Современное общество характеризуется множеством критериев цивилизованности, но все они вторичны, будучи порождением «экономизации» производства – главным, основным, базовым критерием цивилизованности социума. Сегодня неэкономизированного производства не существует, различна только *степень* его экономизации. И чем выше эта степень, тем цивилизованнее общество.

На практике это означает одно: большинство отечественных экономистов в настоящее время серьезно заняты несбыточным – поиском такой модели модернизации, которая позволила бы, не изменяя экономики, обновить производство. Подобный поиск неизбежно обрекает процессы, проблемы и противоречия реальной экономики на сиротское прозябание, поскольку внимание экономистов отвлечено на конструирование некой искусственной «новой экономики»⁹.

Создается такое впечатление, что реальная экономика никому не интересна. В этой ситуации экономике не остается ничего иного, как заняться собственной модернизацией в инициативном порядке.

Но к лучшему ли это, когда экономика пытается стихийно обновиться? Будет ли такое самообновление быстрее и эффективнее? И не будет ли оно оплачено слишком дорогой социальной ценой?

ЛИТЕРАТУРА

Акерман Е.Н. (2011). Государственная экономическая политика в условиях новой экономики. Автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Гоголь Н.В. (1997). Мертвые души. М.: Художественная литература.

Кругова Е.Ю. (2012). Становление новой экономики в России. Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.

⁸ Отсюда видно, что «новизна» экономики носит исторический характер, например: для нерыночных или антирыночных обществ переход к рынку все еще остается желаемым будущим, «новым обществом», хотя для других стран эта «новизна» давно уже приобрела статус традиционности.

⁹ Известно, что крестоносцы, давшие обет освободить Иерусалим, были настолько невежественны, что, вступая в какой-либо город, наивно спрашивали жителей – «Это Иерусалим?» И, получив отрицательный ответ, вновь выдвигались в поход. Уж не их ли ученые потомки сегодня бродят по экономическому пространству, вопрошая: «Это – новая экономика?»

Кульков В.М. (2015). Новая индустриализация в контексте экономического развития России // *Экономика. Налоги. Право*, № 2.

Лавренова Т.Н. (2005). Новая экономика: социально-философский анализ. *Автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств.

Мамедов О.Ю. (2007). Интеллектуально-политическая мода (конъюнктурная или актуальная переоценка ценностей?) // *Terra Economicus*, т. 5, № 4, с. 135–137.

Попадюк Т.Г. (2009). Стратегия повышения конкурентоспособности промышленности в условиях формирования новой экономики. *Автореф. дис. ... д-ра эконом. наук*. М.: Всероссийский заочный финансово-экономический институт.

Пушкин А.С. (1969). Евгений Онегин / Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Правда.

Суворов Н.В. (2008). Методы и результаты макроэкономического анализа эффективности производства в реальном секторе отечественной экономики // *Проблемы прогнозирования*, № 03.

Федотов А.В. (2013). Использование преимуществ новой экономики для стимулирования развития промышленного производства // *Вопросы региональной экономики*, № 4(17).

Часовский В.И. (2015). Рыночные формы организации промышленного производства как «полюса роста» экономики России // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, вып. 1, с. 160–169.

Чурков М.А. (2006). Все для вас... производство на заказ как инструмент восстановления реального сектора экономики РФ // *Российское предпринимательство*, № 12.

Энциклопедия Кругосвет (не датировано). Кювье, Жорж (Cuvier, Georges) (<http://www.krugosvet.ru/node/35846>).

Investopedia (undated). New Economy (<http://www.investopedia.com/terms/n/new-economy.asp>).

New Economy Allocation (undated). What is the New Economy? (<http://neweconomy.net/about/what-is-the-new-economy/>).

Salisbury D. (2014). Brain mapping confirms patients with schizophrenia have impaired ability to imitate // *Research News@Vanderbilt*, Vanderbilt University, March 14 (<http://news.vanderbilt.edu/2014/03/schizophrenia-imitation/>).

Wikipedia, the free encyclopedia (2013). Institutionalism (<https://en.wikipedia.org/wiki/Institutionalism>).

REFERENCES

Akerman E.N. (2011). State economic policy in the new economy. *Thesis abstract submitted ... Doctor in Economics*. Tomsk: National Research Tomsk State University. (In Russian.)

Gogol N.V. (1997). Dead souls. Moscow: Literatura Publ. (In Russian.)

Krugova E.Yu. (2012). Становление новой экономики в России. *Thesis abstract submitted ... PhD in Economics*. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin. (In Russian.)

Kulkov V.M. (2015). New industrialization in the context of Russian economic development. *Economy. Taxes. Law*, no. 2. (In Russian.)

Lavrenova T.N. (2005). Новая экономика: социально-философский анализ. *Thesis abstract submitted ... PhD in Philosophy*. Krasnodar: Krasnodar State University of culture and arts. (In Russian.)

Mamedov O.Yu. (2007). Intellectual and political mode (conjuncture or actual soul-searching?) *Terra Economicus*, vol. 5, no. 4, pp. 135–137. (In Russian.)

Popadyuk T.G. (2009). The strategy of increasing the competitiveness of industry within the emergence of the new economy. *Thesis abstract submitted ... Doctor in Economics*.

Moscow: The All-Russian State Distance-Learning Institute of Finance and Economics. (In Russian.)

Suvorov N.V. (2008). Methods and results of macroeconomic analysis of production efficiency in the real sector of domestic economy. *Problemy prognozirovaniya*, no. 03, pp. 3–16. (In Russian.)

Fedotov A.V. (2013). Taking advantage of the new economy to stimulate the development of industrial production. *Voprosy regionalnoi ekonomiki*, no. 4(17). (In Russian.)

Chasovskiy V.I. (2015). Market forms of organization of industrial production as a “growth pole” of the Russian economy. *Bulletin of the The Immanuel Kant Baltic Federal University*, issue 1, pp. 160–169. (In Russian.)

Chirkov M.A. (2006). Best for you... contract manufacture as a tool for the recovery of the real sector of the Russian economy. *The Russian Entrepreneurship*, no. 12. (In Russian.)

Encyclopedia Krugosvet (undated). Cuvier, Georges (<http://www.krugosvet.ru/node/35846>). (In Russian.)

Pushkin A.S. (1969). Eugene Onegin / Collected works, 6 vols., vol. 4. Moscow: Pravda Publ. (In Russian.)

Investopedia (undated). New Economy (<http://www.investopedia.com/terms/n/new-economy.asp>).

New Economy Allocation (undated). What is the New Economy? (<http://neweconomy.net/about/what-is-the-new-economy>).

Salisbury D. (2014). Brain mapping confirms patients with schizophrenia have impaired ability to imitate. *Research News@Vanderbilt*, Vanderbilt University, March 14 (<http://news.vanderbilt.edu/2014/03/schizophrenia-imitation/>).

Wikipedia, the free encyclopedia (2013). Institutionalism (<https://en.wikipedia.org/wiki/Institutionalism>).

НАДО ЛИ ЗАЩИЩАТЬ СОВЕТСКУЮ ЭКОНОМИКУ ЛУКАВЫМИ ЦИФРАМИ?

Г.И. ХАНИН,

доктор экономических наук, профессор,
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: khaning@yandex.ru

ТERRA ECONOMICUS
✧ 2016 Том 14 № 1

В статье анализируется возобновленная С. Дзарасовым дискуссия вокруг оценок динамики советской экономики. Рассматриваются оценки динамики экономики послевоенного периода, исчислявшиеся ЦРУ США, ЦСУ СССР и автором. Подвергается критике утверждение С. Дзарасова о том, что ЦРУ подтвердило данные ЦСУ СССР о динамике советской экономики. Показывается близость оценок динамики ЦРУ и автора и их огромное отличие от оценок ЦСУ СССР. Производится сравнение различных оценок, в том числе и в наиболее сопоставимом виде с исключением сектора услуг. Анализируются недостатки оценок ЦСУ СССР динамики макроэкономических показателей и продукции отдельных отраслей советской экономики, связанные с широким использованием преувеличенных стоимостных данных советской статистики, включавших скрытый рост оптовых и розничных цен. Показывается, что российская макроэкономическая статистика сохранила, а иногда и приумножила многие пороки советской статистики. Выявляются дефекты методологии оценок ЦРУ США динамики ВВП СССР, которые привели к преувеличению ее динамики. Обсуждаются причины образования комиссии конгресса США по оценке исследований ЦРУ США экономики СССР. Показывается, что мои оценки советского экономического роста вполне согласуются с успехами СССР в период Великой Отечественной войны и в 1950–1960-е гг. Привлекаемая С. Дзарасовым в защиту оценок ЦРУ США динамики ВВП СССР экспертиза ряда американских экономистов не является аргументированной, а некоторые из экспертов никогда не занимались макроэкономической статистикой СССР.

Ключевые слова: экономика СССР; искажения советской макроэкономической статистики; макроэкономические оценки ЦРУ США; макроэкономические оценки Ханина Г.И.

WHETHER SOVIET ECONOMY NEEDS TO BE PROTECTED BY THE CRAFTY FIGURES?

G.I. KHANIN,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA), Siberian Institute of Management,
Novosibirsk, Russia,
e-mail: khaning@yandex.ru

The article addresses the discussion resumed by S. Dzarasov on the estimates for macroeconomic data on the Soviet economy dynamics. In particular, the estimates by CIA (USA), CSB (USSR) and author's own calculations are compared. The statement made by S. Dzarasov concerning the CIA's confirmation of the CSB data on the dynamics of the Soviet economy is criticized. Proximity of the author's estimates to the CIA's ones is shown, as well as the striking differences of those compared with the USSR's CSB estimates. A comparison is made between various indicators, including those most comparable, with the exception of the services sector. The shortcomings of the CSB's estimates of the dynamics of macroeconomic indicators and indices of production in separate industries of the Soviet economy are analyzed, showing extensive use of exaggerated cost data by the Soviet statistics, which involved a hidden growth of wholesale and retail prices. The author demonstrates that many defects of the Soviet statistics are retained, and sometimes even multiplied, by the Russian macroeconomic statistics. Shortcomings of the CIA's methodology to estimate the USSR's GDP growth are revealed, resulted in exaggeration of its dynamics. The article uncovers the reasons why the Education Commission of the US Congress was established to assess the CIA's studies on the Soviet economy. The author's estimates of the economic growth are shown as quite consistent with the USSR's success during the Great Patriotic War and in 1950–1960s. In turn, S. Dzarasov's arguments concerning American experts' assessment reveal their inconsistency, and some of them have never engaged in the studies on the USSR's macroeconomic statistics.

Keywords: *economy of the USSR; distortion in Soviet official statistics; estimates for macroeconomic data the CIA; estimates for macroeconomic data by G.I. Khanin*

JEL classifications: *E00, O11*

Я не предполагал, что почти через 30 лет после публикации наша (совместно с В. Селюниным) статья «Лукавая цифра» снова вызовет дискуссию. Но случилось так, что совсем недавно она подверглась резкой критике со стороны уважаемого мною (к сожалению, ныне скончавшегося) профессора МГУ С.С. Дзарасова. Если бы ее критиковал менее заслуженный экономист, я бы эти оценки, скорее всего, игнорировал: общественное влияние такой критики было бы минимальным. Но помимо вполне естественного желания отстоять свои научные достижения от несправедливой критики, я преследую более важную цель: показать недопустимость и, более того, вредность отстаивать свои политические и экономические взгляды, пользуясь фальсифицированными статистическими данными. В данном случае речь идет о социалистическом хозяйстве СССР.

Критика Дзарасова появилась в его предисловии к отрывкам из отдельных работ Кейнса (отрывками впечатлений и размышлений об СССР конца 1920-х гг. и книги «Общая теория занятости, процента и денег»). В этом предисловии Дзарасов, опираясь на Кейнса, отстаивает необходимость и благотворность государственного регулирования экономики, поскольку максимального развития это регулирование достигло в СССР, а его неудачный, с точки зрения макроэкономических результатов, опыт выступал опровержением такого преимущества государственного регулирования. Наиболее яркое свидетельство такой неудачи Дзарасов увидел в моих работах и, прежде всего, в нашей совместно с Василием Селюниным опубликованной в 1987 г. в журнале «Новый мир» № 2 публицистической статье «Лукавая цифра», произведшей в то время огромное впечатление в СССР и за рубежом.

Свою критику Дзарасов начинает с утверждения: «нас больше интересует западная оценка темпов экономического роста, тем более, что в критический период перестройки их реалистичность без достаточных на то оснований стали отрицать» (*Кейнс, 2015. С. 49*). Ни одного примера такого отрицания Дзарасов не приводит. Кроме одного единственного: нашу статью «Лукавая цифра». Но в ней шла критика не западных оценок экономического роста, а оценок ЦСУ СССР, которые в огромной степени отличались от западных оценок. В то же время, действительно, они несколько отличались в сторону снижения и от многих западных оценок, прежде всего от наиболее авторитетной среди них оценки Центрального разведывательного управления США, о чем в самой статье не было ни слова (хотя нам эти оценки были известны).

Далее Дзарасов пишет о периоде первой половины 1980-х гг. в СССР: «В условиях охватившего общество уныния два внука тургеневского Базарова (Василий Селюнин и Григорий Ханин) выступили в журнале «Новый мир» со статьей с сенсационными утверждениями, что данные о высоких темпах советского экономического роста представляют собой дутые цифры, искажающие нашу реальность. Критикуя из лучших побуждений (их духовный отец из тех же побуждений поносил Россию как негодную страну) пороки советской практики учета статистических данных, они сильно перегнули палку и стали отрицать достоверность показателей советского роста. Опираясь на собственные кустарные выкладки, они объявили о своем сенсационном открытии: утверждения советской статистики о росте национального дохода преувеличены в 13–15 раз. К сожалению, в тогдашней обстановке всеобщего поношения советского прошлого сенсационные открытия двух авторов не вызвали к себе должного внимания, и их обоснованность не была подвергнута экспертной оценке. Никто не обратил внимания на то, что если бы данные двух авторов были верны, то довоенный Советский Союз оставался бы отсталой страной. Тогда он никак в ходе Второй мировой войны в производстве передовой военной техники не мог бы выйти на более высокий уровень, чем это смогла сделать находившаяся под контролем Гитлера континентальная Европа» (*Кейнс, 2015. С. 51–52*). Прошу читателей извинить за длинную цитату, но без нее никак не обойтись в полемике.

В этой цитате содержится целая цепь утверждений. Во-первых, утверждается, что наши расчеты были кустарными, т.е. примитивными, и потому необоснованными. На каком основании это утверждается, где доказательства? Здесь Дзарасов, не будучи компетентен в статистике, обращается к зарубежным экономистам (о чем ниже). Во-вторых, утверждается, что наши расчеты не подвергались экспертной оценке советскими экономистами. Это, конечно, тоже не так. Если бы Дзарасов прочитал журнал «Вопросы статистики» за 1987 г., он обнаружил бы в нем оживленную и ожесточенную полемику с нами. Увы, она оказалась неубедительной и прекратилась после смены руководства ЦСУ СССР, признавшего крупные искажения в советской статистике. Уже после распада СССР наши оценки были подробно проанализированы в статьях таких известных экономистов и статистиков, как В.М. Кудров¹ и начальник отдела макроэкономических расчетов Росстата А.Н. Пономаренко (*Пономаренко, 2002. С. 104–105*). При всей критической оценке моей методологии они оба признали мои результаты намного достоверней результатов ЦСУ СССР. Еще более важно то, что долголетний ответственный работник ЦСУ СССР М.Р. Эйдельман, занимавшийся в нем макроэкономическими расчетами, в журнале «Вопросы статистики» за 1992–1993 гг. в двух номерах опубликовал, с использованием обширных первичных материалов ЦСУ СССР, свои расчеты, которые оказались еще ниже моих.

Серьезнее (но только для экономических дилетантов) выглядят общеэкономические соображения. Преодоление экономической и культурной отсталости было достигнуто даже при небольшом росте ВВП, благодаря радикальному изменению

¹ Ссылка на анализ моих работ В.М. Кудровым содержится в моей полемической статье «Необоснованная критика», которую легко найти в Интернете.

структуры использования ВВП: в нем в несколько раз была увеличена доля расходов на производственное накопление, военные расходы и расходы на образование и здравоохранение за счет расходов на личное потребление населения и непроектное накопление (прежде всего на ввод жилья). Немалую роль в обеспечении военных нужд в период Великой Отечественной войны сыграли поставки по ленд-лизу военной техники и, особенно, некоторых видов сырья, оборудования и продовольствия.

Ключевой момент «разоблачения» Селюнина и Ханина нашим оппонентом С.С. Дзарасовым содержится дальше. Продолжу цитирование: «Ошибка двух авторов была вскрыта другим путем. Наступивший через три года после выхода статьи неожиданный распад Советского Союза вызвал у американских сенаторов сомнения в его прочности. Рассуждения указанных авторов оказались им на руку. Далекие от подлинных причин распада СССР, но опираясь на суждения и оценки рассматриваемой статьи, они стали утверждать, что Советский Союз всего-то был бумажным тигром. Но тогда ставили они вопрос, на каком основании Белый дом и ЦРУ требовали и расходовали многомиллиардные средства американских налогоплательщиков для борьбы с врагом, который и внимания-то не заслуживал? Поднялся скандал по поводу американских расходов на холодную войну». Указанное суждение базируется на позднейшей статье двух американских авторов левого направления – Котца и Веира (Kotz, Weir). Возьму на себя смелость утверждать, что эти авторы преувеличивают значимость нашей статьи для просвещения американских сенаторов-консерваторов и вообще американского истеблишмента. У ЦРУ США уже в начале 1980-х гг. была прекрасная осведомленность о плачевном состоянии советской экономики (*Швейцер, 1995. С. 28–30*). Что касается открытых публикаций, то такие западные советологи, как Майкл Эллман, Алек Ноув, Игорь Бирман также давали достаточно мрачные оценки состояния советской экономики. Отмечу в этой связи, что Алек Ноув еще в 1984 г. «расшифровал» содержание моих статей в журнале «Известия АН. Серия экономическая» за 1981–1982 гг. и представил в докладе Королевскому статистическому обществу, опубликованном в 1984 г., мои оценки реального роста национального дохода СССР. Сказанное не означает, что наша статья не произвела сильного впечатления на Западе, особенно в США. Достаточно упомянуть, что на организованной в 1988 г. Гуверовским институтом конференции о роли военного сектора в советской экономике два первых доклада были в значительной степени посвящены нашей статье и другим опубликованным к этому времени моим публикациям по альтернативным оценкам динамики ВВП (*Rowen and Wolf, 1990. Pp. 13–92*).

Со ссылкой на Котца и Веира, Дзарасов сообщает, что известный консервативный исследовательский фонд Heritage Foundation «по собственной инициативе создал комиссию из пяти известных экспертов во главе с маститым экономистом-статистиком профессором Джемсом Милларом с целью изучения всех данных и выработки заключения об обоснованности этого потенциала со стороны Центрального разведывательного управления США» (*Кейнс, 2015. С. 53*). Передо мной доклад той самой комиссии, опубликованный в 1992 г. в американском экономическом журнале за подписями всех пяти экспертов (я опустил для краткости их работы в американских университетах) (*Berkowitz, 1993*). Из предисловия к докладу видно, что Heritage Foundation ни при чем. Доклад подготовлен между августом и ноябрем 1991 г. по поручению комитета по разведке палаты представителей США (*Berkowitz et al., 1993. P. 33*). Отмечу, что из его авторов только Пола Грегори можно считать макроэкономическим статистиком. Миллар специализировался на советском сельском хозяйстве. Берлинер исследовал поведение советских предприятий. Остальные два вообще не известны в качестве исследователей советской экономики или советской статистики. На этом основании выскажу предположение, что состав комиссии с самого начала был сформирован с целью оправдания ЦРУ, а комитет по разведке палаты пред-

ставителей по неведомым мне причинам был тесно связан с ЦРУ и заинтересован в его защите.

Посмотрим, однако, как интерпретировал ее заключения С.С. Дзарасов: «Комиссия подтвердила, что данные ЦРУ оценки советского роста были обоснованы хорошо известной и признанной методикой расчетов. Выходит, что Советский Союз был не бумажным, а весьма опасным тигром. Вызвавшие бурю расчеты двух советских авторов, таким образом, были признаны как основанные на ложных предпосылках и названы «незрелыми и наивными». Мы здесь имеем еще одно подтверждение тому, что нет худа без добра. В. Селюнин и Г. Ханин пытались поставить под сомнение советские темпы экономического роста, а на самом деле спровоцировали самое авторитетное их подтверждение экспертами мирового класса» (Кейнс, 2015. С. 53). Первое и последнее предложения этой цитаты находятся в полном противоречии. Комиссия действительно, с оговорками, поддержала расчеты ЦРУ, но отнюдь не расчеты ЦСУ СССР, которые отличались от них радикально, на порядок. Эту вопиющую ошибку Дзарасова я могу объяснить только его неознакомленностью с расчетами ЦРУ и желанием во что бы то ни стало защитить советскую экономику. Что касается «экспертов мирового класса», то я уже об этом сказал. Умиляет это самоуничижительное преклонение перед западными учеными даже горячих сторонников социализма.

Обращусь, однако, к тексту. Заключение о нашей статье и всей проблеме динамики советского ВВП в нем было отведено очень скромное место – меньше одной страницы из 24-х (Berkowitz et al., 1993. Pp. 37–38). Прочитую полностью отрывок, относящийся ко мне и другим советским авторам альтернативных оценок. «Другой вызов исходит от недавних оценок советских экономистов, особенно Григория Ханина. Его работам была дана большая реклама (great publicity) на конференции, проведенной American Heritage, которая в свою очередь явилась стимулом для публичной критики продукции ЦРУ. Последующая научная конференция, проведенная ЦРУ, рассмотрела этот вопрос. Мы согласны с заключением этой конференции: методологически подход Ханина является наивным и невозможно воспроизвести его результаты. Пока не станут доступны подробности, оценки Ханина не могут явиться серьезным конкурентом оценок ЦРУ» (Berkowitz et al., 1993. Pp. 37–38).

Теперь становится очевидна хронология событий: сначала конференция противников ЦРУ в Heritage Fund (Дзарасов не разобрался в роли этого фонда), потом в ответ конференция сторонников ЦРУ. Материалы обеих конференций неизвестны, обе могли быть пристрастны. Но откуда такая уверенность, что правы сторонники ЦРУ? Почему нужно доверять конференции сторонников ЦРУ, а не их противникам? Единственный внятный довод: расчеты Ханина не воспроизводимы. Здесь маленькая правда и большая неправда. Большая неправда состоит в том, что к этому времени в различных советских изданиях было уже опубликовано много подробностей моих расчетов, и при желании квалифицированные экономисты могли их воспроизвести (Алек Ноув это проделал на основе всего двух публикаций еще в 1984 г.). Маленькая правда состоит в том, что моя основная книга «Динамика экономического развития СССР» практически со всеми выкладками вышла только в 1991 г. и не была известна участникам обеих конференций и авторам доклада. Но должна была быть известна Дзарасову, однако почему-то его не заинтересовала.

Теперь пора предоставить читателям возможность самим убедиться в качестве оценок ЦРУ США советского экономического роста. Такой анализ я проделал в своей книге «Советский экономический рост: анализ западных оценок», вышедшей в 1993 г. и получившей положительный отзыв Алека Ноува в Europe Asia Studies незадолго до его смерти (русские авторы книгу не заметили). Но сначала сравню мои оценки с оценками ЦРУ и ЦСУ СССР (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика ВВП/национального дохода СССР за 1951–1985 годы

Авторы расчетов	1951–1960	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1951–1985
1. ЦСУ СССР (созданный национальный доход)	2,65	1,37	1,45	1,32	1,23	1,19	10,18
2. ЦРУ США (созданный ВВП)	1,73	1,28	1,29	1,2	1,09	1,14	4,26
3. Ханин Г.И. (созданный национальный доход)	2,0	1,24	1,22	1,17	1,05	1,03	3,83

Источники: ЦСУ СССР и Ханин, 1988. Данные ЦРУ США за 1951–1980 гг. – Ханин, 1993. С. 83; за 1981–1985 гг. – Кудров, 2000. С. 176.

Сравнение всех указанных расчетов затрудняется их неполной сопоставимостью: ЦРУ США рассчитывало принятый на Западе показатель ВВП, ЦСУ СССР и Г.И. Ханин – принятый в СССР и других социалистических странах показатель национального дохода. Разница, в основном, связана со сферой услуг: на Западе она включалась в расчеты, в СССР – нет. Однако ее доля менялась медленно, особенно за короткие периоды. Поэтому сравнение все же возможно. Оно показывает, что и мои расчеты, и расчеты ЦРУ США за весь период относительно близки, в то время как и те и другие очень далеки от расчетов ЦСУ СССР.

Так рушится созданный Дзарасовым миф о том, что ЦРУ подтвердило расчеты ЦСУ СССР. С другой стороны, в целом за весь период мои расчеты действительно дают более низкие результаты, чем ЦРУ. Что касается отдельных периодов, то в 1950-е гг. как раз мои расчеты выше. Лишь после 1975 г. они значительно ниже и меняют общую оценку состояния советской экономики: от медленного роста у ЦРУ США до практической стагнации у меня. Это, конечно, имело большое практическое значение в оценке перспектив советской экономики, что и вызвало ожесточенную критику ЦРУ в определенных кругах США. Разница моих расчетов с расчетами ЦРУ становится еще более очевидной, если для приведения их в сопоставимый вид исключить из них сферу услуг (по данным ЦРУ США) (Ханин, 1993. С. 83), Результаты расчета представлены в табл. 2.

Таблица 2

Расчет ЦРУ США динамики национального дохода СССР в 1951–1980 гг. (без сферы услуг) (млрд руб. в ценах 1970 г.)

Показатели	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1980/1950
1. ВВП	133,6	174,5	232,3	296,8	383,3	459,7	525,4	3,92
2. Услуги	39,4	43,3	51,9	63,8	78,5	92,8	106,6	2,7
3. Доля услуг в ВВП	0,29	0,248	0,22	0,24	0,204	0,204	0,201	
4. ВВП без услуг (1–2)	94,2	131,2	180,9	233,0	304,8	366,9	418,81	4,45
5. То же к предыдущему году		1,39	1,38	1,29	1,31	1,2	1,14	

Источник: 1–2 – Ханин, 1993. С. 83; 3–5 – мой расчет.

В табл. 2 обращает на себя внимание редчайший случай в послевоенной экономической истории: значительное падение доли услуг. Он был связан с пренебрежением в СССР к этой сфере в пользу производства товаров.

Сравнение расчета динамики национального дохода ЦРУ США с расчетами динамики национального дохода ЦСУ СССР и расчетами Г.И. Ханина представлено в табл. 3

Таблица 3

**Сравнение динамики национального дохода СССР за 1951–1980 гг.
в расчетах ЦРУ США (без сферы услуг), Ханина Г.И. и ЦСУ СССР**

Авторы расчетов	1951–1960	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1951–1980
1. ЦСУ СССР	2,65	1,37	1,45	1,32	1,23	8,55
2. ЦРУ США	1,73	1,29	1,31	1,2	1,14	4,45
3. Ханин Г.И.	2,0	1,24	1,22	1,17	1,05	3,71

Как видно из табл. 3, учет услуг несколько снизил разрыв расчетов ЦРУ и моих, с одной стороны, и ЦСУ СССР – с другой, но они остались очень значительными. Остался и разрыв в оценках моих и ЦРУ США, лишь несколько сузившись. По-прежнему почти во все периоды, кроме 1950-х гг., мои оценки ниже. Объясню вкратце, почему я считаю оценки ЦРУ завышенными (полное объяснение содержится в 3-й главе моей книги «Советский экономический рост: анализ западных оценок», целиком посвященной критике оценок ЦРУ).

Начиная с Наума Ясного, оценки динамики советской экономики опирались практически исключительно на единственные относительно достоверные показатели советской статистики: натуральные показатели. Это имело определенные недостатки: слабый учет качества продукции, полное или частичное выпадение из оценок отраслей, по которым натуральные показатели вообще не публиковались (например, по военной промышленности или цветной металлургии) или публиковались очень неполно (например, приборостроение или электроника). Но это считалось лучшим, чем опираться на официальные данные по этим отраслям в силу очевидной преувеличенности. Их динамика оценивалась с помощью различных косвенных методов. ЦРУ США решили отойти от этой традиции. Возможно, из лучших соображений. Поэтому в них довольно частично используются официальные оценки динамики продукции или инвестиций. Это прежде всего и определило завышенность многих оценок ЦРУ США по динамике ВВП (созданного и использованного), промышленной продукции, инвестиций и ряда других. Однако, если по оценкам динамики промышленной продукции советские оценки объема и динамики использовались только частично, то по динамике инвестиций полностью. И это уже совершенно удивительно и не объяснимо иначе, как недостаточной квалификацией работников ЦРУ. При этом зачастую многие исходные данные расчетов ЦРУ не приводило, что затрудняло их верификацию (Ханин, 1993. С. 76–77).

Имелись и другие сомнительные нововведения (например, в оценке весов, подмены чистой продукции валовой) (Ханин, 1993. С. 77). К чему приводило использование официальных советских обобщающих данных для оценки, например, продукции машиностроения, говорит сравнение ее динамики с динамикой смежных отраслей за 1970-е гг.: первая выросла на 90%, продукция черной металлургии – на 28%, цветной металлургии – на 51% (Ханин, 1993. С. 78). Чего не может быть, потому что не может быть никогда. Столь же кричащие противоречия возникли между оценками и по другим смежным отраслям промышленности (по мебельной промышленности и производству швейных изделий).

Именно потому, что одним методом невозможно удовлетворительно рассчитать динамику продукции, я в своих расчетах использовал много методов, на основе преимущественно натуральных показателей: 6 по промышленности, 3 по ВВП, 3 по строительству. Кроме того, мною были произведены расчеты по такому важнейшему для

настоящего и будущего экономики показателю, как динамика основных фондов (чего ЦРУ с его огромными ресурсами почему-то не стало делать). Был произведен расчет и по динамике материалоемкости ВВП.

Не может не вызвать удивления использование данных ЦСУ СССР для оценки динамики потребления предметов долговременного пользования в условиях очевидного скрытого роста цен по этим товарам и советского индекса розничных цен по непродовольственным товарам и бытовым услугам, где также наблюдался значительный скрытый рост цен.

После появления растущей критики расчетов ЦРУ (мои расчеты, оценки Игоря Бирмана, а также статьи Алекса Ноува, Андерса Ослунда, Ричарда Эриксона, Владимира Конторовича, некоторых других западных экономистов) ЦРУ вынуждено было отреагировать на эту критику. В результате оно подготовило в сентябре 1988 г. специальный доклад (*Directorate of Intelligence, 1988*). В нем значительное место занимала и полемика с моими расчетами, которые оно упрекало в неясности методологии (к этому времени многие мои расчеты и их методология еще не были опубликованы). В результате ЦРУ признало ошибочность своих оценок динамики потребления инвестиций, но отстаивало свои оценки динамики ВВП, повысив оценку динамики услуг. Для меня аргументация ЦРУ в этом докладе показалась неубедительной. Изложенные в докладе пятерых экспертов события (конференции в Heritage Fund и ЦРУ США) произошли уже в 1990 г.

Анализ расхождений в различных оценках советской экономики имеет важнейшее значение для понимания ее результатов и эффективности. Это не только вопрос истории, но имеет значение для текущего выбора социально-экономической модели в России. Именно потому она и вызывает до сих пор такие страсти. Но вопрос не только в этом. Искажения в макроэкономической статистике не исчезли с распадом СССР. Росстат, к сожалению, унаследовал многие худшие пороки советской статистики, лукавая цифра жива. А иногда и усугубил их. В качестве просто вопиющего примера последнего приведу состояние статистики основных фондов. Если в Советском Союзе разрыв между учетной и восстановительной стоимостью основных фондов после 1950 г. не превышал 2–3 раз, то в настоящее время, по нашим расчетам, он составляет примерно 8 раз (Ханин, Фомин, 2015). Отсюда и вопиющие ошибки в исчислении динамики основных фондов, рентабельности продукции. Российское руководство оказывается в таком же плену лукавых цифр, как в прошлом советское. Самое грустное состоит в том, что ученые-экономисты в подавляющем большинстве проявляют поразительное равнодушие к этим искажениям. Разница с советским периодом состоит в том, что если тогда разоблачать искажения в статистике было опасно (и все же проводилось рядом экономистов), то теперь никакого риска нет, нет и желания. И это поднимает серьезные вопросы о профессиональном и нравственном состоянии российского научно-экономического сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

Кейнс Дж. (2015). Впечатления о Советской России. Должно ли государство управлять экономикой. М.: Алгоритм.

Кудров В. (2000). Крах советской модели экономики. М.

Пономаренко А.Н. (2002). Ретроспективные национальные счета России 1961–1990. М.: Финансы и статистика.

Ханин Г.И. (1988). Экономический рост советской экономики: альтернативная оценка // *Коммунист*, № 17, с. 83–90.

Ханин Г.И. (1993). Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск: Экор.

Ханин Г.И., Фомин Д.А. (2015). Деньги для модернизации / В кн.: Ханин Г.И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: избр. труды. В 2 т., т. 1. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 384 с.

Швейцер П. (1995). Victory. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск: Авест.

Berkowitz D.M., Berliner J.S., Gregory P.R., Linz S.J. and Millar J.R. (HPSCI Review Committee) (1993). Survey Article: An Evaluation of the CIA's Analysis of Soviet Economic Performance, 1970–90 // *Comparative Economic Studies*, vol. 35, no. 2, p. 33–57.

Directorate of Intelligence (1988). Revisiting Soviet economic performance under Glasnost: implication for CIA estimates. Washington, D.C.: The Directorate.

Rowen H.S. and Wolf Ch., Jr. (eds.) (1990). The Impoverished Superpower Perestroika and Soviet Military Burden. San Francisco, California: Institute for Contemporary Studies.

REFERENCES

Keynes J. (2015). Impressions of the Soviet Russia. Whether the state should manage the economy. Moscow: Algoritm Publ. (In Russian.)

Khanin G.I. (1988). The economic growth of the Soviet economy: alternative estimates. *Communist*, no. 17, pp. 83–90. (In Russian.)

Khanin G.I. (1993). Soviet economic growth: an analysis of the Western estimates Novosibirsk: Ekor Publ. (In Russian.)

Khanin G.I. and Fomin D.A. (2015). Money for the modernization / In: Khanin G.I. Russian Economy and Society: retrospective and perspectives, in 2 vols., vol. 1. Novosibirsk: Publishing House of RANEPa, Siberian Institute of Management, 384 p. (In Russian.)

Kudrow V.M. (2000). The collapse of the Soviet economic model. Moscow. (In Russian.)

Ponomarenko A.N. (2002). Retrospective Russian national accounts 1961–1990. Moscow: Finance and Statistics Publ. (In Russian.)

Schweitzer P. (1995). Victory. The role of the secret US administration's strategy in the disintegration of the Soviet Union and the socialist camp. Minsk: Avest Publ. (In Russian.)

Berkowitz D.M., Berliner J.S., Gregory P.R., Linz S.J. and Millar J.R. (HPSCI Review Committee) (1993). Survey Article: An Evaluation of the CIA's Analysis of Soviet Economic Performance, 1970–90. *Comparative Economic Studies*, vol. 35, no. 2, p. 33–57.

Directorate of Intelligence (1988). Revisiting Soviet economic performance under Glasnost: implication for CIA estimates. Washington, D.C.: The Directorate.

Rowen H.S. and Wolf Ch., Jr. (eds.) (1990). The Impoverished Superpower Perestroika and Soviet Military Burden. San Francisco, California: Institute for Contemporary Studies.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА. РЫНОК. КАПИТАЛ. ОБЩЕСТВО^{1, 2}

А.В. БУЗГАЛИН,

доктор экономических наук, профессор,
визит-профессор Пекинского государственного университета,
г. Москва, Россия,
e-mail: buzgalin@mail.ru;

А.И. КОЛГАНОВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий лабораторией сравнительного анализа экономических систем
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия,
e-mail: onaglo@mail.ru

В статье раскрываются особенности выработки основ современной социально-экономической политики на базе политико-экономического подхода к анализу хозяйственных практик. Выделенные авторами направления использования потенциала политической экономии для поиска стратегии развития России могут быть применимы и для ряда других стран, учитывая то, что российская система является одним из типичных примеров экономики позднего капитализма полупериферийного типа и одним из важных игроков в группе стран БРИКС, отличаясь от других участников этого союза лишь рядом особенностей.

Авторы выводят необходимость системности социально-экономической политики из системы производственных отношений, ключевыми блоками которой являются – отношения координации (система аллокации ресурсов), отношения собственности, отношения воспроизводства и блок социальных параметров экономики. Особое внимание в данной статье уделено мерам экономической политики в области двух блоков системы производственных отношений – отношений координации, проявляемых в соотношении рыночных и плановых регуляторов, и отношений собственности.

В статье показано, что в области социально-экономической политики все кажущиеся узкопрофессиональными и даже техническими вопросы в конечном счете упираются в фундаментальные общественные проблемы. Аргументировано, что строгая «привязка» основных блоков социально-экономической политики к структуре системы производственных отношений позволит сделать экономическую политику более комплексной и эффективной. Акцентируется важность целостности и системности социально-экономической политики, поскольку несогласованность экономической, финансовой, соци-

¹ Настоящий текст представляет собой сокращенную версию доклада. Полная версия будет опубликована в журнале «Вопросы политической экономии» (№ 2, 2016).

² Авторы выражают благодарность О.В. Барашковой за помощь в работе над текстом.

альной и т. п. политики государства и фактически присутствующее в современной России доминирование краткосрочных мер финансовой политики сводит на нет все остальные усилия государства, даже если они были направлены на позитивные цели. Авторы также подчеркивают важность постановки вопроса о том, интересы какого экономического актора выражает та или иная экономическая политика, и предлагают свой вариант ответа на этот вопрос.

Ключевые слова: политическая экономия; государственная экономическая политика; стратегия развития России; взаимосвязь государственной социально-экономической политики и структуры системы производственных отношений; поздний капитализм; «Капитал» К. Маркса

POLITICAL ECONOMY AND ECONOMIC POLICY. MARKET. STATE. SOCIETY

ALEXANDER V. BUZGALIN,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Visiting professor of Peking University,
Moscow, Russia,
e-mail: buzgalin@mail.ru;

ANDREY I. KOLGANOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Chief of laboratory of the Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
e-mail: onaglo@mail.ru

The article reveals the peculiarities of the foundations of social and economic policy on the basis of political and economic approach to the analysis of economic practices. Highlighted by the authors potential uses of political economy for Russia's development strategy may be applicable to other countries, given the fact that the Russian system is one of the typical examples of the semi-peripheral-type of late capitalism economy and one of the important players in the BRICS group of countries, unlike other members of this union have a number of peculiarities.

The authors deduce the need for systemic social and economic policy from the production relations system, key units of which are relations of coordination (the system of resource allocation), property relations, the relationship of reproduction and the block of the social parameters of the economy. Particular attention in the article is given to policy measures in the field of two blocks of production relations system - the relations of coordination, manifested in the ratio of market and planned regulation, and property relations.

The article shows that in the field of socio-economic policies all seem narrow professional and even technical issues ultimately rest on the fundamental social problems. Argued that a strict «binding» of the basic units of social and economic policy to the production relations system structure will make economic policy more comprehensive and effective. The importance of integrity and systemic social and economic policy is emphasized in the article, as the inconsistency of the economic, financial, social, and

so on state policy and Russia the dominance of short-term measures of financial policy actually presented in modern Russian economy negates all other efforts of the state, even if they were aimed at the positive objectives. The authors also stress the importance of the question of what economic actor's interests are expressed by one or the other economic policies, and provide their possible answer to this question.

Keywords: *political economy; government economic policy; strategy for the development of Russia; the relationship of government socio-economic policy and the structure of production relations system; late capitalism; «Capital» of K. Marx*

JEL classifications: *O20, P11*

Типичное для 1990–2000-х гг. почти полное игнорирование классической политической экономики и ее современных версий после мирового кризиса 2007–2010 гг. сменилось постепенным возрастанием внимания к этой науке вообще и ее потенциалу в решении проблем практики, в частности.

Теоретическому потенциалу нашей науки и, в первую очередь, потенциалу современных разработок, покоящихся на багаже классического марксизма, было посвящено немало наших работ (Бузгалин, Колганов, 2015а; 2015b; Бузгалин, 2015) и работ наших коллег (Мамедов, 2015; Пороховский, 2012; 2014; Рязанов, 2015), поэтому ниже мы остановимся на вопросах потенциала нашей науки в решении практических вопросов социально-экономической политики, взяв в качестве естественного для российских авторов примера проблемы поиска стратегии развития нашей страны. Этот дискурс будет важен еще и потому, что российская система является одним из типичных примеров экономики позднего капитализма полупериферийного типа и одним из важных игроков в группе стран БРИКС, отличаясь от других участников этого союза разве что более акцентированным влиянием на экономику олигархо-бюрократических группировок, меньшей, чем, скажем, в Китае или Бразилии, ролью легитимного государственного регулирования и большей ролью теневого воздействия государства на экономику (осуществляемого вне формально-юридически закрепленных институтов) и теневого рынка.

О специфических чертах российской экономики мы уже не раз писали (см., напр., серию статей: Бузгалин, Колганов, 2014а; 2014b; 2014с), поэтому перейдем сразу к сути дела, отмечая в ряде моментов специфические для тех или иных стран особенности выработки основ социально-экономической политики на базе политико-экономического подхода к анализу хозяйственных практик.

1. Система производственных отношений и системность социально-экономической политики: вступительные ремарки

Хорошо известно, что непосредственным предметом классической политической экономики являются исторически-конкретные системы производственных отношений, рассматриваемые в их единстве с производительными силами. В частности, предметом исследования венчающего работы классиков труда Карла Маркса «Капитал» является, как К. Маркс сам об этом писал, «капиталистический способ производства»³. Структура этого способа производства, если мы следуем логике «Капитала», включает анализ товара и денег, отношений труда и капитала, воспроизводства, распределения (заработная плата, прибыль и т. п.), обмена и т. д. Генерализуя и переводя на более близкий к современности язык, мы можем сказать, что в качестве **ключевых блоков**

³ «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» (Маркс, 1960. С. 6).

всякой конкретно-исторической системы производственных отношений могут быть выделены:

- способ аллокации ресурсов (в частности, отношения рынка и его регулирования) – блок отношений координации;
- отношения собственника и работника и производные от них отношения, формы, права собственности – блок отношений собственности;
- отношения воспроизводства;
- отношения распределения дохода и производные от них (и отношений собственности) феномены неравенства, бедности и т. п. – блок социальных параметров экономики.

Приняв во внимание, что система производственных отношений покоится на определенных производительных силах и проявляется в соответствующих системах социально-классовых отношений и институтов, мы должны будем дополнить наш анализ связи производственных отношений и экономической политики названными выше блоками проблем⁴.

Сказанное позволяет нам сформулировать важное положение, предваряющее наши содержательные соображения и постулируемое здесь как аксиома: **социально-экономическая политика всякого государства должна быть системной, т. е. отражать всю совокупность производственных отношений в их взаимосвязи с материально-техническим базисом и социально-классовыми отношениями, институтами и т. д.** Иными словами, государство должно, **во-первых**, устанавливать четкие стабильные и взаимосогласованные во всех своих блоках, юридически зафиксированные и для всех обязательные «правила игры» для всех перечисленных выше сфер и, **во-вторых**, не менее четко и на определенную перспективу определять, какое регулирование, как и в какой мере оно будет (или не будет) проводить в каждой из названных выше сфер. Эти регулирующие меры также должны быть едины, взаимосогласованны (между собой и с «правилами игры») и стабильны. Совокупность этих действий государства мы и будем рассматривать далее как основные блоки социально-экономической политики и, вместе с тем, основные функции государства.

Поскольку речь далее идет о системе сознательных действий государства на определенную перспективу, то *исходным пунктом социально-экономической политики становится определение некоторой четкой цели, достижению которой будут подчинены все социально-экономические подсистемы государства.* Далее государство формирует систему задач, решение которых в рамках каждой из подсистем позволит обеспечить достижение данной цели, а также набор средств и ресурсов для реализации этих задач. Сама формулировка такой цели – вопрос экономической политики. Но объективное основание для выработки целевых установок лежит в общем состоянии системы воспроизводства (как с точки зрения материально-технической, так и с точки зрения воспроизводства всей системы производственных отношений).

Именно поэтому основные социально-экономические подсистемы (задач, средств и ресурсов их реализации) с точки зрения политической экономии определяются структурой системы производственных отношений, основные блоки которой мы назвали выше, а единая цель социально-экономической политики – системным качеством (задающим целостность, вектор и потенциал развития) национальной экономики.

Назовем этот тезис-гипотезу **аксиомой системности социально-экономической политики** (авторы в полной мере отдадут себе отчет в том, что это на самом деле не более чем недоказанная теорема, но поскольку доказательство этого положения в данном тексте мы опустим, постольку мы в качестве гипотезы примем его за аксиому).

Все эти теоретические абстракции, как ни странно, имеют очень большое практическое значение. Авторы этого текста берутся утверждать, что в РФ последних лет от-

⁴ Подробнее см. наш двухтомник «Глобальный капитал» (Бузгалин, Колганов, 2015а; 2015б).

существует единая, принятая на основе учета мнения большинства граждан, четко выраженная и стабильно, последовательно реализуемая единая цель развития, равно как и система задач и средств их решения. «Реальная политика» в нашей стране строится как равнодействующая борьбы за ресурсы основных кланово-корпоративных группировок, подправляемая «ручным управлением» ряда федеральных и региональных органов власти в соответствии с меняющейся внешней и внутренней обстановкой.

Между тем, предложенная выше постановка проблемы сама по себе является теоретически инвариантной: с ней согласятся и правые, и левые; и сторонники минимально регулируемого рынка и максимально развитой частной собственности, и государственники. И те и другие в принципе согласны с тем, что *у государства должна быть четкая и последовательная социально-экономическая политика с ясно определенной и поддерживаемой большинством граждан единой целью и системой средств ее реализации*. Будем считать это положение – столь же банальное, сколь и важное, – **аксиомой единства цели социально-экономической политики**.

Дополним эту аксиому формулировкой критерия прогресса общества и экономики как его подсистемы⁵. В рамках классической политико-экономической парадигмы (точнее, ее марксистской версии) считается доказанным, что таким критерием является свободное всестороннее развитие человека в ассоциации и посредством нее, или, иначе, мера снятия отношений социального отчуждения, *мера разотчуждения*⁶.

Рассмотрим далее основные блоки задач социально-экономической политики, выделяя их в соответствии с названными выше принципами структурирования экономической системы. При этом в данной статье мы сделаем акцент на двух ключевых вопросах регулирования взаимодействий капитала и общества в рамках экономической политики: во-первых, на особенностях сочетания рыночных и плановых регуляторов и, во-вторых, на вариантах решения проблем собственности в рамках экономической политики. При этом отчасти мы затронем и отношения воспроизводства, но подробно описанию этого аспекта проблемы проведения экономической политики посвящены другие наши тексты, развивающие положения данной статьи⁷.

2. Соотношение рыночных и плановых регуляторов

Трудно найти другой вопрос социально-экономической политики, который бы дискутировался на протяжении вот уже столетия столь активно, сколь проблема меры государственного регулирования и ограничения рынка. Политико-экономический подход сам по себе не даст простого и однозначного ответа на этот вопрос, но позволит сформулировать ряд принципиальных направлений поиска такого ответа.

Начнем прежде всего с того, что политическая экономия позволяет дать достаточно определенный ответ на вопрос «Что есть рынок?». Там, где есть противоречивое единство частного труда обособленных производителей и общественного разделения труда, труд этих производителей будет создавать товар, а отношения его обмена будут иметь форму рынка. Соответственно, общественное регулирование будет в большей или меньшей мере отрицанием (подрывом) обособленности частных производителей, ведущим к ограничению товарных отношений и их замещению *пострыночными*; лю-

⁵ Одной из самых разработанных (а в России – самой разработанной) теоретической версией системного подхода в экономике является концепция системной экономики Г.Б. Клейнера (Клейнер, 2013; 2015; 2016).

⁶ «Разотчуждение – это вид деятельности, связанный со снятием той или иной формы отчуждения, который фиксируется не просто в виде вещи (готового результата), а в таком феномене, который, с одной стороны, является той же самой вещью (готовым результатом), а с другой – несет в себе развернутую логику ее сотворения. ...понятие разотчуждения предполагает не только его результат – новое общественное отношение, но взятый в единстве с самим процессом его сотворения» (Булавка, 2013. С. 125).

Подробнее о разотчуждении как критерии прогресса см. (Бузгалин, Колганов, 2015а. С. 517–529; Булавка-Бузгалина, 2015). Проблеме преодоления социального отчуждения посвящены работы (Мусто, 2013; Ollman, 1976).

⁷ См., напр., уже упоминаемый выше полный вариант настоящего текста, который будет опубликован в журнале «Вопросы политической экономии» (№ 2, 2016).

бое свертывание общественного разделения труда также будет вести к подрыву рынка, но в рамках противоположного регулированию тренда, а именно – натурализации хозяйства, т. е. инволюции к *дорыночным* отношениям.

Таково предельно абстрактное, но «работающее» определение отношений товарного производства («рынка»), с которым (подчас даже не осознавая этого) согласны практически все праволиберальные экономисты, защищающие именно и прежде всего неприкосновенность частной собственности и углубление разделения труда (в частности, в рамках неолиберальной модели глобализации)⁸. Отсюда, в частности, и известный политико-экономический тезис о том, что мера субституции рыночного саморегулирования общественным регулированием определяется главным образом мерой реального (лежащего в сфере производительных сил, а не только производственных отношений) обобществления. И действительно, в общем и целом практики большей части экономик XX – начала XXI вв. показывают, что если где и наблюдается значительное ограничение механизмов рыночного саморегулирования, то это в таких высокосоциализированных сферах общественного производства, как наука, образование, здравоохранение, энергетика, инфраструктура, экология, долгосрочные масштабные высокотехнологичные проекты.

Точно так же политэкономия (во всяком случае, ее марксистская версия) позволяет дать четкий ответ на вопрос «Что есть государство как актор экономики?», и ответ этот будет отличен от того, что подразумевает *economics* и дает институционализм (как «классический», так и «новый»).

В политической экономии государство предстает как *исторически различный актор, специфический для разных экономических систем*, представляющий сложную совокупность интересов (от общенародных до интересов господствующего в данном обществе класса, равно как и интересов государственной бюрократии как особой подсистемы этого института). Соответственно, роль государства в экономике отнюдь не сводится к минимально-необходимому вмешательству, связанному с компенсацией провалов рынка. Она определяется как действия особого экономического субъекта, реализующего особый способ экономической координации – учет, контроль, регулирование, программирование и т. п., развивающего новый класс отношений собственности (общественной), распределения дохода (социальные трансферты и не только), воспроизводства и т. д.

Приведем краткую характеристику целостной *модели экономических функций государства в развитой рыночной экономике*, выделив ключевые блоки, в основу систематизации которых положены обозначенные нами ранее основные параметры структуры экономической системы⁹.

Отношения координации предполагают наличие определенных функций государства по формированию пропорций в экономике, рамок и правил отношений обмена и трансфертов, нормативов (качества и др.) и правил ценообразования. По всем этим параметрам в современной рыночной экономике государство ведет определенную деятельность. Это:

1) программирование и селективное регулирование (его значимое слагаемое – промышленная политика); последнее может быть как прямым (государственный заказ, инвестиции, закупки, направленные, например, на развитие ВПК или фундаментальной науки, образования, медицины и т. п.), так и косвенным (налоговые или таможенные льготы, дешевые кредиты и т. п. средства структурной политики);

2) нормативы качества почти на все виды сельскохозяйственной продукции и основные продукты питания, нормативы безопасности и др.;

⁸ Парадокс при этом состоит в том, что, в отличие от цинично-откровенных неолибералов, сторонники развития государственного регулирования в рыночной экономике в большинстве своем это определение стыдливо замалчивают, предпочитая говорить о том, что государственное регулирование есть особый сегмент особого типа рыночной экономики.

⁹ Подробнее см. раздел «Социально-экономическая деятельность государства как одна из сфер генезиса пострыночных отношений» в нашей книге «Глобальный капитал» (Бузгалин, Колганов, 2015b. С. 409–415).

3) государственное регулирование цен и правил ценообразования, являющееся обычным для многих видов цен и тарифов, причем не только на продукцию и услуги естественных монополий: в ряде стран Европы государственные органы регулируют цены на основные продукты питания и медикаменты, транспорт (даже такси) и др.;

4) определение правил и механизмов взаимодействия рыночных агентов в широком диапазоне – от правил торговли до антимонопольного законодательства (это один из подвидов более многообразной функции регулирования институтов)...

Отношения присвоения и весь комплекс оформляющих современную экономику **отношений собственности** предполагают необходимость политико-экономического исследования, во-первых, всеобщей собственности или собственности каждого на все (феномена «общественных благ»). Чем более прогрессирует экономика, основанная на знаниях, тем более острыми становятся проблемы борьбы между двумя способами создания, распространения и использования информации и знаний – как благ частных или общественных. Это борьба рыночных и пострыночных начал, и мера их соотношения может и должна регулироваться обществом и государством.

Во-вторых, это проблема политэкономического исследования государственной собственности. О ней как особой сфере экономических отношений, а не просто провале рынка, есоnomics как таковой предпочитает не распространяться, оставляя это для «экономики государственного сектора», которая пытается и здесь в основном прилагать все те же методологию и аппарат есоnomics, невольно впадая в грех редукционизма. Между тем, *за формой государственной собственности скрывается область новых экономических отношений, возникающая там и тогда, где и когда государство действует не как особый «сверх-капитал» или «всеобщий частный собственник» (К. Маркс), а как действительный представитель общенациональных интересов.*

Отсюда вытекает и исследование, в-третьих, функций государства по охране прав собственности (это преимущественное поле нового институционализма, и это в основном «рыночные» функции государства), а также проблем включения государства в регулирование распределения прав собственности, в том числе в связи с проблемами распределения экономических правомочий в отношениях между государством и фирмой. Эта сфера принципиально важна, так как в современных развитых экономиках *государство существенно ограничивает права частного собственника в области распоряжения и использования его собственного имущества*¹⁰ – этот факт отображается в специальных исследованиях, но теоретически редко оценивается.

В-четвертых, требует особого политэкономического взгляда сфера регулирования деятельности по использованию такого государственного имущества как земля, недра, природные заказники, культурные ценности и т. п. блага, значительная часть которых находится в государственной собственности разных уровней.

В-пятых, государство осуществляет дифференцированную поддержку ряда форм собственности. Широко известна, в частности, практика поддержки малого бизнеса (как известно, *в условиях нынешней конкуренции этот тип собственности не может выжить без поддержки государства*). Менее известно то, что в США и Западной Европе государство осуществляет *содействие демократизации отношений собственности* (например, планы передачи акций предприятий в собственность работников – ESOP, широко распространенные в США и ЕС).

Блок **социальных параметров экономики** выявит огромный пласт отношений по сознательному регулированию:

¹⁰ Укажем на примечательный факт: в Западной Европе за символическую цену (вплоть до 1 евро) продается немало... старинных замков. И желающих их купить очень немного, так как вместе с этим имуществом новый собственник приобретает обязательство реставрации и последующего предоставления в общественное пользование (экскурсии для туристов по части замка, имеющей историко-культурное значение и т. п.) этого объекта. Точно так же, приобретая лес, вы приобретаете обязательство его охраны и воспроизводства при запрете вырубki (за исключением санитарной), приобретая пахотные угодья, вы приобретаете обязательство использовать их для сельскохозяйственного производства и т. п.

1) трудовых отношений, отношений труда и капитала (от продолжительности и охраны труда до психологического климата в отношениях руководителей и подчиненных – масса различных социальных норм), труда, капитала и государства (трехсторонние коллективные договоры); важным компонентом этих отношений является участие работников в управлении предприятиями (производственные советы и др.);

2) занятости (не только пособия по безработице, но структурная политика и стимулирование занятости в современных секторах, общественные работы, переквалификация);

3) опосредуемые государством пострыночные механизмы распределения, такие как бесплатное общедоступное распределение многих благ (например, бесплатное среднее, а во многих странах – ФРГ и др. – по преимуществу и высшее образование);

4) многообразные социальные трансферты, включая социально-гарантируемый минимум и минимум заработной платы, поддержку лиц с ограниченными физическими возможностями и др.;

5) перераспределение доходов, в том числе при помощи прогрессивного налогообложения и других форм ограничения сверхвысоких доходов и т. п.

Еще более многообразны функции государства в области **регулирования отношений воспроизводства и функционирования экономики**. В частности, именно здесь «располагается» весь объем функций государства по регулированию макроэкономической динамики (роста и т. п.), финансово-кредитной системы и др. Мы не будем здесь уходить в детали – это не предмет данного текста, – но обратим внимание на то, что главным в этом блоке с политэкономической точки зрения должно быть *программирование и регулирование (1) качества (2) развития*, тогда как рыночно-центричный есономіс на первый план в этом блоке выносит вопросы финансовой сбалансированности и количественного роста.

Многие из названных выше механизмов (но не все и не в системе), конечно же, хорошо известны и раскрыты в есономіс (при том, что любому экономисту-практику они хорошо известны *все*; есономіс же о части из них «забывает», ибо они не вписываются в его теорию). Хотелось бы, однако, сделать в данном случае иной акцент: во всех этих случаях *за конкретными экономическими функциями государства скрывается новый пласт экономической реальности – отношения сознательного регулирования экономических процессов в общенациональном (региональном, международном) масштабе*.

Сказанное о рынке и государстве позволяет нам сформулировать *теорему об экономической роли государства*: общественно-государственное регулирование развивается в той мере, в какой развита реальная социализация общественного производства и в какой субъект социально-экономической политики ставит перед собой цели приоритетной реализации общенародных интересов. По поводу последних хотелось бы сделать маленькое замечание: даже в условиях позднего капитализма их круг весьма широк и проявляют себя они в самых различных формах – от надписей на пачке сигарет «курение опасно для жизни» и ограничений рабочего дня 8 часами до составляющих значительную часть ВВП большинства стран мира расходов на производство и/или приобретение общественных благ.

И еще две политико-экономических ремарки в этой связи.

Первая: государственное воздействие на экономику может быть формой проявления разных по своему содержанию производственных отношений. В частности, в пост-«социалистических» экономиках (и, особенно, в России) оно во многих случаях является не столько проявлением пострыночного отношения сознательного воздействия на экономику с целью реализации общенародных интересов, сколько «ручным управлением», т. е. формой позднефеодальной вассальной зависимости сеньора от государя.

Вторая: сознательное регулирование, подрывающее обособленность производителей (один из атрибутов товарного отношения, «рыночной экономики»), в современной

экономике осуществляется не только государством, но и (1) гражданским обществом (органы местного самоуправления, профсоюзы, экологические и потребительские союзы и т. д.) и (2) крупнейшими корпорациями, способными в определенной мере регулировать параметры рынка.

Последний пункт особенно важно учитывать при формировании и проведении экономической политики, и потому остановимся на нем подробнее. Регулирующее воздействие корпораций на рынок с иными акцентами и под иным именем («рыночная власть»¹¹, «переговорная сила»¹²) не могут не признать и представители неоклассики, а также нового институционализма. Однако современная классическая политическая экономия еще в начале XX в. дала содержательную теоретическую квалификацию этого явления, названного «подрывом свободной конкуренции» монополией (В.И. Ленин)¹³ или, в середине того же столетия, «неполной планомерностью»¹⁴. Суть этого феномена состоит в том, что крупный корпоративный капитал, опирающийся на высокообобществленные производственные комплексы (специфика позднеиндустриальных сфер экономики) и/или международные производственные сети (специфика постиндустриальных сфер), финансовый и информационный контроль и т. д., становится способен оказывать локальное регулирующее (по сути дела – манипулятивное) воздействие на потребителей и субконтракторов¹⁵. Как следствие этого складываются отношения не свободной или даже олигополистической кон-

¹¹ Количественным отображением рыночной власти (т. е. способности фирмы влиять на рыночные цены) выступают Лернеровский индекс монопольной власти, индекс Херфиндала-Хиршмана. Предполагается, что феномен рыночной власти возникает там, где происходит отступление от свободной конкуренции (каковая, вообще-то говоря, давно превратилась в исключение, а не правило). Существуют и специальные исследования по проблеме рыночной власти. См., например (Тироль, 2000).

¹² Практика позднего капитализма заставила более пристально взглянуть на проблему власти и неоклассику, хотя традиционно одной из центральных проблема власти является для марксизма. Пожалуй, наиболее активно эти проблемы рассматриваются в рамках нового институционализма, продолжающего во многих отношениях методологическую линию именно неоклассики. Новый институционализм выделил такой параметр взаимоотношений рыночных агентов, как «переговорная сила». Но в рамках данной школы этот феномен представлен как бы нейтральным: позитивно фиксируется наличие возможностей использования некоей «силы» в переговорах о параметрах сделки. Сами эти возможности расписаны достаточно подробно (что следует признать явной заслугой этого направления), хотя и на уровне видимости (на языке нового институционализма эти параметры могут быть интерпретированы следующим образом: неравенство в распределении (степени монополизации) собственности на определенный вид ресурсов; асимметричный характер распределения специфических ресурсов; асимметрия в распределении информации между сторонами обмена или отношений «принципал-агент»; различная величина издержек для сторон обмена, связанных с «выходом» из отношения с данным агентом и поиском альтернативных источников получения ресурса или блага и др.). Впрочем, теоретики этого направления видят в этом скорее достоинство, ибо именно такой анализ позволяет предпринимателям использовать теоретические выводы для выработки и принятия решений, что и является критерием успешности позитивной экономической теории.

Но заметим, что возможность дать совет о том, что и как можно использовать для усиления позиций своей фирмы на переговорах об очередной рыночной сделке, это не то же самое, что сказать: закономерностью рыночных транзакций, начиная с XX в., является устойчивая асимметрия «переговорной силы» во взаимодействии крупных корпораций и других агентов экономики, причиной этой асимметрии является то-то, следствиями – то-то... Впрочем, у некоторых представителей институционализма, выросших на диалогах с марксизмом, можно найти и нечто похожее на сформулированный выше тезис. См., например (Олейник, 2011).

¹³ «Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход капитализма к более высокому строю» (Ленин, 1969. С. 385-387).

¹⁴ Идея переходных производственных отношений, развивающихся в рамках капитализма («неполной планомерности») была высказана и развита представителями университетской («цаголовской») школы политэкономии еще в 1960-1970-х гг. (см.: Цаголов, 1973. С. 26-27, 699, 738-740; Куликов, 1972; 1978; 1984). Точка зрения авторов была высказана в книгах (Бузгалин и др., 1985; Бузгалин и др. (ред.), 2011).

¹⁵ Раскрытию механизмов нерыночного воздействия крупных корпоративных структур на внешние для них экономические параметры (включая манипулирование потребностями и потребителями, частичное регулирующее воздействие на цены и др.) посвящена, напр., книга (Кляйн, 2003).

куренции, а «кооперативного капитализма»¹⁶, суть которых – внеконкурентный раздел не просто рынка, но сфер влияния между несколькими (до десятка–полутора) крупнейшими корпорациями, оказывающими сходное (и часто согласованное) сознательное воздействие на остальные сферы экономики¹⁷.

Экономическая политика, естественно, не должна оставлять в стороне эту совокупность отношений и соответствующим образом строить свое регулирование экономики, где на смену традиционной антимонопольной политике должно прийти системное регулирование деятельности корпораций. Различие между этими двумя феноменами значительное. Первое – нацеленное на восстановление свободной конкуренции, ограничение деятельности фирм, монополизировавших определенную (25–30%) часть рынка и контроль за недопущением монопольного ценообразования. Второе – регулирование деятельности крупного бизнеса с целями хотя бы частичного подчинения его активности (во всех сферах: от производства до финансов и рекламы) общенародным интересам¹⁸ и включения в реализацию государственных программ (например, в форме государственно-частного партнерства).

Авторы немало писали об этом ранее, поэтому продолжим наш анализ взаимосвязей политической экономии и экономической политики, обратившись к проблеме, которую пишущие на эти темы ученые затрагивают гораздо реже, нежели проблемы регулирования рынка, хотя она заслуживает самого пристального внимания – это проблема регулирования отношений собственности.

3. Политика в сфере отношений собственности

«Стандартная» неоклассическая экономическая теория отношения собственности если не игнорирует, то рассматривает как не более чем один из частных вопросов и преимущественно в связи с взаимодействием принципалов и агентов (см., напр.: *Samuelson and Nordhaus, 1985; 2001*). Новая институциональная теория в этом отношении идет гораздо дальше и предлагает теорию прав собственности как один из центральных вопросов всей этой школы. Классическая политическая экономия и, в первую очередь, классический и современный марксизм, отношения собственности рассматривает как следствие базового взаимодействия основных экономических акторов любой экономической системы – работника и собственника ресурсов, между которыми складываются специфические отношения отчуждения–присвоения общественного богатства, определяющие содержание процесса производства и распре-

¹⁶ М. Грейдер, например, подчеркивает, что большинство ведущих мировых мультинациональных корпораций перешло к прагматическому партнерству с конкурентами или активно ищет возможности для создания союзов кооперирующихся фирм. Эти корпорации совместно распределяют фонды, вкладывают капиталы, разрабатывают технологические новшества и т. п. (*Greider, 1997. P. 171*). Даже если автор несколько преувеличивает степень кооперации ТНК, то тенденция контрактного взаимодействия, думается, отмечена верно. Другое дело, что эти «кооперативные» усилия на самом деле являются всего лишь новой формой борьбы корпораций, снимающей механизмы конкуренции. Характерна в этом отношении и работа Ф. Фукуямы «Доверие», где именно этот фактор выдвигается на роль ключевого во взаимоотношениях, а кризис доверия в США рассматривается как одна из важнейших проблем (*Fukuyama, 1995. P. 269–307*). Заметим: этот известный автор в данном случае всего лишь вновь «открыл» феномен «доверия», на котором делали акцент практически все либералы с XVII–XIX вв.

Более того, в разных странах в разной мере, но в общем и целом повсеместно, развивается такой Alter Ego «кооперативного» капитализма, пронизанного корпоративными иерархиями, как «блатной капитализм» (*crony capitalism*). Эта проблема обсуждается как в серьезных экономических исследованиях, так и в публицистике. См., например (*Wei, 2001; Singh, Zammit, 2006; Stiglitz, 2002; Kristof, 2011*). По мере развития информационного, профессионализированного, зависимого от «человеческих качеств» общества, «партнерство», своего рода «дружба», – то, что в последние десятилетия стали называть «социальным капиталом», – все это становится формой взаимодействий относительно равноправных партнеров, борьба которых обретает новую основу, скрытую за превратной формой «партнерства».

Подробнее об особенностях кооперации и борьбы корпоративных сетей см. (*Бузгалин, Колганов, 2015b. С. 161–174*).

¹⁷ Природа современной корпорации с позиций классической политической экономии раскрывается также в работе О.Ю. Мамедова и О.В. Брижак (*Мамедов, Брижак, 2013*).

¹⁸ Примеры такого регулирования хорошо известны: от стимулирования высокотехнологичного, эко-социо-гуманитарно-ориентированного производства до ограничения посреднической деятельности, вывоза капитала в офшоры, рекламы вредных изделий и т. п.

ления, базовую социально-классовую структуру общества и т. д., вплоть до политики и идеологии.

При такой – политико-экономической – постановке вопроса система прав собственности может и должна рассматриваться как многообразие проявлений базового, сущностного отношения присвоения-отчуждения, возникающего между основными классами всякого общества.

Продолжим. В отличие от классической политической экономии XIX в., современные продолжатели дела Маркса исходят из того, что для отношений позднего капитализма начала XXI в.¹⁹ характерны (1) диффузия частнокапиталистического присвоения-отчуждения и формирование сложной системы акторов, представляющих, с одной стороны, капитал, а с другой – наемных работников, а также (2) развитие элементов посткапиталистических отношений присвоения и характерных для них переходных форм собственности (начиная от известных еще Марксу акционерной, коллективной и государственной, до типичной для викиномики (wikinomics) собственности каждого на все²⁰).

Эта сложная система отношений собственности и еще более сложная система ее форм и прав ставят массу практических вопросов перед субъектом экономической политики.

Первый вопрос: Может ли субъект экономической политики ограничиться в этой сфере исключительно спецификацией и защитой прав собственности, или он должен решать более широкий круг задач? Ответ сторонников неолиберальной модели экономполитики будет тяготеть к первому решению, социал-демократической – ко второму. В последнем случае сферой общественного регулирования станут вопросы меры развития разных отношений (подчеркнем, отношений, не форм) присвоения.

Выделим ниже важнейшие из них, систематизировав по простейшему критерию – мере социализации:

- всеобщее («собственность каждого на все»), характерное, в частности, для открытых информационных источников (режим open source, copy left, wikinomics и т. п.²¹);
- общественное равнодоступное («образование для всех», «медицина для всех», «культура для всех» и др.);
- государственное (во всем многообразии его подвидов);
- коллективное (во всем многообразии его подвидов);
- смешанные формы (ГЧП, акционерные общества с собственностью работников и др.);
- частное (во всем многообразии его подвидов).

Еще раз подчеркнем: мера развития этих отношений, их содержание²² и динамика²³ должны быть предметом общественного обсуждения и открытого, большинством

¹⁹ Категория «поздний капитализм» широко используется в мировой марксистской и близкой к марксизму литературе (в частности, но не исключительно, в рамках Франкфуртской школы) для характеристики специфических черт капитализма, возникших в XX в. Продолжая традиции Э. Мандела и близких к нему ученых (см.: *Mandel, 1975; Jameson, 1991*), мы определяем поздний капитализм как этап в развитии капиталистического способа производства, когда его прогресс (технологическое развитие, экономический рост) требует использовать элементы посткапиталистических отношений (сознательное регулирование экономики, бесплатное для потребителя предоставление широкого спектра благ и услуг в таких сферах, как образование, здравоохранение и др., перераспределение части прибыли капитала в пользу наемных работников и социально незащищенных слоев и др.) (подробнее см.: *Бузгалин, Колганов, 2015а*).

²⁰ Подробнее о практиках викиномики см. (*Тапскотт, Вильямс, 2009*). Ссылки на работы, посвященные исследованию отношений «собственности каждого на все» будут даны далее по тексту статьи.

²¹ В дополнение к уже упомянутым работам о викиномике см. также работу, посвященную open source (*Feller et al., 2007*).

²² Хорошо известно, что, например, в России некоторые государственные по форме предприятия реально контролируются теми или иными частными кланами, а иные частные фирмы находятся под полным контролем тех или иных государственных органов. Не менее важна и проблема: чьи интересы и в какой мере реализуют топ-менеджеры тех или иных госпредприятий: государства или своего клана.

²³ В очень значимой серии работ В.В. Букреева и Э.Н. Рудыка по проблемам приватизации и национализации показано, как и почему определенные механизмы национализации (например, при выплате завышенной стоимости,

граждан эксплицитно поддерживаемого решения демократических государственных институтов.

Второй вопрос прямо связан с тем, что именно отношения присвоения-отчуждения определяют основные параметры труда и положения человека труда на производстве.

Взгляд на это отношение неоклассической экономической теории и нынешней практики экономполитиков, «впитавших» этот взгляд как якобы «естественный» и потому единственно возможный, хорошо известен: на производстве взаимодействуют работодатель и работник.

Взгляд марксистской политической экономии на это отношение совершенно иной. В случае наиболее типичных для капитализма трудовых отношений на частном предприятии взаимодействуют частный собственник средств производства (постоянного капитала) и собственник рабочей силы.

По форме это – два формально *равноправных* агента рыночного контракта, один из которых (рабочий) продает в долг с беспроцентной рассрочкой платежа (выплата происходит, как правило, через месяц после покупки) другому (собственнику капитала) свой товар (рабочую силу).

Уже само по себе указание на эту форму и уточнение «имен» контрагентов сильно изменяет этическую коннотацию и теоретический дискурс. Более того, это «уточнение» несет в себе мощный политико-экономический заряд: в отношении на капиталистическом рынке вступают не «работодатель», т. е. как бы благодетель, дарующий рабочее место, а собственник капитала; не работник, т. е. тот, кто как бы не может жить без своего благодетеля-работодателя, а собственник *главной производительной силы всякого общества* – без рабочей силы.

Более того, как хорошо известно, заработная плата почти всегда выплачивается (если вообще выплачивается) через 2–4 недели после заключения рыночной сделки между этими двумя рыночными акторами. Следовательно, если оставаться на уровне формы этого отношения, то в нем работник выступает как кредитор, а капиталист как должник. В этом случае типичная для РФ ситуация *невыплаты заработной платы* должна рассматриваться как невыплата долга кредитору. Как известно, в этом случае к должнику (собственнику капитала) должны применяться жесткие меры как к нарушителю рыночной сделки, например, такие же меры, как к лицу, не платящему долг по ипотеке: сначала – увеличение процента (который, кстати, капиталист работнику вообще не платит); потом, в случае невыплаты долга и процентов по долгу в течение оговоренного срока, – изъятие в пользу кредитора (работника) имущества должника (собственника капитала). Не правда ли, это несколько иной «дискурс», нежели типичная для нынешней ситуации в нашей стране логика: «Жадный и эгоистичный работник не хочет понять, что для спасения фирмы в трудных условиях необходимо немножко подождать...». На рынке должна действовать другая логика: взял в долг – плати, и с процентами. Продавай виллы и самолеты, машины и яхты, костюмы и украшения жены, нанимайся дворником или уборщицей – но долги рабочему заплати. Иначе тебя сначала «поставят на счетчик» (увеличат процент по ссуде), а потом... – суд и «долговая яма»²⁴.

Подчеркнем: пока что мы смотрели только на форму отношения между собственниками двух товаров – рабочей силы (в случае творческого труда – «человеческого

деньгами и одномоментно) могут быть выгодны частному бизнесу и невыгодны государству, и наоборот. См., в частности (Букреев, Рудык, 2005; 2008; 2015; Рудык, 2013).

²⁴ На известное возражение собственника капитала – если я разорюсь, вы (работники) окажетесь на улице, – в развитой капиталистической системе следует хорошо известное из практики возражение: а наши товарищи по классу начнут забастовку и иные действия, обеспечат победу нашей социал-демократической партии, которая увеличит подоходный налог на миллионеров до 75%, создаст на эти деньги систему новых рабочих мест и решит наши проблемы за ваш счет. В России таких профсоюзов и партий нет, поэтому капитал может безнаказанно нарушать законы рынка, в том числе этические (напомним, одна из основных нравственных норм бизнесмена – соблюдение контракта и возврат долга. Обещал платить зарплату – плати. Умри, но слова не нарушай).

капитала») и постоянного капитала. Если же посмотреть на содержание этого отношения, то здесь сразу же возникнет принципиальный теоретический и практический вопрос: что есть прибыль собственника капитала (подчеркнем – прибыль собственника, а не нормальная, т. е. не более чем в 10–15 раз превосходящая зарплату рабочего, как в финских ТНК, зарплата топ-менеджера): продукт капитала и особых свойств его собственника (то ли инновационного дара, то ли готовности к риску) или продукт прибавочного, неоплаченного труда наемного работника? Неоклассическая экономическая теория и близкие к ней школы обосновывают правомерность первого ответа. Марксистская классическая политическая экономия и солидарные с ней в данном положении иные школы – второго.

Мы в этот спор углубляться не будем, но отметим его значимость с точки зрения обоснования одного из важнейших решений в области социально-экономической и, в частности, налоговой, политики. Мы имеем в виду меру прогрессии/регрессии подоходного налога.

Как известно, в разных странах ситуация здесь обстоит по-разному. Во Франции, как мы уже заметили, бедный не платит ничего, а богатый со второго миллиона евро годового дохода 75% отдает обществу. В России все наоборот: бедный платит 13%, а олигархи не выплачивают даже эти проценты, ибо с реинвестируемых средств налог не берется.

С точки зрения неоклассической теории французская модель есть абсолютно несправедливое отъятие части дохода, созданного капиталом, в пользу не имеющих к этому никакого отношения разнообразных бездельников (в данном случае мы используем известный неолиберальный тезис: «нет бедных, есть ленивые»), тогда как в России торжествует справедливое распределение дохода.

С точки зрения марксистской политической экономии ситуация прямо противоположная: во Франции наемным работникам возвращают пусть не всю, но часть созданной ими прибавочной стоимости, а в России торжествует несправедливое присвоение практически всего неоплаченного труда работников, что и приводит к неоправданной, вредной для экономики и социально опасной дифференциации, порождает нищету и т. д., и т. п. Система аргументов политэкономов, доказывающих не только несправедливость, но и экономическую неэффективность высокой социальной дифференциации и бедности значительных слоев населения хорошо известна, равно как и система контраргументов их оппонентов (см.: Бузгалин и др., 2014; Славин, Аитова, 2015).

Так политическая экономия вторгается в острейшие вопросы социальной жизни.

Обращение к этой сфере, как правило, выводится из вопросов экономической теории. Между тем, это именно и прежде всего политэкономический вопрос, ибо это вопрос:

- содержания труда (так, социальное государство может и должно считать одним из важнейших приоритетов своей экономической политики такое регулирование структуры и качества общественного производства, которое ведет к сокращению репродуктивного тяжелого труда);
- защиты труда от капитала (в частности, охрана труда, продолжительность рабочего времени и т. д.);
- меры отчуждения работников от производственного процесса и принятия социально-экономических решений (в частности, участие работников в управлении) и др.

С политико-экономической точки зрения это проблемы, связанные с формальным и реальным подчинением труда капиталу и хотя бы частичным ограничением такого подчинения, и как таковые они являются одними из основополагающих в сфере социально-экономической политики, центром которой, с точки зрения классической политической экономии, должен быть **человек труда**, его деятельность, его социаль-

но-экономические отношения, качество жизни и т. д., а не вопросы прибыли капитала и финансовой сбалансированности как макроэкономического условия ее получения. В этом прежде всего отличие *политической экономики труда*, ориентированной на интересы основных социальных слоев, создающих общественное богатство страны (работников сферы материального производства, образования, здравоохранения, культуры и т. д.) от *политической экономики капитала*, ориентированной на интересы собственников физических, финансовых и интеллектуальных ресурсов (последние, заметим, в большинстве случаев принадлежат корпорациям, а не творцам).

К вопросу об объективных социо-политико-экономических интересах основных акторов экономики и их отражении в экономической политике мы еще вернемся, а сейчас завершим наш короткий очерк, посвященный отражению отношений присвоения-отчуждения в экономполитике, указанием на несколько следствий тех сущностных характеристик, которые были даны выше.

Третий вопрос, который мы рассмотрим, – экономико-политические вопросы развития так называемого малого бизнеса и частной интеллектуальной собственности. Эти две сферы прекрасно проиллюстрируют, что означает взгляд на практику отношений собственности с точки зрения нашей науки.

Так, традиционный вопрос «где найти деньги для государственной поддержки **малого бизнеса**» переформатируется в вопрос «какой бизнес, для чего и как поддерживать». Характерное для политической экономики внимание к прогрессу производительных сил обуславливает выделение тех сфер малого бизнеса, где обеспечивается прогресс технологий и человеческих качеств (инженерные, научные, художественные, образовательные, экологические и т. п. предприятия, этноэкономика и др.) и тех, где консервируются ручной труд, низкая производительность и т. п. Естественно, что поддержка должна идти в первую очередь (или вообще исключительно) в первую сферу.

Внимание политэкономов к производственным отношениям позволяет зафиксировать качественно различные по содержанию виды «малого бизнеса». Это могут быть предприятия, основанные на труде собственника, обычные частнокапиталистические предприятия с относительно небольшим количеством наемных работников, кооперативы, творческие ассоциации (ВТК) и др. Государство может и должно решать, отдавать или нет предпочтение тем или иным видам малого бизнеса. Так, в РФ на практике для малых капиталистических предприятий с наемным трудом во многих случаях оказываются характерны крайне отсталые формы трудовых отношений: бесправность работников, отсутствие социальной защищенности и т. д.

Вопрос о том, как может осуществляться поддержка определенных видов малых предприятий, с политико-экономической точки зрения также приобретает новые краски. Один из путей – содействие государства добровольной сбытовой, сервисной, снабженческой *кооперации и другим формам ассоциирования малых предприятий*, чему есть немало позитивных примеров в самых разных странах – от Скандинавии до Латинской Америки.

Иным, нежели в неоклассике и основанной по факту на ее нормах экономполитике, оказывается и взгляд политэкономов на **интеллектуальную собственность**. Главный вопрос – как обеспечить наиболее эффективную спецификацию и защиту прав интеллектуальной собственности – сменяется системой других проблем.

Во-первых, политэкономы подчеркнут, что, как мы уже заметили, в большинстве случаев собственниками интеллектуальных продуктов выступают не их создатели – интеллектуалы и их коллективы, – а корпорации. Поэтому интеллектуальная частная собственность должна рассматриваться в большинстве случаев как механизм стимулирования не творческих работников, а корпоративного капитала.

Во-вторых, политэкономы (и в первую очередь, современный творческий марксизм) укажут на прогресс в современной экономике многообразных механизмов ре-

ализации императива «собственность каждого на все» (см.: Межуев, 2009; Бузгалин, Колганов, 2015b. С. 348, 351, 387, 751). Это «режим» открытого доступа любого физического или юридического лица к любым ресурсам, имеющим имя (теорема Пифагора, опера Чайковского...), но не имеющим ни юридической, ни экономической фиксации и находящимся в собственности каждого. Имя создателя в пространстве и времени этих отношений охраняется исключительно этическими нормами (а они в сфере творчества весьма значимы: физик, заявивший, что он открыл закон Ома, автоматически окажется посмешищем всего интеллектуального сообщества). В форме этой всеобщей [не]собственности пребывает в настоящее время едва ли не большая часть самых ценных ресурсов человечества – знания в области фундаментальной науки, подлинной культуры, огромные массивы информации, находящейся в Интернете в открытом доступе, и т. п. вплоть до программного обеспечения Linux, на которое, по самым скромным оценкам, перешло 20 млн пользователей во всем мире (около 2,5% всех пользователей сети Internet)²⁵. Более того, в этом режиме могут работать и работают многие другие сферы. Один из типичных примеров – открытые образовательные программы²⁶. Другой пример – предложение Нобелевского лауреата Дж. Стиглица создать международный фонд, финансирующий разработки новых лекарственных препаратов и медицинских технологий (в частности, оплату труда интеллектуалов), информация о способе производства которых будет находиться в открытом доступе, а имя создателя увековечиваться благодарными пользователями (Stiglitz, 2006a; 2006b).

В-третьих, политэкономы ставят перед обществом и, в частности, субъектом экономической политики вопрос о мере распространения частной интеллектуальной собственности и собственности каждого на все, а также переходных (компромиссных) форм и прав собственности в данной экономической системе. И это совершенно другая постановка, нежели традиционно педалируемая задача максимально эффективной защиты частной интеллектуальной собственности.

И это лишь некоторые примеры политико-экономического взгляда на решение проблем собственности в рамках экономической политики государства.

В завершение нашего поневоле беглого, но претендующего на комплексность текста о взаимосвязи политической экономии и экономической политики, сделаем краткие выводы и предложим читателю небольшой постскриптум.

* * *

Вывод номер один. Политико-экономический подход позволяет по-новому взглянуть на многие вопросы экономической политики. В частности, показать, что это всегда социально-экономическая политика, что все кажущиеся узкопрофессиональными и даже техническими вопросы в этой сфере всегда в конечном счете упираются в фундаментальные общественные проблемы.

Отсюда **вывод номер два.** В основе социально-экономической политики лежит система производственных отношений и институтов, и потому (1) цель и система задач, которые должна решать социально-экономическая политика, а также система средств решения этих задач по факту всегда является проявлением этой системы, но далеко не всегда эксплицитно строится именно таким образом. Между тем (2) стро-

²⁵ Число пользователей Linux в мире приведено по данным компании Canonical на начало 2015 г. (см.: Canonical оценивает аудиторию Ubuntu в 20 млн пользователей. Электронный ресурс. URL: <https://www.opennet.ru/opennews/art.shtml?num=42069>). Доля пользователей Linux в общем числе пользователей Интернета приведена по данным сайта LinuxCounter (<https://www.linuxcounter.net/statistics>. Accessed at 30.01.2016). Цифры, предоставляемые другими источниками, могут различаться в зависимости от методики подсчета, но в любом случае очевидна популярность системы среди пользователей ПК и Internet-пользователей.

²⁶ В качестве примеров открытых образовательных программ можно назвать Coursera (www.coursera.org), Академия Хана (www.khanacademy.org), MIT OpenCourseWare (ocw.mit.edu/index.htm), среди русскоязычных ресурсов – Универсариум (universarium.org), Национальная платформа открытого образования (openedu.ru), Lingualeo (lingualeo.com/ru) и др.

гая «привязка» основных блоков социально-экономической политики к структуре системы производственных отношений позволила бы сделать последнюю гораздо более комплексной и эффективной. Отсюда (3) важность целостности и системности социально-экономической политики, ибо несогласованность экономической, финансовой, социальной и т. п. политики государства и фактически присутствующее в современной России доминирование краткосрочных мер финансовой политики сводит на нет все остальные усилия государства, даже если они были направлены на позитивные цели.

Вывод номер три. Для того, чтобы социально-экономическая политика была целостной системой целей и средств их достижения, она должна быть стабильной на протяжении хотя бы пяти лет. Соответственно, оптимальным в принятии определенной модели социально-экономической политики в рамках демократической модели позднего капитализма можно считать вариант, когда на предвыборной стадии каждая из основных политических сил предлагает свою целостную программу мер, в частности, в области социально-экономической политики, давая четкие и недвусмысленные ответы как минимум на поставленные выше вопросы и тем самым определяя реперные точки той модели производственных отношений и институтов, за формирование которой на протяжении последующих пяти лет данные политики берут на себя ответственность. В случае невыполнения взятых обязательств гражданское общество может инициировать референдум об отставке правительства и проведении новых выборов.

Подчеркнем: сказанное – не более чем абстракция социал-демократической модели позднего капитализма. Мы не только не считаем ее идеалом, но и прекрасно понимаем, что реально даже в странах с правящими левыми партиями она не осуществляется в полной мере. Однако мы считаем важным указать на ее относительную прогрессивность для России.

Наконец, и это **важнейший вывод** нашей статьи, реальная социально-экономическая политика в каждой стране является способом реализации базовых интересов правящего экономико-политического класса. И этот вывод, в силу его значимости, мы специально прокомментируем в постскрипуме.

P. S. Cui prodest: социально-экономическая политика и интересы основных акторов российской экономики

В качестве завершающего аккорда данного текста поставим типично политико-экономический (в данном случае это словосочетание обозначает не столько теоретический дискурс, сколько важность соединения политического и социально-экономического подходов к решению практических проблем) вопрос: **интересы какого экономического актора выражает та или иная экономическая политика?** Всех граждан страны как собственников некоторого общенационального достояния? Собственников капитала? Только крупного корпоративного капитала? Наемных работников в целом? Их особого слоя? Других социальных слоев? В определенной мере каждого из акторов?

Мы не собираемся в данном тексте обосновывать правомерность такой постановки вопроса и рассматривать варианты ответов. Наша задача в ином – указать на важность его постановки каждым ответственным экономполитиком и его теоретическим собратом – политэкономом.

Ну, а чтобы нас не заподозрили в увеливании от наиболее актуальных проблем, скажем: проводимая в настоящее время в РФ экономическая политика выражает, на наш взгляд (и этот ответ мы уже не раз обосновывали), преимущественно интересы олигархически-бюрократической страты – реального собственника ключевых ресурсов нашей экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бузгалин А. (2015). Классическая политэкономия: путь в университеты // *Вопросы политической экономики*, № 1, с. 8–23.
- Бузгалин А.В., Булавка Л.А., Линке П. (ред.) (2011). Ленин online: 13 профессоров о В.И. Ульянове-Ленине. М.: ЛЕНАНД, 560 с.
- Бузгалин А., Колганов А. (2014а). Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» // *Проблемы теории и практики управления*, № 8, с. 8–19.
- Бузгалин А., Колганов А. (2014б). Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // *Проблемы теории и практики управления*, № 9, с. 8–16.
- Бузгалин А., Колганов А. (2014с). Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // *Проблемы теории и практики управления*, № 10, с. 8–17.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2015а). Глобальный капитал. В 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). 3-е изд., испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 640 с.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2015б). Глобальный капитал. В 2 т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы (Капитал re-loaded). 3-е изд., испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 912 с.
- Бузгалин А., Колганов А., Шухтин А. (1985). Становление планомерной организации социалистического производства. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 209 с.
- Бузгалин А., Трауб-Мерц Р., Воейков М. (ред.) (2014). Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса. М.: Культурная революция, 406 с.
- Букреев В., Рудык Э. (2005). Приватизация в России: былое и думы, или Кто виноват и что делать? // *Альтернативы*, № 2, с. 112–129.
- Букреев В., Рудык Э. (2008). Есть ли будущее у государственной собственности (к XX-летию радикальной «перестройки») // *Альтернативы*, № 4, с. 67–91.
- Букреев В., Рудык Э. (2015). Императив смены парадигмы трансформации форм и отношений собственности: возможны альтернативы // *Альтернативы*, № 2, с. 72–104.
- Булавка Л.А. (2013). Советская культура как идеальное СССР // *Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР*. М.: ЛЕНАНД.
- Булавка-Бузгалина Л.А. (2015). Советская культура: вектор разотчуждения (философский дискурс) // *Философия хозяйства*, № 4, с. 161–168.
- Клейнер Г.Б. (2013). Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // *Вопросы экономики*, № 6, с. 4–28.
- Клейнер Г.Б. (2015). Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть 1 // *Вопросы экономики*, № 12, с. 107–123.
- Клейнер Г.Б. (2016). Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть 2 // *Вопросы экономики*, № 1, с. 117–138.
- Кляйн Н. (2003). No Logo: Люди против брендов. М.: Хорошая книга, 624 с.
- Куликов В.В. (1972). О переходных формах в условиях капитализма // *Вестник МГУ. Сер. Экономика*, № 1.
- Куликов В.В. (1978). Становление социалистических производственных отношений: Очерки теории и методологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 183 с.
- Куликов В.В. (1984). Становление социализма и «обобществление производства на деле» (Препр. докл.) М.: ИЭ АН СССР.
- Ленин В.И. (1969). Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.*, т. 27. М.: Издательство политической литературы.
- Мамедов О.Ю. (2015). Десять классических принципов политико-экономического анализа // *Вопросы политической экономики*, № 1, с. 38–47.

Мамедов О.Ю., Брижак О.В. (2013). Современная корпорация в координатах классической политической экономии // *Terra Economicus*, т. 11, № 4/3, с. 5–9.

Маркс К. (1960). Капитал. Т. I. // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд., т. 23. М.: Изд-во политической литературы.

Межуев В.М. (2009). Социализм – пространство культуры // *Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма*. М.: Культурная революция,

Мусто М. (2013). Еще раз о марксовской концепции отчуждения // *Альтернативы*, № 3, с. 37–61.

Олейник А. (2011). Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: Российская политическая энциклопедия, 440 с.

Пороховский А.А. (2012). Политическая экономия – основа и стержень экономической теории // *Экономист*, № 1, с. 61–73.

Пороховский А.А. (2014). Цивилизационное значение политической экономии // *Вестник Московского университета*. Серия 6: Экономика, № 4, с. 43–55.

Рудык Э. (2013). Национализация, социализация, демократизация власти (к постановке проблемы) // *Альтернативы*, № 1, с. 92–100

Рязанов В.Т. (2015). Капитализм и кризисы: становление и развитие политико-экономического подхода // *Вопросы политической экономии*, № 1, с. 48–63.

Славин Б.Ф., Аитова Г.Ш. (ред.) (2015). Демократический левый проект: в поисках обновления. М.: Культурная революция, 320 с.

Тапскотт Д., Вильямс Э. (2009). Викиномика: Как массовое сотрудничество изменяет все. М.: Best Business Books, 392 с.

Тироль Ж. (2000). Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности. В 2 т. СПб.: Экономическая школа, т. 1 – 376 с., т. 2 – 456 с.

Цаголов Н.А. (ред.) (1973). Курс политической экономии, т. I. М.: Экономика, 831 с.

Feller J., Fitzgerald B., Hissam S. and Lakhani K. (eds.) (2007). *Perspectives on Free and Open Source Software*. Cambridge, Massachusetts, L., England: The MIT Press, 570 p.

Fukuyama F. (1995). *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. N.Y.: Free press Paperbacks, 480 p.

Greider M. (1997). *One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism*. N.Y.: Simon & Schuster, 528 p.

Jameson F. (1991). *Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism*. Durham: Duke University Press, 461 p.

Kristof N. (2011). Crony Capitalism Comes Home // *The N.Y. Times*, October 27, (http://www.nytimes.com/2011/10/27/opinion/kristof-crony-capitalism-comes-homes.html?_r=1).

Mandel E. (1975). *Late capitalism*. London: Humanities Press, 599 p.

Ollman B. (1976). *Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society*. Cambridge: Cambridge University Press.

Samuelson P. and Nordhaus W. (1985). *Economics*. N.Y.: McGraw-Hill, 950 p.

Samuelson P. and Nordhaus W. (2001). *Economics*. N.Y.: McGraw-Hill, 950 p.

Singh A. and Zammit A. (2006). Corporate Governance, Crony Capitalism and Economic Crises: Should the US business model replace the Asian way of “doing business”? // *Corporate Governance: an International Review*, vol. 14, no. 4, pp. 220–233.

Stiglitz J. (2002). Crony capitalism American-style // *Project Syndicate*, February (<http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz11/English>).

Stiglitz J. (2006a). Give Prizes Not Patents // *New Scientist*, Sept. 16, p. 21.

Stiglitz J.E. (2006b). Scrooge and Intellectual Property Rights: A Medical Prize Fund Could Improve the Financing of Drug Innovations // *British Medical Journal*, vol. 333, pp. 1279–1280. doi:10.1136/bmj.39048.428380.80.

Wei Sh.-J. (2001). Domestic Crony Capitalism and International Fickle Capital: Is There a Connection? // *International Finance*, no. 4, pp. 15–45.

REFERENCES

- Buzgalin A. (2015). Classical political economy: the way to universities. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, no. 1, pp. 8–23. (In Russian.)
- Buzgalin A.V., Bulavka L.A. and Linke P. (eds.) (2011). Lenin online: 13 professors about V.I. Ulyanov-Lenin. Moscow: LENAND, 560 p. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2014a). Russian economic system: Some of the results of “reforms”. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, no. 8, pp. 8–19. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2014b). Russian economic system: Specifics of the market and its corporate and government regulation. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, no. 9, pp. 8–16. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2014c). Russian economic system: Specifics of ownership relations and internal corporate governance. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, no. 10, pp. 8–17. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2015a). Global capital. In 2 vols., vol. 1. Methodology: On the other side of positivism, postmodernism and economic imperialism (Marx reloaded). Moscow: LENAND Publ., 640 p. (In Russian.)
- Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. (2015b). Global capital. In 2 vols., vol. 2. Theory: The global hegemony of capital and its limits (“Capital” reloaded). Moscow: LENAND Publ., 912 p. (In Russian.)
- Buzgalin A., Kolganov A. and Shukhtin A. (1985). Becoming a planned organization of socialist production. Tomsk: Tomsk State University Publ., 209 p. (In Russian.)
- Buzgalin A., Traub-Merz R. and Voeykov M. (eds.) (2014). Income inequality and economic Growth: An exit strategy from the crisis. Moscow: Kul’turnaya Revolyutsiya, 406 p. (In Russian.)
- Bukreev V. and Rudyk E. (2005). Privatization in Russia: Past and thoughts, or Who is to blame and what to do? *Alternativy*, no. 2, pp. 112–129. (In Russian.)
- Bukreev V., Rudyk E. (2008). Is there a future state ownership (to the XX-th anniversary of the radical “restructuring”). *Alternativy*, no. 4, pp. 67–91. (In Russian.)
- Bukreev V. and Rudyk E. (2015). Imperative paradigm shift transformation of forms and property relations: possible alternatives. *Alternativy*, no. 2, pp. 72–104. (In Russian.)
- Bulavka L.A. (2013). Soviet culture as an ideal of the USSR. *Culture. Power. Socialism. The contradictions and challenges of cultural practices of the USSR*. Moscow: LENAND Publ. (In Russian.)
- Bulavka-Buzgalina L.A. (2015). Soviet Culture: a vector of “razotchuzhdenie” (philosophical discourse). *Filosofiya khozyaystva*, no. 4, pp. 161–168. (In Russian.)
- Kleyner G.B. (2013). System economy as the platform of the development of modern economic theory. *Voprosy ekonomiki*, no. 6, pp. 4–28. (In Russian.)
- Kleyner G.B. (2015). The stability of the Russian economy in the mirror of system economic theory. Part 1. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 107–123. (In Russian.)
- Kleyner G.B. (2016). The stability of the Russian economy in the mirror of system economic theory. Part 2. *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 117–138. (In Russian.)
- Klein N. (2003). No Logo. Taking Aim at the Brand Bullies. Moscow: Dobraya Kniga, 624 p. (In Russian.)
- Kulikov V.V. (1972). About transitional forms under capitalism. *Vestnik of the Moscow State University. Ser. Ekonomika*, no. 1. (In Russian.)
- Kulikov V.V. (1978). The formation of socialist relations of production: Essays on the theory and methodology. Moscow: Moscow University Publ., 183 p. (In Russian.)
- Kulikov V.V. (1984). Formation of socialism and the “socialization of production in practice” (Preprint of the report). Moscow: Institute of Economics of the Academy of Sciences of SSSR. (In Russian.)

- Lenin V.I. (1969). Imperialism, the Highest Stage of Capitalism / *Lenin V.I.* Full. cit. op., vol. 27. Moscow: Izdatelstvo Politicheskoy Literatury Publ. (In Russian.)
- Mamedov O.Yu. (2015). Ten classical principles of political-economic analysis. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, no. 1, pp. 38–47. (In Russian.)
- Mamedov O.Yu. and Brizhak O.V. (2013). Modern corporation in the coordinates of the classical political economy. *Terra Economicus*, vol. 11, no. 4/3, pp. 5–9. (In Russian.)
- Marx K. (1960). Capital, vol. I / *Marx K. and Engels F.* Works, vol. 23. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ. (In Russian.)
- Mezhuev V.M. (2009). Socialism – space of culture. *Socialism-21. 14 texts of the Post-Soviet School of critical Marxism*. Moscow: Kulturnaya Revolyutsiya. (In Russian.)
- Musto M. (2013). Once again, Marx's concept of alienation. *Alternativy*, no. 3, pp. 37–61. (In Russian.)
- Oleynik A. (2011). Power and market. The system of social and economic domination of the Russian “zero” years. Moscow: Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya, 440 p. (In Russian.)
- Porokhovskiy A.A. (2012). Political economy – the foundation and core of economic theory. *Ekonomist*, no. 1, pp. 61–73. (In Russian.)
- Porokhovskiy A.A. (2014). Civilizational importance of political economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, no. 4, pp. 43–55. (In Russian.)
- Rudyk E. (2013). Nationalization, socialization, democratization of power (to the problem). *Alternativy*, no. 1, pp. 92–100. (In Russian.)
- Ryazanov V.T. (2015). Capitalism and Crises: The formation and development of political and economic approach. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, no. 1, pp. 48–63. (In Russian.)
- Slavin B.F. and Aitova G.Sh. (eds.) (2015). Democratic left project: In search of updates. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya, 320 p. (In Russian.)
- Tapscott D. and Williams A. (2009). Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. Moscow: Best Business Books, 392 p. (In Russian.)
- Tirole J. (2000). Markets and market power: The theory of industrial organization. In 2 vols. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola Publ., vol. 1 – 376 p., vol. 2 – 456 p. (In Russian.)
- Tsagolov N.A. (ed.). (1973). The course of political economy, vol. I. Moscow: Ekonomika Publ., 831 p. (In Russian.)
- Feller J., Fitzgerald B., Hissam S. and Lakhani K. (eds.) (2007). Perspectives on Free and Open Source Software. Cambridge, Massachusetts, L., England: The MIT Press, 570 p.
- Fukuyama F. (1995). Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free press Paperbacks, 480 p.
- Greider M. (1997). One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. N.Y.: Simon & Schuster, 528 p.
- Jameson F. (1991). Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. Durham: Duke University Press, 461 p.
- Kristof N. (2011). Crony Capitalism Comes Home. *The N.Y. Times*, October 27, (http://www.nytimes.com/2011/10/27/opinion/kristof-crony-capitalism-comes-homes.html?_r=1).
- Mandel E. (1975). Late capitalism. London: Humanities Press, 599 p.
- Ollman B. (1976). Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge: Cambridge University Press.
- Samuelson P. and Nordhaus W. (1985). Economics. N.Y.: McGraw-Hill, 950 p.
- Samuelson P. and Nordhaus W. (2001). Economics. N.Y.: McGraw-Hill, 950 p.
- Singh A. and Zammit A. (2006). Corporate Governance, Crony Capitalism and Economic Crises: Should the US business model replace the Asian way of “doing business”? *Corporate Governance: an International Review*, vol. 14, no. 4, pp. 220–233.

Stiglitz J. (2002). Crony capitalism American-style. *Project Syndicate*, February (<http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz11/English>).

Stiglitz J. (2006a). Give Prizes Not Patents. *New Scientist*, Sept. 16, p. 21.

Stiglitz J.E. (2006b). Scrooge and Intellectual Property Rights: A Medical Prize Fund Could Improve the Financing of Drug Innovations. *British Medical Journal*, vol. 333, pp. 1279–1280. doi:10.1136/bmj.39048.428380.80.

Wei Sh.-J. (2001). Domestic Crony Capitalism and International Fickle Capital: Is There a Connection? *International Finance*, no. 4, pp. 15–45.

TOWARDS THE THEORY OF MONETARY DEGRADATION, OR POST KEYNESIAN ANALYSIS OF MONETARY PROBLEMS OF THE RUSSIAN TRANSITIONAL ECONOMY IN 1991–1998

IVAN V. ROZMAINSKY,

Candidate of Economics (PhD), Associate Professor,
National Research University Higher School of Economics,
(St. Petersburg branch), Saint Petersburg, Russia,
e-mail: irozmain@yandex.ru

The paper develops Post Keynesian theory of endogenous money and applies it to analysis of changes in monetary circulation in the Russian transitional economy in 1991–1998. These changes were characterized by displacement of bank deposits by cash, barter and inter-firm arrears as special means of payment. Author treats this process as «monetary degradation» because it created additional barriers to financing investment, made for criminalization and contributed to cost-push inflation. All this could be ruinous for creation of monetary capitalist economy in Russia. The main cause of monetary degradation is associated with inability of the government to enforce effectively contracts due to sharp institutional changes generated by shock therapy policy. The paper also focuses on the «legacies» of monetary degradation which matter at the present time. These are low coefficient of monetization, large M0/M2 ratio and absence of such monetary aggregates as M3 and M4. All these phenomena are the barriers to rapid and steady economic growth not based on rising oil prices. So, money structure can be considered as both institutional feature and macroeconomic variable.

Keywords: Post Keynesian economics; monetary degradation; economy of Russia; money; barter; endogenous money; economy in transition; shock therapy

JEL classifications: E12, E40, E42, P20, P21

К ТЕОРИИ ДЕНЕЖНОЙ ДЕГРАДАЦИИ, ИЛИ ПОСТКЕЙНСИАНСКИЙ АНАЛИЗ МОНЕТАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ В 1991–1998 ГОДАХ

И.В. РОЗМАЙНСКИЙ,

кандидат экономических наук, доцент,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
(Санкт-Петербургский филиал), г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: irozmain@yandex.ru

Статья посвящена развитию посткейнсианской теории эндогенной денежной массы и её применению к анализу изменений в денежном обращении в российской переходной экономике в 1991–1998 гг. Эти изменения характеризовались замещением банковских денег наличностью, бартером и неплатежами. Автор рассматривает данный процесс как «денежную деградацию», создавшую дополнительные препятствия для финансирования инвестиций, способствовавшую криминализации экономики и подстегнувшую инфляцию издержек. Все перечисленное могло стать разрушительным (и отчасти стало таковым) для создания «нормальной» капиталистической экономики в России. Представляется, что основная причина денежной деградации связана с неспособностью правительства эффективно обеспечивать выполнение контрактов в условиях резких институциональных изменений, порожденных политикой шоковой терапии. К другим причинам следует отнести падение ВВП и ограничительную макроэкономическую политику тогдашнего правительства. В то же время, денежная деградация сама вносила вклад в снижение ВВП и создавала стимулы для дальнейшего ужесточения фискальной и денежной политики, будучи также фактором, негативно влиявшим на институциональную среду. В статье также обсуждаются актуальные для сегодняшнего дня последствия денежной деградации. К этим последствиям относятся низкий коэффициент монетизации, высокое соотношение $M0/M2$, а также отсутствие таких денежных агрегатов, как $M3$ и $M4$. Все это – препятствия для быстрого и устойчивого экономического роста, который не основывался бы на повышении цен на нефть. Так, структура денежной массы и прочие характеристики денежного обращения могут рассматриваться и как институциональная характеристика, и как макроэкономическая переменная.

Ключевые слова: *посткейнсианская экономическая теория; денежная деградация; российская экономика; деньги; бартер; эндогенная денежная масса; переходная экономика; шоковая терапия*

Introduction

During the 1990s some economies in transition, in particular, Russia, faced with strange phenomenon concerned with sharp changes of its money structure. Cash, barter and mutual arrears displaced bank money. We christen this process *monetary degradation* and treat it as phenomenon opposed to monetary (or financial) evolution occurred in the second half of the twentieth century and later in the most developed and industrializing countries. We analyze these processes by means of Post Keynesian Economics, which considers money as both a durable asset and means of contractual settlement. Furthermore, Post Keynesian theory shows that bank money can be used in order to finance fixed capital investment, and expansion of such money accompanies increased investment activity. At the same time, monetary degradation can be both means of financing criminalization of the economy and process accompanying investment collapse and fall in the GDP. So, money structure can be considered as both institutional feature and macroeconomic variable. We start with empirics and then on the base of Post Keynesian Economics will try to explain causes and role of monetary degradation in Russia (and some other countries with transitional economies in the 1990s). Furthermore, we will discuss legacy of this degradation which is important at the present moment. This legacy has been incarnated in low coefficient of monetization, high $M0/M2$ ratio, and absence of such monetary aggregates as $M3$ and $M4$. All these aspects are obstacles to rapid and steady economic growth in Russia in the 2010s.

The dynamics of money structure in some developed and industrializing economies: the role of monetary evolution

Post Keynesian Economics rejects the idea of neutrality of money (*Monvoisin and Roshon, 2009*). It shows that quantity of money affects real GDP and other real variables. The lack of money can stop investment activity and depress real output. External financing – creation of credit money by banks and non-bank financial intermediaries – is very important for rapid economic growth. Post Keynesian economists believe that “the banks hold the key position in the transition from a lower to a higher scale of activity” (*Keynes, 1937. P. 668*), and hence, “in the process of growth” (*Studart, 1995. P. 51; see also Carvalho, 1997; Charles, 2008*). That is why “the growth of real capital and output in the economy depends on... the behavior of the banking system, financial institutions and the liquidity decisions of households” (*Davidson, 1972. P. 181*). Therefore the endogeneity of money matters: it means that investment can be financed even in spite of lack of savings or the attempts of the central bank to limit the quantity of money in the economy.

The degree of endogeneity of money, in turn, depends upon the maturity of financial – in particular, banking – system¹. The more developed financial system gives to financial institutions more rich possibilities to escape from the central bank control and to create more new kinds of money (*Chick, 1992; Chick and Dow, 1988, P. 230–234; Dow et al., 2008; Niggel, 1990; 1991*). So the structure of money stock reflects the maturity of financial system and the ability of the economy to finance investment and economic growth. That is why money in the “financial capitalism” inextricably linked with banking (and, in general, financial) evolution. (*Minsky, 1986a*) And that is why *monetary evolution* – that is to say, decrease of relative role of cash money and emergence/growth of new endogenous kinds of credit money/monetary aggregates, – increases potential possibilities of economic growth².

It leads to the important conclusion: *not only money is not neutral, but also the structure of money is not neutral!* The “progressive” money structure, i. e. money structure with decreasing share of M0 and M1, on the one hand, and increasing role of new monetary aggregates, on the other hand, should positively correlate with rising real output. This conclusion can be supported empirically, as Table 1 shows.

Table 1

Monetary evolution and economic growth in selected developed industrial and newly industrializing countries, 1970–1994

Country	COB/QM ratio (in percent) 1970 and 1994	COB/QM ratio in 1994 as a percentage of 1970 ratio	Real GDP in 1994 as a percentage of 1970 level
Korea	22.71 and 13.04	57.42	698.24
Singapore	32.79 and 13.35	40.71	649.06
Thailand	53.36 and 9.75	18.27	565.15
Iceland	11.19 and 3.49	31.19	253.60
Norway	24.68 and 25.42	102.30	234.39
Philippines	43.98 and 15.60	35.47	226.87
Australia	12.97 and 9.28	71.55	210.71
Spain	21.72 and 20.51	94.33	197.63
U. S.	12.11 and 13.05	107.76	185.82
France	76.79 and 8.48	11.04	180.74
Netherlands	21.94 and 10.77	90.11	176.44

¹ This opinion is common view shared by those Post Keynesians who are adherents of so-called *structural endogeneity*, see *Pollin (1994)*. More general view is described in: *Monvoisin and Roshon (2009)*; discussions between Post Keynesian Structuralists and their opponents see in: *Lucarelli (2013)*.

² Although such evolution makes also economy more liable to financial fragility and financial crises (*Minsky, 1986b; Charles, 2008; Wray, 2009; 2011*); see also mention in the next Section.

Source: Calculations by author on the base of data provided by *International Financial Statistics*, IMF.

According to Table 1, selected – on the basis of the principle of data availability – developed industrial and newly industrializing countries with long high economic growth were characterized by both long monetary evolution as measured by decrease in the “currency outside banks/quasi-money” (COB/QM) ratio and low level of this ratio. The exceptions – in respect of monetary evolution – are only U. S. and Norway. Table 1 shows also that newly industrializing countries which in the 1970–1994 were usually characterized by more rapid growth than developed industrial ones, exhibited more fast monetary evolution. These countries – Korea, Singapore, Thailand, Philippines – have remained behind in this respect only France (and, partially, Iceland). All these stylized facts conform to Post Keynesian Economics.

The dynamics of money structure in some transition economies in the 1990s and concept of monetary degradation

The some transitional economies had confronted in the 1990s with the opposed tendency: displacement of bank money from monetary circulation. What media of exchange became to replace credit money?

First of all, such role was played by cash money, as Table 2 shows.

Table 2

Changes in money structure in selected transition economies

COB/QM ratio and its changes	China, 1990-1995	Romania, 1988-1994	Moldova, 1991-1996	Latvia, 1993-1996	Estonia, 1991-1996	Russia, 1991-1998 ^a	Belarus, 1994-1996	Ukraine, 1992-1995
Percentage changes in COB/QM ratio	-34.83	1.32	806.21	47.32	852.14	132.78	208.15	10.21
COB/QM ratio (in percent) in the end of the “accounting period”	22.43	34.64	180.88	114.53	126.73	41.90	53.31	117.56

^a COB/M2 ratio.

Source: Calculations by author on the base of data provided by *International Financial Statistics*; IMF, and Central Bank of the Russian Federation.

According to Table 2, in many transition economies – at most the matter concerns economies of countries-members of the former USSR – role of cash money obviously grew in the first half of the 1990s (see also *Dow et al, 2008, P. 11*). Furthermore, these economies in the transitional literature as a rule are treated as “unlucky”: such countries were characterized by very severe “transformational recession”, at least, during the appropriate “reporting period”³.

But increase of role of cash money (currency outside banks) was by no means the only unexpected change in the structure of media of exchange in transition economies in the 1990s. In many such economies barter, inter-firm overdue arrears (“non-payments” in

³ On the other hand, the most successful country with transition economy, China, where economic growth is very rapid, exhibits both evident monetary evolution and relatively low COB/QM ratio; I recommend to compare values of this ratio at countries with developed, industrializing and transition economies.

the narrow sense) and other inside liabilities of industrial sector (“non-payments” in the broad sense) also rapidly grew and displaced “full-fledged” bank credit money. In general, in the 1990s monetary “surrogates were of countless varieties. They were issued by government, and local authorities, banks, enterprises, and even individuals” (Dzarasov, 2010. P. 34). “The rise of... pure barter transactions, transactions in promissory notes, and mutual debt write-offs, was observed in almost all of the 20-plus transition economies in the 1990s. However, it was most severe in Russia and Ukraine...” (Dow et al., 2008. P. 28). In other words, just as cash money, barter and “non-payments” (particularly in the narrow sense, but also in the broad one) had rapidly diffused in Russia in the 1990s. According to Makarov and Kleyner (1999), the share of barter in the transactions with industrial products was equal in 1991–94 to 40%, in 1995–1996 to 75%, and in 1997–99 to 80–90%. According to Dow et al (2008. P. 18), “at its peak in 1998, nonmonetary transactions such as mutual write-offs, promissory notes, and pure barter transactions constituted more than 50 percent of industrial transactions in Russia”. Finally, according to the World Bank, the share of overdue bills payable (in the industrial, agriculture, construction and transport sectors) in GDP was equal in 1994 to 0.148, in 1996 to 0.234 and in 1998 to 0.393. At the same time, M0/M2 ratio had increased from approximately 18 per cent in 1992 to almost 40 per cent in 1998.

I call this process “monetary degradation” (Rozmainsky, 2014). In general, *monetary degradation* is the process of increase (in the sum of media of exchange) of share of monies and quasi-monies which generate higher transaction cost and impede financing of expensive and long-lasting investment projects. I think that spreading of cash, barter and “non-payments” leads to these consequences.

The statement about higher transaction costs does not need to be proved in detail. Money decreases transaction costs in comparison with barter. Bank money decreases these costs in comparison with cash money. Regarding “non-payments”: mutual arrears are nothing but “implicit barter”.

But the statement about financing of investments is even more important. The very important point is that it is very difficult by means of cash money – and all the more by means of barter and “non-payments” – to finance periodically repetitive outflows which does not generate during the long time financial inflows. Such structure of outflows and inflows is inherent to many expensive and long-lasting fixed capital investment projects. The time gap between outflows and inflows can be eliminated only by credit (bank) money (Rozmainsky, 2014).

Such elimination, of course, does not mean “absolute happiness”, especially if long-term projects are financed by short-term debts, as it often took place in the developed countries, at least after the Second World War, (see Minsky, 1975). Such financing creates prerequisites for financial fragilation and financial crises, which were brilliantly analyzed by Minsky and his followers (Minsky, 1975, 1977, 1986b; Fazzari and Papadimitrou, 1992; Dymski and Pollin, 1994, Studart, 1995; Charles, 2008). Moreover, such changes in financial practices are “responsible” for the Great Recession (Wray, 2009; 2011). But it matters that bank money *allows* actual realization of investment projects. Cash money, barter and “non-payments” do not allow it.

The very important point is that not only barter and “non-payments”, but also cash money impedes financing of investment and growth. Credit money system contributes to growth more than cash money one because the former allows to mobilize all financial potential of the economy and to join actions of many different agents for the sake of realization of large investment projects.

The spreading of cash, and especially barter and “non-payments”, was widely analyzed in the transitional literature (Dow et al, 2008; Dzarasov, 2010; Makarov and Kleyner, 1997; 1999; Shmelyov, 1997). But only this paper gives an integral analysis of this spreading. The expansions of cash, barter and “non-payments” were not separated phenomena. These

were “chain links”. And this “chain” is monetary degradation, i. e. deterioration of the money structure. Such deterioration is not neutral. This process is both cause and effect in the interaction between institutional policy of the government, fall of GDP and investment collapse, cost inflation, decrease in tax revenue and increase in tax burden, tight money policy, expansion of shadow sector and criminalization of the economy. This topic needs to be analyzed in detail.

Initial causes of monetary degradation

The most fundamental reason for “monetary degradation” was emergence of reluctance or inability of the state to provide legal enforcement of forward contracts, which are the main mode of coping with uncertainty in monetary, i. e. normal market, economy, according to Post Keynesian Economics (*Davidson, 1972; Carvalho, 1992; Rousseas, 1998. P. 17–31; Lucarelli, 2013*)⁴. Such case took place during the transition from planned economy to the market one (or during other big systemic transformations), when rupture in institutional system had appeared (“institutional hiatus”, see *Kozul-Wright and Rayment, 1997*) and/or “rules of game” which form actual market relations had still not transformed into some influential and settled. In general, the weakness of the state was endemic disease in transitional and any underdeveloped economies. Therefore, generally speaking, destructive decrease in the degree of legal “maintenance” of forward contracting can potentially occur always in any economy where traditions of the “strong state” – in sense of the state which provides total-plot protection and enforcement of contracts – are poor and weak. Transition is the most important impulse to such decrease, but it is not the only one (another impulse can be, for example, radical change of government or line of national policy).

The mentioned reluctance (or inability) means that incentives to forward contracting become very low, because contracting without state enforcement is unreliable, insecure and frail. But according to Post Keynesian Economics, genesis and use of “full-fledged” money is fundamentally linked with forward contracting: “... money and contracts intimately and inevitably related” (*Panagopoulos and Spiliotis, 1998. P. 650–651; see also Davidson, 1972; Carvalho, 1992*). Therefore incentives to use of such money become also low. Economic agents begin to refuse to use money as unique (liquidity) “time machine” (*Davidson, 1977. P. 542; 1996. P. 502*); absence of legal state protection of forward contracts eliminates needs in such “time machine”. Then economic agents try to create alternative modes of coping with uncertainty and to use alternative media of exchange for application of these modes. And then structure of means of payment changes.

The practical example of loss of legal enforcement of forward contracts was the shock therapy policy of transition which has started in Russia in 1991 – 92 according to the principles of the IMF. The main idea behind shock therapy policy is *immediate* and *simultaneous* realization of all planned reforms. But some reforms – for example, price liberalization, – require short period for its completion, other reforms – for example, creation of clear legal framework for market economy – require a long one. So, strict shock therapy policy was transformed into the process treated by me as “reverse gradualism” (*Rozmain-sky, 2014*). Those reforms that must be implemented later, take place more early (and vice versa). It is the definition of the “reverse gradualism”. Such “bad” succession really complicates the transition to the market economy and also generates chaos and increases degree of uncertainty of the future. That is why according to Post Keynesian perspective, shock therapy policy is adverse mode of transition (see also *Tsang, 1996; Dow et al., 2008*).

At the same time, among Russian policy-makers Hayekian ideas about spontaneous genesis of market (together with the Washington consensus dogmas about privatization, liberalization and stabilization) were popular. According to it, the creation of the market economy must not be concerned with the government actions. The government should

⁴ See also below the definition of monetary economy itself.

depart from the economy and open the way for the rising of the market institutions. The forming of such institutions is the effect of the chaotic interactions between many atomized individuals. The government must not disturb the “mystery” of spontaneous rising of the market economy (Rozmainsky, 2014).

These ideas had been learned more than well. The Russian government had refused from administration of state enterprises in 1991 and become to perform very badly functions of legal protection of forward contracts (moreover: it often violated its own contractual obligations). Thereby it had created great difficulties for mentioned forward contracting, and therefore the foundations for use of “full-fledged” credit money partially disappeared.

Economic agents had begun to strengthen old informal links and to create new ones in order to reduce extreme high level of uncertainty. As a rule, such links had constituted shadow, or illegal, economy, because agents wanted and very often were forced to circumvent the government. Such illegal economy took various shapes: tax evasion and all by-products of it, transactions with rights and licenses, production and selling of drugs etc.

According to *Shmelyov* (1997), in 1992 and 1993 the amount of illegal appropriation of wealth in Russia by private agents was equal to 75–80% of GDP; in 1996 (when law framework became already a little more clear) it was equal to 12–15% of GDP.

But shadow economy as system of illegal, informal, mainly non-market or pseudo-market, links, coping with uncertainty, requires adequate means of payment, i. e. assets which allow to conceal outcomes of informal transactions and/or these transactions itself and impede most calculations and accountings.

Credit money is irrelevant for it. The point is that such money implies “transparency” of payments (and, hence, transactions) for any “outside” agents. This statement is applied not only to “usual” checkable deposits, but also to new, “advanced” kinds of money and quasi-money (certificates on deposit, repurchase agreements etc), which are created by banks or nonbank financial institutions (and were described in the papers devoted to causes of money supply endogeneity: *Chick, 1992; Niggle, 1990, 1991; Dow et al., 2008*). Therefore monetary (or financial) evolution disturbs shadow activity, because it makes all transactions “transparent” for the statistical services and tax authorities.

It does not mean that bank money finances always legal transactions. Illegal activity can be financed by such money; but violators of law are forced to resort to various tricks, in order to gain their ends.

The above kinds of “media of exchange” indeed can help “shadow” groups to hide its actions. We imply cash money, barter and “non-payments”. All these assets are anonymous. Use of it does not imply disclosure of information about the name(s) of transactor(s).

In this respect, cash is ideal mode of financing illegal activity in comparison with bank money⁵. But barter (and mutual arrears) has even more advantages. Firstly, barter allows to conceal genuine (monetary) value of goods. Secondly, accounting of material things flows is more difficult than accounting of monetary flows. These advantages frequently more than offset disadvantages of barter which are concerned with its “awkwardness”. Therefore, barter and mutual arrears are also often used in order to finance illegal activity.

This reasoning is applied to dynamics: any expansion of shadow, “informal”, economy generates displacement of bank money by cash, barter and “non-payments”. In other words, such expansion leads to monetary degradation. As I have shown above, expansion of shadow economy was the reaction on extreme version of shock therapy policy. That is why such policy was fundamentally responsible for monetary degradation.

Another reason for deterioration of money structure is purely macroeconomic one. The fall of both real GDP and investment (in 1998 the former indicator was equal to 57%, and the latter one was equal to only 21% of pre-reform 1990 values, see *Dzarasov, 2011*.

⁵ In Russia people use very popular term “black cash” (“chjornyj nal”) in order to characterize cash money flows which are not reflected in “official” enterprises accounting).

P. 199) discouraged monetary evolution: banks and other financial institutions had no incentives to invent new kinds of monies and quasi-monies. So due to investment collapse “advanced” monetary aggregates like M3 had not been created in Russia, as *Nozdran and Berezin (1993)* wrote (these aggregates were absent formerly because the planned economy did not need sophisticated private credit assets and relations, see *Dow et al., 2008*). In the economy, characterized by long decline, financial fragilation concerned with new kinds of bank money – described by Minsky (1986b) – is impossible.

Economic agents forgot about investment and concentrate on purely production and (even more) exchange aspects. But working capital turnover – unlike additions to fixed capital stock – can take place by means of using cash money, barter and “non-payments”. Furthermore, barter and arrears provided survival of insolvent firms, especially when bankruptcy law really did not work (as in Russia in the 1990s; later bankruptcy law was used by corporate raiders). So, monetary degradation is the reaction on macroeconomic slump; and such reaction softens negative social effects of this slump, but at the cost of survival of potential bankrupts.

Third reason is concerned with fiscal and monetary measures of the government. More exactly, monetary degradation can be an effect of restrictive policy. Both expansion of barter and emergence of new monetary substitutes invented by enterprises were reaction on both increases in tax rates (which were executed in Russia for the sake of attainment of IMF target of balanced budget) and enormous decreases in monetary growth (which were executed in Russia for the sake of attainment of targeted – again by IMF – rate of inflation). In particular, in the 1990s “Russian authorities started what, probably, was the most consistent experiment of the restrictive monetary policy in recent history” (*Dzarusov, 2010. P. 33*).

Post Keynesians for a long time had described phenomenon of emergence of quasi-monies in response to tightening in money policy in market capitalist economy (Minsky, 1957). But they wrote about new *bank* quasi-monies. As I have mentioned above, such monies allow to finance new investment projects; it means that the monetary system changes progressively. In transition economy the matter concerns monetary degradation. Firstly, in order to get over the lack of liquidity owing to tight money policy, economic agents invented substitutes of “normal” monies and use both barter and “non-payments”. “Thus, the macroeconomic policy geared toward fighting inflation has largely destroyed money as an institution in Russia” (*Sapir, 1999. P. 3; see also Dzarusov, 2010*). For example, coefficient of monetization had fallen from 19.9 per cent in 1993 to 14.8 per cent in 1999, while in the UK, USA, Germany, France this ratio is between 50 and 100 per cent; in Eurozone between 1995 and 2005 it had increased from 72.5 per cent to 89.2 per cent (*Rozmainsky, 2010. P. 77*). Secondly, in order to hide the outcomes of their economic activity and evade taxes, agents used the same assets.

One more reason could be inflation. Inflation increases opportunity cost of money holding and creates incentives to substitute it for barter. The same influence is exerted by high interest rates (*Malakhov, 1997*) which are the effect of tight money policy. It is clearly that this and previous reasons did not touch such element of monetary degradation as displacement of bank money by cash.

The described causes are not independent from each other. Not only shock therapy policy but also tightening in monetary and fiscal policies could generate fall in real GDP and fixed capital investment (like recently in Greece, see *Papadimitiou et al., 2013*). High inflation could both create incentives to tightening in policies and increase level of uncertainty, thereby decreasing investment. As I already wrote, there is interaction between these phenomena in the economy where it turned out that policy of transition has failed.

Monetary degradation as the adverse spiral of “cumulative causation”

The above reasoning suggests an idea to spiral-like character of monetary degradation. The described process was not passive one. Monetary degradation was the powerful factor

of adverse economic and institutional changes. The above causes of monetary degradation could be at the same time effects of it.

So, monetary degradation created favorable “payment environment” for further expansion of shadow economy. This degradation allowed to improve technologies of financing transactions by cash, barter and “non-payments”. It implied that there was improvement of technologies of concealment of outcomes of economic activity and/or this activity itself. Thus, the possibilities for expansion of shadow economy became wider.

Secondly, monetary degradation by definition generated higher costs and decreases investment. Therefore it led to both further fall of GDP and cost-push inflation. So monetary degradation could inject cost inflation irrespective of central bank policy. For example, in 1997, “the Severovejsk engineering plant paid by surrogates (which means on barter terms) for the delivery of cast iron 2 million roubles per ton. In cash, its cost at the time was only 0.7 million roubles” (*Dzarasov, 2010. P. 35*). At the same time, this degradation could lead to technical regress because long fall of investment decreases capital stock and, consequently, capital-labor ratio, which can be treated as the argument in the technical progress function together with level of investment itself (*Palley, 1996*).

Thirdly, monetary degradation could induce the government to restrict more its policy. For example, decrease in tax revenue owing to diffusion of barter and “non-payments” might lead to new increase in tax burden. This increase was directed to balance the government budget. Similarly, acceleration of inflation due to the same cause might lead to more restrictive monetary policy; such policy was directed to disinflation. However, described tightening was ineffective because it only intensified monetary degradation.

But the most dangerous effect of monetary degradation was concerned with disintegration, “fragmentization” of the economy. Indeed, this statement is applied at most to barter and “non-payments”. The point is that “normal” money, as is well known, is *universal* means of payment, unlike just now mentioned media. “Non-payment” (or some commodity utilized in barter relations) of Firm A can be accepted by Firm B or Firm C; but Firm D and Firm E may refuse to make it and, therefore, will break economic links with the former three companies. That is why endogeneity of bank credit money and endogeneity of monetary obligations of enterprises are fundamentally different things: the latter is extremely far from “full-fledged” money, because it cannot be both “the means of contractual settlement” and “one-way time machine” (*Davidson, 1977. P. 542*).

I already mentioned about role of informal links between agents in shadow economy and role of “bad” means of payment for survival of insolvent firms. Barter and “non-payments” (and also a lesser degree cash money) allowed to strengthen above links and to provide more sharp divisions between “friends and foes”. The economy broke into disconnected local groups of economic agents. Furthermore, inefficient (and therefore insolvent for conditions of normal market economy) companies continued to live and did not to try to improve own efficiency, productivity, level of its technology etc. The main consequence of all this was both absence of incentives to technical progress and impossibility of horizontal diffusion of innovations (*Makarov and Kleyner, 1997*). Such economy could maintain standards of living which are compatible with bare subsistence, but it had doomed on deepest technological stagnation and decline. And this doom took place irrespective of liberalized prices, privatized enterprises, low rate of money supply growth approved by IMF, etc.

Monetary degradation was stopped due to positive macroeconomic (including external) shocks and successful shift in the government regulations (by prime-minister of those days Primakov), and also emergence of more clear legal framework together with more effective legal enforcement of contracts, and attainment of bare subsistence level. Almost all this happened in 1999–2001: “Only after the restrictive monetary policy was violently stopped by the crisis, did economic recovery ensue in Russia” (*Dzarasov, 2010. P. 35*).

“The steady rise of oil prices also contributed to macroeconomic stabilization. As a result, since 1999, the economy’s reliance on cash money has steadily been declining and

the importance of banking has slowly been increasing" (*Dow et al., 2008. P. 18*). However, the economy with "degraded" structure of media of exchange cannot rapidly grow on the "internal base": local groups of informally linked agents are closed and self-contained structures which have no ability to develop and to innovate. In this respect, effects of monetary degradation are quite opposite to ones of expansion of credit money which (as I mentioned above) allows to take part in the activity of many different agents and increases quantity of economic interrelations between them.

Conclusions

Theory of monetary degradation is – based on the Post Keynesian methodology – theory explaining dynamics of monetary circulation in the transition economies like Russia in the 1990s. According to this theory, structure of monetary circulation (media of exchange) or "payment environment" is both reflection and catalyst of important macroeconomic and institutional changes.

On the one hand, the money structure with large share of cash (and also with big role of barter and "non-payments") is the reflection of inefficient institutions, mainly in the form of poor protection of forward contracting, and also non-investment character of the economy (about the role of Russian corporations here and its short-term orientation see *Dzarusov, 2011*). On the other hand, it is a growth restraint like low "animal spirits", underdeveloped infrastructure, heavy tax burden and other problems of the transitional economies. Furthermore, media of exchange structure with big share of barter and non-liquid obligations of enterprises impedes horizontal diffusion of innovations. Therefore structure of monetary circulation matters.

Since the most fundamental reason for monetary degradation is bad performance of the government as a "producer" of legal enforcement of forward contracting, it is clearly that strategic mistakes of the Russian government in the course of transition in the 1990s were more than costly. In particular, the very serious mistake was a lack of understanding of the fact that normal market economy cannot be created without active participation of the government. The shock therapy policy failed to accept it and extremely underestimated the importance of gradual institutional evolution. "... the shock therapy-type of policies...

in the early 1990s resulted in hyperinflation, macroeconomic chaos, and the general public's loss of trust in money and banks, which had clear implications for credit creation, and thus for production and output. As a result, transition economies had to start the institution-building process..." (*Dow et al., 2008. P. 30–31*).

The very important point is that long monetary degradation can lead to loss by "monetary economy" its "monetariness". According to Post Keynesian Economics, "money plays unique role in relation to the existence of future contracts, which are normally denominated in nominal terms" (*Lucarelli, 2013. P. 349*). Monetary economy is "an economy based on a system of forward contracts" (*Carvalho, 1992. P. 102*), and "money is at the very foundation of a market economy" (*Dequech, 2013–2014. P. 269*). Furthermore, "money is... endogenous and is tied to bank credit" (*Monvoisin and Roshon, 2009. P. 48*). In other words, monetary economy is characterized by presence of credit money which provides "temporality" of economic activity (see also *Carvalho, 1992. P. 46*). Monetary degradation decreases the role of such monies. So described degradation can change the fundamental features of economic system in which it takes place. More exactly, monetary degradation may not allow planned economy to transform into monetary production one. The former can become – due to monetary degradation – economic system characterized by domination of closed local groups of informally linked agents and eroded dividing lines between legal and illegal activities. Such system – which can be christened as "criminal pseudocapitalism" – is the reality of many African countries and could become reality of Russia.

As we already said, in 1999–2001 due to both the actions of Primakov's government and macroeconomic expansion – induced by mainly rising oil prices – the most aspects of monetary degradation in Russia were eliminated (Rozmainsky, 2010). However, some legacies of monetary degradation of the 1990s remain now. These ones are low coefficient of monetization, large M0/M2 ratio and absence of such monetary aggregates as M3 and M4. We already wrote that in 1999 coefficient of monetization was equal to 14.8 per cent (Rozmainsky, 2010). It did steady increase until 2013 when it was equal to 47.1 per cent which is very low value according to the international standards. During 2000 – 2014 M0/M2 ratio has fallen from 0.37 to 0.22. This was a good tendency, but, however, 22 per cent of M0 relatively to M2 is very large size, according to the standards of the developed countries (in Eurozone and USA this ratio is less than 10 per cent, see Rozmainsky, 2010).

In general, monetary degradation and retarded money structure are adverse institutional and macroeconomic phenomena which are ignored by mainstream economics but should be analyzed in the framework of Post Keynesian Economics. It is clearly also that such analysis has practical implications.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Makarov V. and Kleyner G. (1997). Barter in the Transitional Economy: Features and Tendencies // *Ekonomika i matematicheskie metody*, vol. 33 (2), pp. 25–41. (In Russian.)
- Makarov V. and Kleyner G. (1999). The Development of Barter Relations in Russia. Institutional Stage. Moscow: TSEMI RAN Publ. (In Russian.)
- Malakhov S. (1997) Transaction Cost in the Russian Economy // *Voprosy ekonomiki*, № 7, pp. 77–86. (In Russian.)
- Nozdran N. and Berezin I. (1993). Monetary Aggregates: Theory and Practice // *Voprosy ekonomiki*, № 6, pp. 31–39. (In Russian.)
- Rozmainsky I.V. (2010). About Debarterization and Other Aspects of the Payment System Dynamics in «Putin's Russia» // *Journal of Institutional Studies*, vol. 2 (3), pp. 75–85. (In Russian.)
- Schmelyov N. (1997). Non-Payments are the Problem Number One in the Russian Economy // *Voprosy ekonomiki*, vol. 4, pp. 26–41. (In Russian.)
- Carvalho F.J.C. (1992). Mr. Keynes and the Post Keynesians. Principles of Macroeconomics for a Monetary Production Economy. Aldershot: Edward Elgar.
- Carvalho F.J.C. (1997). Financial Innovation and the Post Keynesian Approach to the «Process of Capital Formation» // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 19 (3), pp. 461–487.
- Charles S. (2008). Teaching Minsky's Financial Instability Hypothesis: a Manageable Suggestion // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 31 (1), pp. 125–138.
- Chick V. (1992). The Evolution of the Banking System and the Theory of Saving, Investment and Interest / In: Arestis P. and Dow S. C. (eds.) V. Chick on Money, Method and Keynes. Selected Essays. London: Macmillan, pp. 193–205.
- Chick V. and Dow S.C. (1988). A Post-Keynesian Perspective on the Relation Between Banking and Regional Development / In: Arestis P. (ed.) Post-Keynesian Monetary Economics: New Approaches to Financial Modelling. Aldershot: Edward Elgar, pp. 219–250.
- Davidson P. (1972). Money and the Real World. London: Macmillan.
- Davidson P. (1977). Money and General Equilibrium // *Economie Appliquee*, vol. 30 (4), pp. 541–563.
- Davidson P. (1996). Reality and Economic Theory // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 18 (4), pp. 479–508.
- Dequech D. (2013–2014). Is Money a Convention and/or Creature of the State? The Convention of Acceptability, the State, Contracts, and Taxes // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 36 (2), pp. 251–273.

Dow S., Ghosh D. and Ruziev G. (2008). A Stages Approach to Banking Development in Transition Economies // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 31 (1), pp. 3–33.

Dymski G. and Pollin R. (1994). New Perspectives in Monetary Macroeconomics: Explorations in the Traditions of Hyman P. Minsky. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Dzarusov R.S. (2011). Eichnerian Megacorp and Investment Behaviour of Russian Corporations // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 35, pp. 199–217.

Dzarusov S.S. (2010). The Post Keynesian Alternative for the Russian Economy // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 33 (1), pp. 17–40.

Fazzari S. and Papadimitrou D. (1992). Finance Conditions and Macroeconomic Performance. Essays in Honor of Hyman P. Minsky. Armonk: M.E. Sharpe.

Keynes J.M. (1937). The “Ex-ante” Theory of the Rate of Interest // *Economic Journal*, vol. 47 (188), pp. 663–669.

Kozul-Wright R. and Rayment P. (1997). The Institutional Hiatus in Economies in Transition and its Policy Consequences // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 21, pp. 641–661.

Lucarelli B. (2013). Endogenous Money: A Note on Some Post-Keynesian Controversies // *Review of Political Economy*, vol. 25 (2), pp. 348–359.

Minsky H.P. (1957). Central Banking and the Money Market Changes // *Quarterly Journal of Economics*, vol. 71 (2), pp. 171–187.

Minsky H.P. (1975). John Maynard Keynes. New-York: Columbia University Press.

Minsky H.P. (1977). The Financial Instability Hypothesis: An Interpretation of Keynes and An Alternative to “Standard” Theory // *Nebraska Journal of Economics and Business*, vol. 16, pp. 5–16.

Minsky H.P. (1986a). The Evolution of Financial Institutions and the Performance of the Economy // *Journal of Economic Issues*, vol. 20, pp. 345–353.

Minsky H.P. (1986b). Stabilizing an Unstable Economy. London: Yale University Press.

Monvoisin L. and Rochon L.-P. (2009). Keynes and the Real World: Davidson, Money and Uncertainty // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 32 (1), pp. 43–58.

Niggle C.J. (1990). The Evolution of Money, Financial Institutions and Monetary Economics // *Journal of Economic Issues*, vol. 24, pp. 443–450.

Niggle C.J. (1991). The Endogenous Money Supply Theory: An Institutional Appraisal // *Journal of Economic Issues*, vol. 25, pp. 137–151.

Palley T.I. (1996). Growth Theory in a Keynesian Mode: Some Keynesian Foundations for New Endogenous Growth Theory // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 19 (1), pp. 113–135.

Panagopoulos Y. and Spiliotis A. (1998). The Determinants of Commercial Banks’ Lending Behavior: Some Evidence for Greece // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 20 (4), pp. 649–672.

Papadimitriou D.B., Nikiforos M. and Zezza G. (2013). The Greek Economic Crisis and the Experience of Austerity. Strategic Analysis. The Levy Economics Institute of Bard College, July.

Pollin R. (1994). Marxian and Post-Keynesian Developments in the Sphere of Money, Credit and Finance: Building Alternative Perspectives in Monetary Macroeconomics / In: Glick M.A. (ed.) Competition, Technology and Money. Classical and Post-Keynesian Perspectives. Aldershot: Edward Elgar, pp. 97–117.

Rousseas S. (1998). Post Keynesian Monetary Economics. London: Macmillan.

Rozmainsky I.V. (2014). «Reverse Gradualism», Investment Collapse and Monetary Degradation in Russia // *Economic Herald of the Donbas*, no. 4 (38), pp. 5–11.

Sapir J. (1999). Russia’s Crash of August 1998. Diagnosis and Prescription // *Post-Soviet Affairs*, vol. 15 (1), pp. 1–36.

Stuart R. (1995). Saving, Financial Markets and Economic Development: Theory and Lessons from Brazil / Arestis P. and Chick V. (eds.) Finance, Development and Structural Change. Aldershot: Edward Elgar, pp. 46–70.

Tsang S.-K. (1996). Against «Big-Bang» in Economic Transition: Normative and Positive Arguments // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 20, pp. 183–193.

Wray L.R. (2009). The Rise and Fall of Money Manager Capitalism: A Minskian Approach // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 33 (4), pp. 807–828.

Wray L.R. (2011). Minsky's Money Manager Capitalism and the Global Financial Crisis // *International Journal of Political Economy*, vol. 40 (2), pp. 5–20.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА: СОВЕТСКИЕ И ПОСТСОВЕТСКИЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Г.В. АНИСИМОВА,

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Институт экономики РАН, г. Москва, Россия,
e-mail: anisimovagalina@bk.ru

В статье отмечена значимость исследования экономического неравенства как важнейшей проблемы политической экономии, имеющей экономические, социологические и политологические аспекты. Рассмотрена гипотеза Нобелевского лауреата по экономике С. Кузнеца о влиянии экономического роста на неравномерность распределения, основанная на анализе исторической динамики доходного неравенства. Обобщены методологические подходы к исследованию взаимосвязи экономического неравенства и экономического роста. Показано, что в середине XX в. господствовало представление о существовании естественного цикла неравенства. Однако в более поздних исследованиях нет единства мнений: экономический рост может сопровождаться снижением, увеличением или консервацией неравенства, а рост неравенства имеет место на фоне экономического спада.

Специальное внимание уделено сопоставлению либерального экономического подхода, согласно которому неравенство является ключевым инструментом экономического роста: чем больше неравенство, тем больше экономический рост, и противоположной точки зрения, которой придерживаются другие исследователи, видящие в неравенстве сдерживающий фактор экономического роста. Показана актуальность исследования проблемы неравенства и в советский период. В то время научный подход к реальным народнохозяйственным проблемам сталкивал исследователей с проблемой расхождения жизни и положений официальной науки. Существенный вклад в создание методологической базы политэкономического исследования неравенства внесли Я.А. Кронрод и А.П. Бутенко. Результаты их исследований в области методологии политической экономии явились импульсом к существенному реформированию многих сложившихся представлений об экономической теории социализма, представляя научный интерес и сегодня.

Приведены эмпирические данные, характеризующие тренды неравенства советского и постсоветского периодов. Показано, что негативным социально-экономическим результатом рыночных преобразований в постсоветской России стала чрезмерная дифференциация доходов населения и, как следствие, – резкая социальная поляризация общества. Сделан вывод о том, что в настоящее время

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Экономическое неравенство и экономический рост в российской экономике и обществе: социально-экономические тенденции, статистические измерения, концепция регулирования» (№ 14-02-00325).

в России речь идет не столько о дифференциации доходов, сколько о переходе ее в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства. Необоснованное избыточное неравенство уровней доходов населения в России является одним из важнейших факторов, сдерживающих экономический рост, который тесно связан с величиной потребительского спроса населения.

Ключевые слова: экономическое неравенство; экономический рост; методологические подходы

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE ANALYSIS OF ECONOMIC INEQUALITY: THE SOVIET AND POST-SOVIET PROBLEMS

GALINA V. ANISIMOVA,

Candidate of Economics, Associate Professor,
Leading Researcher, Institute of Economy of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
e-mail: anisimovagalina@bk.ru

The relevance of the study of economic inequality as the most important problems of political economy is emphasized, in economic, sociological and political aspects. The author discusses the hypothesis by Simon Kuznets who won the Nobel Prize in Economic Sciences for the impact of economic growth on the non-uniformity of distribution, based on an analysis of historical dynamics of income inequality. The article summarizes the methodological approaches to the study of the historical dynamics of inequality in income distribution, relationship between economic inequality and economic growth. It is shown that in the middle of the XX century, the concept of the natural cycle of inequality was dominated. However, there were not consensus in more recent studies about whether economic growth can be accompanied by a decrease, increase or preservation of inequality, while the growth of inequality may occur against a background of economic downturn.

Special attention is paid to the comparison of the liberal economic approach, according to which inequality is a key tool for economic growth: the greater the inequality, the greater the economic growth – and the opposite point of view, which other researchers follow, viewing the inequality as a constraint for economic growth. The urgency of the problem of inequality in the Soviet period and its study is shown. The researchers of that time faced with the problem of differences between the real life and officially provided data. A significant contribution to the development of methodological base for political economy studies of inequality was made by J.A. Kronrod and A.P. Butenko. Their results served as the impetus for reformatory ideas about the economic theory of socialism, which are of importance today as well.

Empirical data showing inequality trends in the Soviet and post-Soviet periods are provided. It is shown that the market reforms in post-Soviet Russia has resulted in excessive income differentiation of the population and, as a consequence – sharp social polarization of society. It is concluded that at the present time in Russia the issue at stake is not income inequality as such, but rather its transformation into particularly dangerous form of social and economic inequality. Unjustified excessive inequality of incomes among the Russians is one of the major factors constraining economic growth, which is closely related to the value of consumer demand.

Keywords: economic inequality; economic growth; methodological approaches

JEL classifications: B22, J31, O47

Введение

Сегодня проблема экономического неравенства занимает центральное место в политической экономии, как в свое время проблема классов и распределения богатства занимала аналогичное место в классической политэкономии. Обоснование пределов неравенства доходов и экономических благ является одним из самых сложных и социально конфликтных вопросов современной экономической теории (см. напр.: *Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015*). Его актуальность, характерная для всех типов социально-экономических систем, получает дополнительное подтверждение в современном глобализирующемся мире (см. подробнее: *Анисимова, 2013а*). Неравномерность или неравенство в распределении национального дохода или национального богатства относится к числу важнейших экономических характеристик, тесно связанных с экономическим ростом и влияющих на него.

К истории вопроса

Одним из первых в мировой научной литературе проблему влияния экономического роста на неравномерность распределения обозначил Нобелевский лауреат по экономике (1971) Саймон Кузнец. Содержательная интерпретация эмпирического анализа долгосрочных тенденций распределения национального дохода в странах, находящихся на разных уровнях развития (Индия, Шри-Ланка, Пуэрто-Рико, Великобритания и США) легла в основу его гипотезы, согласно которой на ранних стадиях экономического роста неравенство в распределении доходов увеличивается, потом по мере экономического развития (в процессе «капиталистической модернизации») стабилизируется и, наконец, по достижении экономикой определенного уровня начинает сокращаться (*Kuznets, 1955. P. 4*). Это положение получило в экономической литературе название «обратная U-образная кривая» (*inverted U-shaped curve*), кривая Кузнец (Kuznets curve) перевернутой-U формы. Кузнец рассматривал эту связь именно как изменение в распределении доходов, вызываемое экономическим ростом, как его следствие.

Исходной позицией сравнительного анализа тенденций внутристранового неравенства распределения явилось представление национального дохода как суммы доходов всех видов, полученных населением. При этом анализ опирался на данные налоговых деклараций, поэтому была рассмотрена динамика доли верхней доходной группы населения, т.к. только по ней имела статистика налоговых поступлений с 1919 г.

Кузнец обнаружил, что в XIX в. рост неравенства доходов проявлялся во всех проходивших индустриализацию европейских странах. Причем самым заметным он был в Англии. Наивысшей точки кривая дифференциации доходов в странах Европы достигла на рубеже XIX–XX вв., в период с 1920-х по 1950-е гг. в западных странах произошло заметное выравнивание доходов населения. Кузнец сделал вывод о том, что если сравнивать начало XX в. и период после Второй мировой войны, неравенство в распределении доходов резко сократилось. Так, он показал, что за десятилетний период доля доходов 5% наиболее обеспеченного населения сократилась с 23,7% в 1939 г. до 17,8% в 1948 г. (*Kuznets, 1953. P. 45–58*).

Подразумевается, что «кривая Кузнец» описывает следующую последовательность событий: на ранних стадиях хозяйственного развития инвестиционные возможности владельцев капитала множатся, а рост заработной платы трудящихся сдерживается притоком дешевой рабочей силы из села в город. В результате по мере индустриализации растет неравенство: возникает элита, которую составляют состоятельные промышленники, а рядовые работники по-прежнему влачат нищенское существование. Однако затем капитала становится много, прибыли стабилизируются или даже падают, приток наемных работников из села иссякает, а заработная плата начинает расти. Благоденствие приобретает повсеместный характер, а в экономике начинает задавать тон средний класс.

В попытке объяснить свои выводы, Кузнец выделил два фактора, которые приводят к увеличению неравенства в течение первого этапа экономического развития. Первый фактор связан с концентрацией сбережений в верхней доходной группе. Второй фактор – изменение структуры экономики. Эта модель предполагает, что экономика может быть разделена на два сектора с различным отраслевым распределением доходов, что влечет перелив рабочей силы из отсталого аграрного сектора в современный городской сектор.

При этом С. Кузнец оставлял открытым вопрос, к улучшению какого из традиционных факторов производства (капитала или рабочей силы) следует относить процессы, которые рассматривались им в качестве основных источников современного экономического роста: развитие науки и образования, а также накопление технологически применимых знаний (*Kusnets, 1966. Pp. 81–82, 183–185, 228–229, 286–293*).

Детально проанализировав данные о динамике национального дохода за длительный период и стремясь минимизировать возможные ошибки в подсчетах, С. Кузнец уделял большое внимание выяснению источников ошибок при сравнительном анализе экономики стран с различным уровнем экономического развития. Он подчеркивал, что «В статье примерно 5% эмпирической информации и 95% – гипотетической. Оправданием для построения сложной модели на достаточно зыбком фундаменте служит глубокий интерес к поставленной проблеме... Тема занимает центральное место в экономических исследованиях и размышлениях; наши знания о ней недостаточны; дальнейшее обобщение сможет направить наши исследования в продуктивное направление; гипотеза может принести больше пользы, чем вреда, являясь эффективным способом представления общего взгляда на область исследования, а не набором полностью доказанных выводов» (*Kuznets, 1955. P. 26*).

Методологические аспекты

Гипотеза С. Кузнеца вдохновила многочисленные исследования исторической динамики неравенства в распределении доходов. Это важная междисциплинарная проблема, имеющая экономические, социологические и политологические аспекты, по поводу которой до сих пор еще ведутся споры. Ее изучение повлекло за собой целую цепочку взаимосвязанных вопросов о социальных и экономических аспектах процесса индустриализации в разных странах, соотношении общего и особенного в этом процессе.

В середине XX в. господствовало представление о существовании некоего естественного цикла неравенства, движимого силами рынка, гипотеза Кузнеца считалась неоспоримой. Ее научную правоту отстаивали Р. Барро, Ф. Боргуньон, Р. Перотти, С. Робинсон и др. Подтверждение этой гипотезы показали отдельные эмпирические проверки, проводившиеся зарубежными исследователями на материалах различных выборок по развивающимся и развитым странам (см.: *Ahluwalia, 1976; Williamson and Lindert, 1980*).

Между тем масса исторических примеров свидетельствует о том, что процесс куда более сложен (см. напр.: *Воейков, Анисимова, 2015а; 2015б*). В ряде более поздних зарубежных исследований учёные приходят к выводу, что гипотезу С. Кузнеца следует, скорее, отклонить: экономический рост может сопровождаться снижением, увеличением или консервацией неравенства (см.: *Milanovic, 1994; Deininger and Square, 1996*). Исследователи отмечают примеры, когда увеличение неравенства происходило на фоне не роста, а падения – в странах Восточной Европы и Центральной Азии в период 1985–1995 гг. (см.: *Adams, 2003*), а также примеры негативного влияния неравенства на экономический рост (см.: *Bigsten and Levin, 2001*).

Имеются свидетельства и того, что кривая Кузнеца верна лишь по отношению к нормальному, но не избыточному неравенству (*Bohman, 1996*). Похожий подход к определению неравенства имеется и в российской литературе. «Ключом к решению этой

проблемы является подразделение общего неравенства на нормальное неравенство, характеризующее распределение доходов среди слоев населения, активно вовлеченных в экономические процессы, и избыточное неравенство, обусловленное низкими доходами тех слоев населения, которые не оказывают существенного влияния на макроэкономические изменения... Это – бедные или просто малообеспеченные слои населения, которые живут за счет социальных трансфертов и домашнего производства, либо заняты в секторах экономики, находящихся в условиях депрессии или зависящих от государственного финансирования, которое в сложившихся условиях оказывается недостаточным» (*Шевяков, Кирута, 2002. С. 66–67*). При этом избыточное неравенство отражает неспособность общества в равной степени использовать экономические потенциалы всех трудоспособных групп населения и обеспечивать приемлемый уровень жизни группам населения, нуждающимся в социальной поддержке. Нормальное неравенство непосредственно связано с процессами в экономике, тогда как избыточное зависит от толерантности общества к бедности и институциональных условий. Однако недостатком такого подхода является, во-первых, определение уровня бедности и соответственно избыточного неравенства как статистической категории.

Либеральные экономисты именно в неравенстве видят основу экономического развития. Так, Людвиг фон Мизес пишет: «Неравенство доходов и богатства свойственно рыночной экономике. Его устранение полностью разрушило бы рыночную экономику». Неравенство, согласно либеральному подходу, способствует росту сбережений, а следовательно, и инвестиций в развитие экономики. «В системе неравенства эгоизм побуждает человека экономить и всегда инвестировать свои сбережения так, чтобы наилучшим образом удовлетворять наиболее насущные нужды потребителей. В системе равенства этот мотив исчезает». И еще: «Даже тот, кто смотрит на неравенство богатства и доходов как на факт, достойный сожаления, не может отрицать, что он стимулирует прогрессирующее накопление капитала. А именно дополнительное накопление капитала только и является причиной совершенствования технологий, повышения ставок заработной платы и более высокого уровня жизни» (*Мизес, 2000. С. 788, 796, 798*).

Не случайно либеральные экономисты активно выступают против государственного регулирования уровня неравенства, так как, по мнению того же Мизеса, «в долгосрочной перспективе такая политика должна привести не только к замедлению или полному прекращению дальнейшего накопления капитала, но и к проеданию ранее накопленного капитала. Она не только парализует дальнейшее продвижение к большему материальному процветанию, но и развернет тренд в противоположную сторону и сформирует тенденцию прогрессирующего обнищания» (*Мизес, 2000. С. 792*).

Как видим, согласно либеральному экономическому подходу, неравенство является ключевым инструментом экономического роста: чем больше неравенство, тем больше экономический рост. Чем больше богатства концентрируется у немногих, тем больше сбережения и, следовательно, инвестиции. Ибо бедные слои населения практически не имеют сбережений, а богатые все проесть не могут и волей-неволей будут инвестировать свои сбережения. Такова логика экономического либерализма и ей нельзя отказать в научности.

Однако эту позицию разделяют далеко не все исследователи. Социальные и демократические исследователи считают совсем наоборот. По мнению чл.-корр. РАН Р.С. Гринберга «проповедь неравенства стала материальной силой, которая, отвергая перераспределительную политику, размывает основу общества – демократию и средний класс...» (*Неравенство доходов..., 2014. С. 39*). Как отмечает американский исследователь Дэнни Дорлинг «Рынки начинают разваливаться, как только некоторые его участники получают больший стартовый капитал, чем остальные, или в процессе накапливают больше средств. Чем менее равны условия на рынке, тем менее эффективен он будет». И далее: «Рынки неэффективны там, где некоторые люди богаты, а

большинство бедно» (Дорлинг, 2014. С. 182, 183). Есть и более радикальное мнение. По мнению доктора Рудольфа Трауб-Мерца, руководителя Фонда им. Фридриха Эберта в России, именно «сокращение неравенства становится инструментом политики экономического роста» (*Неравенство доходов...*, 2014. С. 14). Итак, имеются различные точки зрения на проблему соотношения социально-экономического неравенства и экономического роста.

Методологические проблемы советского периода

Проблемы неравенства были актуальными и в советский период. Однако в обществе, где господствовала официальная идеология всеобщего равенства и социальной однородности (на словах), писать о них осмеливались немногие. Тогда считали, что советское общество было справедливым, и советский официоз вообще стремился к равенству или, как тогда говорили, к «социальной однородности общества». Так, научный подход к реальным народнохозяйственным проблемам сталкивал советских исследователей с проблемой расхождения жизни и положениями официальной науки. Поэтому в основном в научных исследованиях проблемы неравенства старались не затрагивать, а говорили о социальной однородности общества. Так, например, М.Н. Руткевич в 1982 г. писал: «Возрастание социальной однородности общества означает его продвижение ко все более полному социальному равенству, поскольку происходит выравнивание социальных групп и входящих в них индивидов по их положению в системе общественных отношений» (Руткевич, 1982. С. 11–12). Такова была советская официальная идеологическая установка.

Писать о неоднородности, а тем более о неравенстве в то время осмеливались немногие. Среди них видное место занимает Я.А. Кронрод. Подробно его роль и место в политической экономии советского периода освещены в статье проф. М.И. Воейкова (см.: Воейков, 2012). Выдвинутое Я.А. Кронродом положение о социальной неоднородности труда и фактическом экономическом неравенстве как отличительных признаках социалистического способа производства, характерных чертах отношений общенародной собственности опровергало устои господствующей идеологической схемы (см. подробнее: Анисимова, 2013б).

Трактуя отношения собственности-распоряжения как исходные Я.А. Кронрод полагал, что здесь существует лишь формальное равенство участников производства в экономическом процессе, которое реализуется в фактическом экономическом неравенстве отношений распределения, являясь формой экономически неравного присвоения продуктов труда для различных групп трудящихся. Я.А. Кронрод писал: «всенародная собственность как основное производственное отношение социализма заключает в себе внутренние противоречия – противоречия между «формальным равенством» производителей в отношениях собственности как отношениях всенародного коллективного присвоения-распоряжения средствами производства – и фактическим неравенством в тех же отношениях собственности как отношениях присвоения – использования средств производства различными общественными группами трудящихся» (Кронрод, 1966. С. 306). Согласно этим выводам, экономическое неравенство в советском обществе вызвано не просто субъективными причинами, не есть пережиток капитализма, а обусловлено коренными, глубинными особенностями существующего общественного строя – отношениями социалистической собственности на средства производства.

Предложенный Кронродом методологический подход к определению содержания общенародной социалистической собственности обнажил проблему противоречивости и резкого расхождения реального экономического процесса и официальной советской политэкономии. С.А. Хавина весьма метко называет определение трактовки Кронродом отношений собственности как «научный прорыв». Она отмечает: «Выводы наличие фактического неравенства людей из коренных особенностей сложившегося

социально-экономического строя, Яков Абрамович серьезно продвинулся к пониманию природы данного строя, в котором народ фактически отторгнут от собственности, к пониманию «общественной собственности» как собственности, фактически отторгнутой от народа» (*Экономическая теория...*, 2012. С. 252).

Не случайно его позиция была очень жестко, если не сказать жестоко, раскритикована многими известными деятелями советской науки. С весьма резкой критикой Я.А. Кронрода тогда выступили многие. Так, А.И. Пашков писал, что «нельзя согласиться с утверждением автора, что при социализме экономическое равенство людей в присвоении средств производства как распоряжении ими есть всего лишь формальное равенство», что «фактическое экономическое равенство людей при социализме отрицается здесь прямо, а фактическое социальное неравенство разных групп трудящихся объясняется «спецификой» социалистической формы собственности» (*Пашков, 1971. С. 98–99*). Сегодня мы можем уверенно сказать, что Кронрод был прав, а вот Пашков – ошибался.

И.И. Кузьминов, критикуя позицию Я.А. Кронрода, указывал, что расщепление собственности на две части (собственность как присвоение–распоряжение и собственность как присвоение–использование) сделано специально для того, чтобы «обосновать надуманное ...внутреннее противоречие всенародной собственности между равенством производителей в отношениях собственности... и фактическим социальным неравенством в тех же отношениях собственности... В результате такой операции всенародная собственность на средства производства оказывается чреватой глубоким внутренним противоречием, которое, если бы это соответствовало действительности, не только не двигало, а, наоборот, тормозило бы развитие социалистической экономики» (*Кузьминов, 1971. С. 120*).

И наконец, Н.А. Цаголов писал: «Не случайно также Я.А. Кронрод, боровшийся за выделение отношений социалистической собственности на средства производства в отдельное, особое основное производственное отношение, должен был дать такую трактовку этого отношения, которая коренным образом отделяла его от отношений коммунистической собственности» (*Цаголов, 1983. С. 8*). В то время это были очень серьезные обвинения. Но сегодня мы можем сказать, что прорыв Кронрода приближает нас к пониманию реальностей советского общества, а Пашков, Кузьминов, Цаголов и другие сегодня очень устарели.

Кронрод доказывал, что фактическое неравенство в советском обществе есть объективная неизбежность, ибо на данной стадии индустриального развития существует неоднородность труда, которая и выступает объективной основой неравенства. «Члены общества не равны, – писал Кронрод, – они используют разные средства производства в разных условиях, затрачивая еще разные социально-экономические виды труда» (*Кронрод, 1987. С. 227*). А советские власти зачастую пытались делать наоборот. Они, руководствуясь советским официозом о социальной однородности общества, на практике проводили политику, близкую к уравниловке. Концепция же Кронрода, опубликованная в 1960-х гг., полностью противоречила официально проводимой политике и идеологии советского государства.

Стоит вспомнить, что со второй половины 1950-х гг. в соответствии с официальной идеологией преодоления классовых различий осуществлялось планомерное искусственное уменьшение дифференциации оплаты труда по трем основным направлениям:

- увеличение размеров минимальной заработной платы,
- сокращение разрывов в заработной плате низко- и среднеоплачиваемых по сравнению с высокооплачиваемыми группами рабочих и служащих,
- изменение в распределении численности рабочих и служащих по размерам заработной платы.

Зарплата ИТР стремительно сближалась с заработком рабочих. Как видно на рис. 1, если в 1940 г. средняя зарплата инженерно-технических работников (ИТР) была выше

заработка рабочего более чем на 100% (т. е. превышение составляло больше двух раз), то в середине 1980-х гг. – всего на 10,2%.

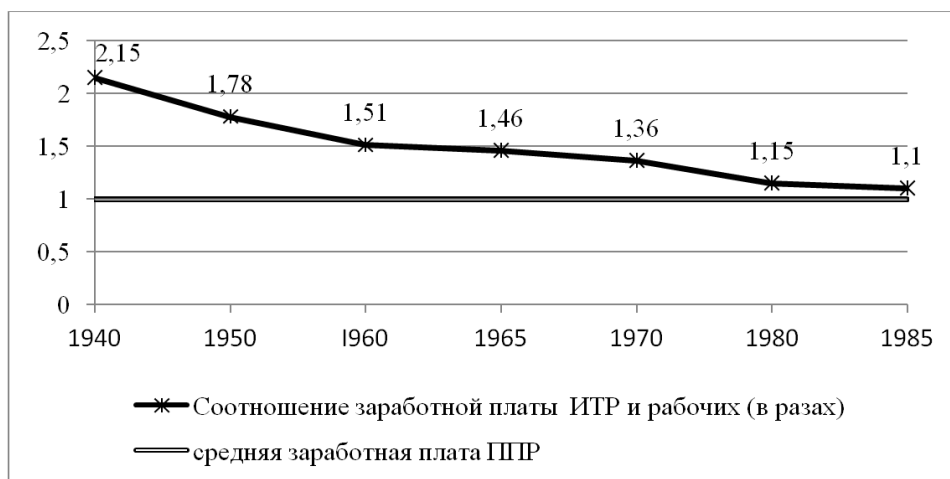

Рис. 1. Динамика соотношения заработной платы ИТР и рабочих в промышленности
Составлено по: (ЦСУ СССР, 1971. С. 519; 1986. С. 397).

Как считал Е.И. Капустин, в период 1956–1965 гг. в ходе проведения тарифной реформы в промышленности соотношение между ставками крайних разрядов сократилось почти в два раза. Уменьшились также различия между низшими и высшими должностными окладами ИТР и служащих (Капустин, 1974. С. 263). Таким образом, существенно сблизились размеры заработной платы работников разного уровня квалификации, разного качества труда. К концу 1980-х гг. практически исчезли различия в зарплате рабочих, инженерно-технических работников и служащих, социальное государство перерастало в уравнилельное.

Результаты исследований Я.А. Кронрода в области методологии политической экономики явились импульсом к существенному реформированию многих сложившихся представлений об экономической теории социализма. Не случайно Л.В. Никифоров отмечает: «раскрытие неравенства в отношениях собственности стало базой объяснения природы, наличия и воспроизводства противоречивости социальной структуры, реального неравенства людей по различным аспектам условий жизнедеятельности и жизнеобеспечения, социальной дифференцированности их интересов и потребностей, а соответственно и их относительной социально-экономической обособленности. То есть возникли основы анализа реально существовавших, а не формально декларируемых общественных отношений» (Экономическая теория..., 2012. С. 9–10). Ведь проблемы труда, равенства и неравенства характеризуют экономический строй общества, говорят о том, какое было общество. Из работ Кронрода вытекало, что то советское общество трудно было назвать социалистическим.

Работы Я.А. Кронрода даже спустя полвека созвучны современным проблемам и представляют большой научный интерес. В современном российском обществе весьма остро стоит проблема экономического неравенства, определения его оптимальных границ. Кронрод же еще в 1960-х гг. показал, что объективной основой неравенства для индустриального общества является неоднородность общественного труда, и нормальное неравенство должно соответствовать степени этой неоднородности.

Категория неравенства в значительной степени является ценностной категорией, тесно связанной с понятием справедливости. Господствующие в обществе представления о справедливости определяют уровень неравенства в распределении, кото-

рый признается обществом как норма. Поэтому формы и уровень неравенства оцениваются в обществе по критерию справедливости. Понятие о справедливости является основой устойчивого развития общества, так как непосредственно связано с массовыми настроениями, которые могут вылиться в дестабилизации и развал государства. Не случайно призыв к социальной справедливости и равенству является лозунгом многих революционных и политических движений.

Требование социального равенства зачастую отождествляется с требованием социальной справедливости, в результате чего распространено мнение о тождественности этих понятий. Хотя это не так, и видимо первым для советского периода на это обратил внимание А.П. Бутенко. В своих работах он обосновывал, что «при социализме социальная справедливость есть мера равенства, необходимая и достаточная для поддержания политической стабильности социалистического общества, сочетаемая с мерой неравенства, необходимой и достаточной для полной реализации принципа «от каждого по способности, каждому по труду» (*Бутенко и др., 1988. С. 81–52*). Согласно выводам А.П. Бутенко: социальная справедливость – ...такое сочетание равенства и неравенства, которое общественно допустимо и достаточно для осуществления общественного прогресса на соответствующем этапе человеческой истории (*Бутенко и др., 1988. С. 51–52*). По его мнению определение практической меры сочетания равенства и неравенства является одной из важных задач политической экономии. Следует иметь в виду, что это было сказано во время настойчивого насаждения советским официозом требования социальной однородности общества, что практически вело к уравниловке.

К чему приводит нарушение данного соотношения, хорошо видно на примере советской экономики. В результате искажения принципа социальной справедливости возникли серьезные деформации отношения к труду и снижение его производительности, что, по мнению ряда ученых, явилось одной из важнейших причин краха советской экономики. Как отмечал Бутенко: «Все это не могло не сказаться и сказалось отрицательно на развитии разных сфер общественной жизни, вело к опасному нарастанию кризисных явлений в экономике» (*Бутенко и др., 1988. С. 164*). Искусственно сформированная тенденция к уравниловке в оплате труда, по мнению Н.Е. Рабкиной, «взлелеянная экономистами» политика сокращения дифференциации заработной платы «под корень подрубила экономические стимулы». Она считает, что до конца 1960-х гг. экономика была еще «на краю воронки» и можно было еще вырваться из водоворота взаимодействующих частей разлаженного экономического механизма. «Но время было упущено и события вышли из-под контроля» (*Рабкина, 2000. С. 151*).

Неравенство, сбережения и инвестиции в современной России

В конце XX в., когда разрушалась советская система, многие граждане полагали, что приходит пора справедливости. Будущее постсоциалистическое общество виделось справедливым в противовес существовавшей уравнилительной системе. Однако, как показывает практика, прошедшие более двадцати лет преобразований не создали общество социальной справедливости. Негативным социально-экономическим результатом рыночных преобразований в постсоветской России стала непомерная и неизвестная нескольким поколениям граждан нашей страны поляризация доходов населения и, как следствие, резкая социальная поляризация общества. В настоящее время в России речь идет не столько о дифференциации доходов, сколько о переходе ее в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства (см. подробнее: *Анисимова, 2015*).

Динамика коэффициента фондов, который характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов первой (беднейшей) и пятой (наиболее богатой) квинтильными (20%-ными) группами населения свидетельствует об устойчивой тенденции роста дифференци-

ции доходов населения. За период 1992–2013 гг. значение коэффициента фондов выросло почти вдвое. Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2015 г. – уже в 16 (*Федеральная служба..., 2002. С. 130; 2015а. С. 109*).

В современной России чрезмерное неравенство населения по материальному уровню благосостояния является одной из главных социальных проблем. Так, академик РАН Л.И. Абалкин отмечал: «Разрыв в доходах между бедными и богатыми в России катастрофичен. Более того, пропасть между ними постоянно увеличивается. В 1998 г. соотношение было 1 к 13,8. В первом полугодии 2004 г. – уже 1 к 15. С точки зрения социальной безопасности разрыв должен быть не более чем 1 к 8. Иначе это чревато ростом напряженности в обществе и – что, пожалуй, самое важное – сокращением доверия к власти» (*Абалкин, 2005. С. 78*). Если взять советское далеко не свободное общество в экономическом смысле, то там было весьма незначительное социально-экономическое расслоение. Децильный коэффициент (который рассчитывался как коэффициент фондов в современной статистике) составлял 3–5 раз, что было равно или даже ниже, чем в скандинавских странах. С 1990-х гг. в России появились новые тренды. Четко выраженной тенденцией, сформировавшейся в постсоветский период, является устойчивая тенденция роста подоходной дифференциации населения.

Если рассматривать взаимосвязь экономического неравенства, инвестиций и сбережений, то, следуя логике либерального подхода, в России должен бы наблюдаться тренд их роста. Однако, как видно на рис. 2, устойчивая тенденция роста характерна только для коэффициента Джини. Рост концентрации доходов населения сопровождается снижением темпов роста вкладов населения и инвестиций. Особенно настораживает тенденция сокращения темпов роста инвестиций в машины и оборудование. Не случайно столь велика степень износа основных фондов (2005 г. – 45,3%, 2014 г. – 49,4%), которая неуклонно возрастает (*Федеральная служба..., 2015б. С. 68*).

Рис. 2. Динамика инвестиций, сбережений и неравенства
Составлено по: (*Федеральная служба..., 2015в; 2015г; 2016*)

Необоснованное неравенство уровней доходов населения в России является одним из важнейших факторов, сдерживающих экономический рост, который тесно связан с величиной потребительского спроса населения. При проведении экономических реформ в России не учитывается позитивный зарубежный опыт использования сбережений населения. Именно сбережения населения во многих индустриально развитых странах являются одним из основных источников финансирования долгосрочных инвестиций. В России лишь малая часть населения обладает круп-

ными неиспользуемыми сбережениями. Основная же его часть зачастую не только не имеет сбережений, но и вынуждена себе во многом отказывать. Таким образом, чрезмерное неравенство сдерживает расширение внутреннего рынка и возможности роста производства.

Экономический рост при нарастающем социально-экономическом неравенстве неспособен привести к качественным изменениям, принципиально не решая проблему бедности и повышения благосостояния всего общества. Большинство населения России получает слишком низкие доходы по сравнению с величиной прожиточного минимума, из-за чего человеческий и трудовой потенциал используется неэффективно.

Очевидно, что проблема неравенства давно уже вышла за рамки чисто экономического фактора и приобрела серьезный социально-политический аспект. Господствующие в обществе представления о справедливости определяют уровень неравенства в распределении доходов, который признается обществом как норма. Поэтому формы и уровень неравенства оцениваются в обществе по критерию справедливости. Отклонение от этой нормы оказывает негативное влияние на экономическое развитие.

Экономическое неравенство воспроизводится в правовом неравенстве, которое, в свою очередь, влияет на экономические и социальные отношения. Рост неравенства усиливает властные позиции немногих и создает барьеры для большинства, т.е. противоречит демократии и способствует развитию авторитарных тенденций. Как показывают международные исследования, существует связь между неравенством и коррупцией, аналогичные связи наблюдаются и между неравенством и преступностью. Коррупция гораздо выше в неравном обществе, чем при более равномерно распределенных ресурсах (см: *Glaeseret. al., 2003; You and Khagram, 2005*). Неравное распределение доходов и богатства создает возможность для лиц с высокими доходами вмешиваться в политические процессы и демократическое управление. В частности, значительная концентрация богатства и доходов предоставляет богатым людям ресурсы, достаточные для дачи взятки высокопоставленным чиновникам и политикам. Неравенство увеличивает вероятность воздействия богатых домохозяйств на распределение государственных денег, лоббирования своих интересов.

Исследования последствий воздействия неравенства на экономический рост выявили, что показатели «социального здоровья» хуже в странах, где больше неравенство в доходах. В этих странах значительно ниже государственные и индивидуальные расходы на образование, ниже его уровень, больше процент людей, получающих пособия или талоны на продукты и не имеющих медицинской страховки, выше процент безработных и заключенных (*Yates, 2003. P. 58–59*). Большая часть населения получает слишком низкие доходы по сравнению с величиной прожиточного минимума, из-за этого их человеческий и трудовой потенциал используется неэффективно. В долгосрочной перспективе снижение качества социального капитала ведет к деградации всей экономики, поскольку возрастает доля малообразованного населения, не способного ни производить, ни даже потреблять высокотехнологичные товары, что делает проблематичным инновационный путь развития экономики.

Рост ВВП сам по себе не решает ни одной из социальных задач. Гораздо существеннее, как распределяется национальное богатство, на кого оно работает, где оседает. Изменение сложившегося положения зависит от многих объективных и субъективных факторов, но главное, определяется политикой, проводимой властными структурами и бизнесом и, прежде всего, системой институтов, образованных для проведения этой политики. В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных доходных групп населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов.

Искусственность формирования в Америке в середине XX столетия «относительно справедливого» общества и естественный характер его разрушения в последние десятилетия убедительно доказал проф. П. Кругман. Его исследования показывают, что «...институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, а объективные рыночные факторы – гораздо меньше, чем в том нас пытаются уверить в базовом курсе экономики» (*Кругман, 2009. С. 14*). По его мнению ведущую роль здесь играли не перемены в экономике, а политическая воля правительства, осознавшего, что предотвращение социального взрыва возможно только при условии изменения налоговой и социальной политики. П. Кругман прямо указывает, что «Даже считая неравенство рыночных доходов естественным, следует стремиться снизить его за счет активизации и совершенствования государственного регулирования рынка» (*Кругман, 2009. С. 272*). Этой же позиции придерживается и Нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц, который пишет: «Рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, зачастую приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость» (*Стиглиц, 2015. С. 38*).

Среди первоочередных мер по регулированию уровня неравенства П. Кругман считает необходимым, во-первых, установить более высокое налогообложение состоятельных слоев общества и, во-вторых, повысить уровень минимальной оплаты труда (*Кругман, 2009. С. 274, 277, 279–282*). Значение налогов в решении проблемы неравенства отмечает и Т. Пикетти: «Идеальной мерой, которая дала бы возможность избежать бесконечной спирали неравенства и установить контроль над динамикой капитала, стал бы мировой прогрессивный налог на капитал» (*Пикетти, 2015. С. 469*).

Налогообложение, направленное на сокращение экономического неравенства между различными доходными группами населения, является наиболее важной частью механизма перераспределения доходов. Существующие же в России правовые и экономические механизмы в сфере регулирования доходов не только не решают задачу борьбы с неравенством и бедностью, а напротив, воспроизводят последние в расширенном масштабе. Демократические страны применяют прогрессивную школу налогообложения. Россия же с 2001 г. отказалась от такого подхода и практикует единую ставку подоходного налога (13%). Подобной практики в настоящее время придерживаются Румыния и Саудовская Аравия. Применение единого налога по сути представляет собой мультипликатор неравенства: доходы бедных уменьшаются, а доходы богатых увеличиваются.

Весьма актуальна для России и проблема повышения минимального размера оплаты труда, учитывая, что за 2013–2015 гг. по данным официальной статистики численность работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума увеличилась почти на 3% и составила более 8 млн человек. Однако правовая норма относительно установления минимальной заработной платы в Трудовом кодексе РФ до сих пор реально не увязана с прожиточным минимумом трудоспособного населения.

Государственное регулирование распределения доходов имеет объективные экономические и политические основания. При этом необходимо соблюдение баланса, так как опасны все крайности в распределении доходов. С одной стороны, чрезмерно низкий уровень неравенства в распределении доходов негативно сказывается на трудовой мотивации, ослабляет стимулы к активности наиболее предприимчивых и способных членов общества, тем самым подрывает потенциал экономического развития. И в этом случае либеральные экономисты правы: уравниловка тормозит экономическое развитие. С другой стороны, чрезмерно высокое неравенство затрудняет обеспечение равных возможностей всем членам общества, ведет к сокращению потребительского спроса и индивидуальных сбережений, обострению социальных проблем, а при определенных условиях может послужить источником социально-политической напряженности и нестабильности. И здесь либеральная концепция терпит полный крах: страны, где имеется высокая степень экономического неравенства – это страны

низкого уровня развития, отягощенные коррупцией, преступностью, высокой смертностью и социальной нестабильностью.

В этом отношении можно вспомнить позицию А. Маршалла. С одной стороны, писал он, – «равное распределение национального дохода» приведет лишь к разорению многих предпринимателей. К тому же в этом случае доходы народных масс «близко не поднимутся даже временно к уровню, предсказуемому социалистическими ожиданиями «золотого века». Однако, с другой стороны, нет никакой необходимости и потому морального оправдания для существования крайней нищеты бок о бок с огромным богатством. Неравномерность богатства... –серьезный дефект в нашем экономическом устройстве. Любое уменьшение его, достигнутое средствами, которые не подрывают мотивов свободной инициативы и силы характера, было бы, по-видимому, явным общественным достижением» (*Маршалл, 1993. С. 132–133*).

Для компенсации неравномерности распределения доходов необходимо проведение эффективной государственной социально-экономической политики. А эта политика будет эффективной только в том случае, если она способствует преодолению необоснованного неравенства, которое является избыточным с точки зрения общественных интересов. То есть оптимальная степень неравенства складывается под влиянием взаимодействия рыночных механизмов и социального регулирования государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин Л. (2005). Взгляд в завтрашний день. М.: ИЭ РАН.
- Анисимова Г.В. (2013а). Неравенство и экономический рост в глобализационной экономике // *Экономика и предпринимательство*, № 2 (31), с. 62–68.
- Анисимова Г.В. (2013б). Я.А. Кронрод о социально-экономической неоднородности советского общества // *Вестник Института экономики РАН*, № 5, с. 33–38.
- Анисимова Г.В. (2015). Политическая экономия неравенства: тренды // В кн.: Векторы смены экономического курса: материалы V Международной научной конференции «Абалкинские чтения». М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, с. 85–94.
- Бутенко А.П. и др. (1988). Социализм: социальная справедливость и равенство. М.: Наука.
- Воейков М.И. (2012). Я.А. Кронрод и дилеммы советской политэкономии (к 100-летию со дня рождения) // *Terra Economicus*, т. 10, № 2, с. 54–65.
- Воейков М.И., Анисимова Г.В. (2015а). Экономическое неравенство и экономический рост: проблемы измерения и регулирования // *Вестник РГНФ*, № 3, с. 89–100.
- Воейков М.И., Анисимова Г.В. (2015б). Тренды экономического роста и неравенства на постсоветском пространстве // *Общество и экономика*, № 3, с. 26–46.
- Дорлинг Д. (2014). Равенство. М.: Книжный Клуб Книговек.
- Капустин Е.И. (1974). Тарифная система и ее роль в организации и регулировании заработной платы // *Труд и заработная плата в СССР*. М.: Экономика.
- Кронрод А.Я. (1966). Законы политической экономии социализма. М.: Мысль.
- Кронрод Я.А. (1987). Производительные силы и общественная собственность. М.: Наука.
- Кругман П. (2009). Кредо либерала. М.: Европа.
- Кузьминов И.И. (1971). Очерки политической экономии социализма. М.: Мысль.
- Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки, т. III. М.: Прогресс.
- Мизес Л. (2000). Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика.
- Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса (2014) / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М.: Культурная революция.

Пашков А.О. (1971). О собственности на средства производства, классах, социальных группах и характере труда при социализме // *Вопросы экономики*, № 11, с. 93–109.

Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.

Рабкина Н.Е. (2000). Избранные труды по макроэкономике. М.: Эребус.

Руткевич М.Н. (1982). Становление социальной однородности. М.: Политиздат.

Стиглиц Дж. (2015). Цена неравенства. М.: Эксмо.

Федеральная служба государственной статистики (2002). Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России.

Федеральная служба государственной статистики (2015а). Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат.

Федеральная служба государственной статистики (2015б). Россия в цифрах. М.: Росстат.

Федеральная служба государственной статистики (2015в). Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#, дата обновления 11.03.2015).

Федеральная служба государственной статистики (2015г). Структура использования денежных доходов (динамика) (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#, дата обновления 18.12.2015).

Федеральная служба государственной статистики (2016). Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/, дата обновления 29.01.2016).

Цаголов Н.А. (1983). Вопросы теории производственных отношений социализма. Избранные произведения. М.: Изд-во Московского университета.

ЦСУ СССР (1971). Народное хозяйство СССР в 1970 году (Стат. ежегодник). М.: Статистика.

ЦСУ СССР (1986). Народное хозяйство СССР в 1985 году (Стат. ежегодник). М.: Финансы и статистика.

Шевяков А., Кирута А. (2002). Измерение экономического неравенства. М.: Лето.

Экономическая теория: феномен Я.А. Кронрода: к 100-летию со дня рождения (2012) / Сост. Т.Е. Кузнецова. СПб.: Нестор-История.

Adams R.H. (2003). Economic Growth, Inequality and Poverty: Finding from a New Data Set // Washington, DC: *The World Bank Policy Research Working Paper*, no. 2972.

Ahluwalia M. (1976). Inequality, poverty and development // *Journal of Development Economics*, vol.3 (4), pp. 307–342.

Bigsten A. and Levin J. (2001). Growth, Income Distribution, and Poverty: A Review. Helsinki: World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER).

Bohman J. (1996). Public Deliberation: Pluralism, Complexity and Democracy. Cambridge, Mass: MIT Press.

Deininger K. and Square L. (1996). A New Data Set Measuring Income Inequality // *The World Bank Economic Review*, vol. 10, no 3, pp. 565–591.

Glaeser E., Scheinkmann J. and Shleifer A. (2003). The Injustice of Inequality // *Journal of Monetary Economics*, vol. 50, no. 1. p. 199–222.

Kusnets S. (1966). Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven and London: Yale University Press.

Kuznets S. (1955). Economic growth and Income inequality // *The American Economic Review*, vol. XLV, no. 1, p. 1–28.

Kuznets S. (1953). Shares of Upper Income Groups in Income and Savings. N.Y.: National Bureau of Economic Research.

Milanovic B. (1994). Determinants of Cross-Country Income Inequality. An «Augmented» Kuznets Hypothesis // Washington, DC: The World Bank Policy Research Working Paper, no. 1246.

Williamson J.G. and Lindert P.H. (1980). American Inequality: A Macroeconomic History. New York: Academic Press.

Yates M. (2003). Naming the System: Inequality and Work in the Global Economy. New York: Monthly Review Press.

You J. and Khagram S. (2005). A comparative study of inequality and corruption // American Sociological Review, vol. 70, no. 1, p. 136–157.

REFERENCES

Abalkin L. (2005). A look into the future. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian.)

Anisimova G.V. (2013a). Inequality and economic growth in globalizing economy. Economics and Entrepreneurship, no. 2 (31), pp. 62–68. (In Russian.)

Anisimova G.V. (2013b). J.A. Kronrod on the socio-economic heterogeneity of advice-society. Bulletin of the Institute of Economics, no. 5, pp. 62–68. (In Russian.)

Anisimova G.V. (2015). The political economy of inequality: trends. Vectors of change of economic policy: reports of the V International Conference «Abalkin reading». Moscow: Plekhanov Russian University of Economics Publ., pp. 85–94. (In Russian.)

Butenko A.P. et al. (1988). Socialism: social justice and the equality. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Dorling D. (2014). Equality. Moscow: Knizhnyi klub Knigovek Publ. (In Russian.)

Economic theory: the phenomenon of J. A. Kronrod: to the 100 anniversary since the birth of (2012) / Ed. T.E. Kuznetsova. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian.)

Income Inequality and Economic Growth: an exit strategy from the crisis (2014) / Ed. A. Buzgalin, R. Traub-Merz, M. Voeikov. Moscow: Kulturnaya Revoliutsiya Publ. (In Russian.)

Kapustin E.I. (1974). The tariff system and its role in the organization and regulation of wages. Labour and wages in the USSR. Mysl Publ: Ekonomika Publ. (In Russian.)

Kronrod A.Y. (1966). The laws of political economy of socialism. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)

Kronrod J.A. (1987). The productive forces and social ownership. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Krugman P. (2009). Credo liberal. Moscow: Evropa Publ. (In Russian.)

Kuzminov I.I. (1971). Essays on the political economy of socialism. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)

Marshall A. (1993). Principles of an economic science, vol. III. Moscow: Progress Publ. (In Russian.)

Mises L. (2000). Human Action: A Treatise on economic theory. Moscow: Ekonomika Publ. (In Russian.)

Pashkov S.A. (1971). Personal ownership of the means of production, classes, social groups and the nature of labor under socialism. Voprosy ekonomiki, no. 11, pp. 93–109. (In Russian.)

Piketty T. (2015). Capital in the twenty-first century. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian.)

Rabkina N.E. (2000). Selected papers on macroeconomics. Moscow: Erebus Publ. (In Russian.)

Rutkiewicz M.N. (1982). Formation of social homogeneity. Moscow: Politizdat Publ. (In Russian.)

Shevyakov A. and Kiruta A. (2002). The measurement of economic inequality. Moscow: Leto Publ. (In Russian.)

- Stiglitz J. (2015). Price disparities. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian.)
- THE CSO OF THE USSR (1971). National economy of the USSR in 1970 (Stat. Yearbook). Moscow: Statistics. (In Russian.)
- THE CSO OF THE USSR (1986). National economy of the USSR in 1985 (Stat. Yearbook). Moscow: Finance and statistics. (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2002). Social status and standard of living of the Russian population. Moscow: State Statistics Committee of Russia. (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2015a). Social status and standard of living of the Russian population. Moscow: Rosstat. (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2015b). Russia in figures. Moscow: Rosstat. (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2015c). Dynamics of investments into fixed capital in the Russian Federation (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#, date of updating 11.03.2015). (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2015g). Structure of use of monetary incomes (dynamics) (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#, date of updating 18.12.2015). (In Russian.)
- The Federal State Statistics Service of the Russian Federation (2016). The distribution of total monetary income and the characteristics of differentiation of monetary incomes of the population (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#, date of updating 29.01.2016). (In Russian.)
- Tsagolov N.A. (1983). Theory of production relations of socialism. Selected works. M.: Publishing House of Moscow University. (In Russian.)
- Voeikov M.I. (2012). J.A. Kronrod and dilemmas of Soviet political economy (to the 100th anniversary). *Terra Economicus*, vol. 10, no. 2, pp. 54–65. (In Russian.)
- Voeikov M.I. and Anisimova G.V. (2015a). Economic inequality and economic growth: the problems of measurement and control. *The Bulletin of the Russian Fund for Humanities*, no. 3, pp. 89–100. (In Russian.)
- Voeikov M.I. and Anisimova G.V. (2015b). Trends of economic growth and inequality in the former Soviet territory. *Society and Economy*, no. 3, pp. 26–46. (In Russian.)
- Adams R.H. (2003). Economic Growth, Inequality and Poverty: Finding from a New Data Set. Washington, DC: *The World Bank Policy Research Working Paper*, no. 2972.
- Ahluwalia M. (1976). Inequality, poverty and development. *Journal of Development Economics*, vol. 3 (4), pp. 307–342.
- Bigsten A. and Levin J. (2001). Growth, Income Distribution, and Poverty: A Review. Helsinki: World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER).
- Bohman J. (1996). Public Deliberation: Pluralism, Complexity and Democracy. Cambridge, Mass: MIT Press.
- Deininger K. and Square L. (1996). A New Data Set Measuring Income Inequality. *The World Bank Economic Review*, vol. 10, no 3, pp. 565–591.
- Glaeser E., Scheinkmann J. and Shleifer A. (2003). The Injustice of Inequality. *Journal of Monetary Economics*, vol. 50, no. 1. p. 199–222.
- Kusnets S. (1966). Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven and London: Yale University Press.
- Kuznets S. (1955). Economic growth and Income inequality. *The American Economic Review*, vol. XLV, no. 1, p. 1–28.
- Kuznets S. (1953). Shares of Upper Income Groups in Income and Savings. New York: National Bureau of Economic Research.

Milanovic B. (1994). Determinants of Cross-Country Income Inequality. An «Augmented» Kuznets Hypothesis. Washington, DC: *The World Bank Policy Research Working Paper*, no. 1246.

Williamson J.G. and *Lindert P.H.* (1980). *American Inequality: A Macroeconomic History*. New York: Academic Press.

Yates M. (2003). *Naming the System: Inequality and Work in the Global Economy*. New York: Monthly Review Press.

You J. and *Khagram, S.* (2005). A comparative study of inequality and corruption. *American Sociological Review*, vol. 70, no. 1, p. 136–157.

«ЭФФЕКТ КОЛЕИ» В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Б.В. КОРНЕЙЧУК,

доктор экономических наук, профессор департамента экономики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербургский филиал), г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: bkorn59@mail.ru, bkorneychuk@hse.ru

ТERRA ECONOMICUS
✧ 2016 Том 14 № 1

Идея «колеи развития» (*Path Dependence*) играет заметную роль в российских экономических работах институционального направления и в качестве элемента массового сознания обретает также идеологический подтекст, символизируя традиционный глубокий раскол на западников и славянофилов (никонианцев и староверов и др.) в обществе и предопределенность хода истории по некоему «особому пути». Показано, что абсолютизации инерционного эффекта «колеи» в ущерб инновационным факторам имеет шесть основных причин: 1) традиции тоталитарного общества укрепили в сознании людей убеждение в неспособности отдельного человека влиять на ход истории; 2) укorenившаяся философия исторического материализма несовместима с трактовкой человека как самостоятельного фактора развития; 3) механистический характер теории «мейнстрима» нашел множество сторонников среди российских экономистов, поскольку он согласуется с логикой исторического материализма и его жесткой причинно-следственной связью между развитием техники и «настройкой»; 4) тезис о неискоренимой исторической ошибке часто используется для исторического обоснования детерминизма «колеи»; 5) консервативная волна в российской истории длится более пятнадцати лет и является в первую очередь реакцией общества на радикальные перемены 1990-х гг.; 6) творчество как общественное явление до сих пор не интегрировано в экономическую теорию в силу того, что не подлежит строгой формализации. Предложена концепция «эффекта новатора», которая противостоит детерминистской трактовке QWERTY-эффекта и отражает центральную роль творческого индивида в развитии институтов постиндустриального общества. Показано, что методологические принципы экономизма и формализма, характерные для многих работ в области «колеи развития», не позволяют исследовать инновационные факторы развития институтов. Эффект новатора определен как воздействие творческого человека на изменение институтов, основанное на осознании им личной моральной ответственности за развитие общества. Концепция «эффекта новатора» поможет восстановить баланс инерционных и инновационных факторов в теории развития, преодолеть доминирование консервативной трактовки идеи «колеи» и ее негативное влияние на экономическое развитие.

Ключевые слова: колея развития; QWERTY; инновации; постиндустриальное общество; институты; Россия; экономический детерминизм

PATH DEPENDENCE IN CONTEXT OF EVOLUTIONARY THEORY OF ECONOMIC CHANGE

BORIS V. KORNEYCHUK,

Doctor of Economics (DSc), Professor of Department of Economics
of the National Research University Higher School of Economics
(St. Petersburg branch), Saint Petersburg, Russia,
e-mail: bkorn59@mail.ru, bkorneychuk@hse.ru

The dominance of Path Dependency theory in Russian social science and publicist writings results in the underestimation of the innovative role of individual creativity and has a hampering effect on the development of society. The above-named theory is based on the QWERTY-effect of wrong technological choice – the idea which was extended by its creator Paul David to apply to the evolution of institutions. In Russia such an approach has been adopted by authors who consider the «Russian Path» as an indication of the unbridgeable civilizational schism between East and West and define the former as the domination of the state coupled with deprivation of individuals' rights. The «Path» theory is used by some politicians in order to provide a scientific rationale for the conservative ideology under which the notion of the «Russian Path» includes defensive mindset, territorial sacredness, religion as spiritualization of the state, the state as protector of the faith, a sense of a distinct way and a unique mission in the world, and cautious attitude towards West. The author proposes the concept of the «innovator effect» which reflects the fundamental role that creative personality has come to play in innovation-driven development of institutions in the post-industrial society. What is crucial here is the individual's moral responsibility for the destiny of the society. Thus, the «innovator effect» concept can help re-establish the balance between inertial and innovative factors of development; show the role of free human beings as a source of progress and decrease the level of civic apathy prevalent in the society.

Keywords: Path Dependence; QWERTY; innovation; post-industrial society; institutes; Russia; economic determinism

JEL classifications: A14, B25, B52, D64

Теория «колеи развития» и ее критика

Теория «колеи развития» (Path Dependence), обобщающая эффект неэффективного технологического выбора (QWERTY-эффект) на процесс развития институтов (David, 1985), к середине 1990-х гг. стала ключевой концепцией в научных спорах об эволюции институтов. Ее детерминизм был частично преодолен после появления теории «созидания колеи» (Path Creation) Р. Гаруда и П. Карне. В ней экономические субъекты рассматриваются не только как наблюдатели событий, но и как агенты, способные к познанию и рефлексивным действиям, нарушающим сложившиеся социальные нормы, и в результате их взаимодействий и коллективных усилий колея постоянно изменяется (Garud and Karnoe, 2001). Идею «созидания колеи» развили К. Крауч и Г. Фаррелл, которые в стремлении объединить экономический и социологический подходы для объяснения человеческого поведения исследовали процесс корректировки «колеи» акторами в результате их реакции на изменение внешних условий, но при этом, однако, не учитывали их реверсивное влияние на окружающую среду (Crouch and Farrell, 2004).

В последние годы тенденция преодоления детерминизма проявилась в работах, исследующих процессы создания «колеи» на уровне индивида: М. Руденбек описывает психологический и когнитивный аспекты деятельности индивида при создании «колеи», используя понятие «индивидуальная колея развития» (Roedenbeck, 2011). В подробном обзоре современного состояния теории «колеи» Л. Добуш и Д. Капеллер указывают на множество нерешенных проблем: отсутствие единой методологии, нечеткость эпистемологической природы и аксиоматической структуры, некорректное использование научного термина «колея развития» для метафорического описания влияния случайных событий на изменение институтов (Dobusch and Kapeller, 2013).

Современные трактовки «колеи развития» обычно основаны на двух методологических принципах «мейнстрима», которые не позволяют применять эти концепции в институциональных исследованиях. В-первых, следуя принципу *экономизма*, авторы сводят эффект колеи к оценке экономической эффективности, в то время как в институциональном аспекте интерес представляет изменение *общественных условий*, приводящих к эффективности, и, прежде всего, создание благоприятной среды для новаторства. Во-вторых, следуя принципу *формализма*, авторы стремятся описывать эволюцию институтов математическими средствами в виде эргодических и неэргодических процессов. Данный механистичный подход, который реализован в работе Лейбовица и Маргулиса (Liebowitz, 1995), не оставляет места для исследования роли новаторов в развитии институтов. Однако Т. Веблен определял эволюцию общества как процесс адаптации, происходящий «под давлением обстоятельств *в умах отдельных людей*» (курсив мой – Б.К.), уже больше не терпящих привычного образа мыслей» (Веблен, 2015. С. 203). В большей степени отвечает целям институциональных исследований подход В. Вольчика, который делает акцент на роли конкурентных начал общественного развития, отвергая возможность использования централизованного механизма принятия решений для исправления ошибки «колеи», и рассматривает человеческое поведение в контексте методологического субъективизма и неопределенности (Вольчик, 2003).

Детерминистская трактовка «колеи развития»

Теория «колеи» подвергается критике за схематизм и детерминизм. Д. Норт не допускает существования единой модели для объяснения технологических и институциональных изменений, подчеркивая роль идеологии. Детерминистский взгляд ошибочен, поскольку субъективные решения политиков оказывают на экономику критически важное влияние, а субъекты способны по-разному влиять на институциональные изменения из-за различия позиций (Норт, 1997. С. 133). Д. Ходжсон в стремлении избежать крайностей, – волюнтаристского индивидуализма и структурного детерминизма, – предлагает синтетический подход, учитывающий спонтанность личного фактора и социальную структуру: «Давать приоритет одному фактору над другим – чистый произвол; заявление “все сводится к индивидам,» столь же содержательно, как и “все социально или институционально,»» (Ходжсон, 2003. С. 109). Он утверждает, что действия людей могут носить рутинный характер, но в них также проявляются полет воображения и эксцентричность, недоступные рациональному предвидению, и именно поэтому будущее остается неопределенным.

Детерминистская трактовка теории «колеи» наиболее явно демонстрирует свою теоретическую слабость в контексте эволюционной теории экономических изменений. Поскольку эволюция есть непредсказуемый процесс движения ощупью с его многообразием форм и неопределенностью, он предполагает постоянное экспериментирование, а обратная связь от экспериментов и формирует вектор эволюции институтов. Поскольку новаторы, или носители «рутин поиска» все в большей степени определяют направление общественного развития, создается «основа для аргументов в пользу разнообразия и плюрализма» (Нельсон, Уинтер, 2002. С. 498). Процесс поис-

ка новых институциональных форм авторы считают аналогом мутации в биологической эволюционной теории, при этом субъектами общественных мутаций выступает творческая личность новатора.

Абсолютизация инерционного эффекта «колеи» в ущерб инновационным факторам имеет шесть основных причин:

1. *Традиции тоталитарного общества* укрепили в сознании людей убеждение в неспособности отдельного человека влиять на ход истории. По мнению Н. Кареева, оно нашло отражение в исторической философии Л. Толстого, который возводил рутину и стихийное течение истории в ранг закона, а человека рассматривал как исполнителя предписанных ему функций, или «ярлыка событий». Отсюда отрицательное отношение писателя к общественной деятельности (Кареев, 1914. С. 45).

2. *Философия исторического материализма* несовместима с трактовкой человека как самостоятельного фактора развития, человек здесь второстепенен и способен изменить лишь «индивидуальную физиономию», но не общее направление истории. По мнению Г. Плеханова, великий человек может стать таковым, если у него есть особенности, «делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особенных причин» (Плеханов, 2010. С. 365). Общественный лидер оказывается у него карьеристом, который правильно оценил вектор развития и сумел приспособиться к нему. Влияние марксизма проявляется в теории «постэкономического общества» В. Иноземцева, который доказывает родство исторического материализма и теории постиндустриального общества, характеризует их как адекватные и гуманистические концепции истории и находит значительное сходство между новым обществом и коммунизмом. Деятельность общественных организаций он трактует как реакцию на неудовлетворенность своей основной деятельностью работников нетворческого труда, а деятельность таких организаций, по его мнению, «играет далеко не первую роль в процессе становления новых видов человеческой активности» (Иноземцев, 1998. С. 285).

3. *Механистический характер теории «мейнстрима»* нашел множество сторонников среди российских экономистов, поскольку он вполне согласуется с укоренившейся логикой исторического материализма и его жесткой причинно-следственной связью между развитием техники и «надстройкой», и в итоге производственный детерминизм марксизма в ряде отечественных работ был подменен QWERTY-детерминизмом. Так, Р. Нуреев описывает будущее развитие страны в четко обозначенных, исторически предопределенных границах: «Нам надо найти свою – новую! – колею» (Нуреев, 2009. С. 13, 283).

4. Тезис о *неисправимой исторической ошибке* часто используется для исторического обоснования детерминизма «колеи». Многие авторы считают такой ошибкой выбор в XV в. второго варианта в дилемме «Русь Литовская – Русь Московская»: если первое направление обеспечивало становление свободы личности, то второе – неуклонное ее сужение. По мнению Ю. Афанасьева, с той поры, когда страна избрала путь построения православной империи, ее приоритетом стала территориальная экспансия, но не налаживание хозяйственной жизни. И такая его многовековая неизменность, ставшая «гнетущим национальным заданием», определила два базовых компонента русского своеобразия: господство государства и бесправие личности, а из их соединения образовалась «русская колея», она же – несвобода (Афанасьев, 2008). Данная трактовка используется рядом экономистов для обоснования тезиса о неизменности, предопределенности российской «колеи» (Аузан, 2014. С. 14).

5. *Консервативная волна* в российской истории длится более пятнадцати лет и является в первую очередь реакцией общества на радикальные перемены 1990-х гг. По мнению Л. Бызова, общество развивается по законам маятника, а поэтому на следующем этапе истории следует ожидать оживления процессов демократизации и включения граждан в политический процесс для инновационного преодоления «колеи» (Бызов, 2014).

6. *Творчество* как общественное явление до сих пор не интегрировано в экономическую теорию и интерпретируется по-разному. В рамках эволюционной теории условия общественных инноваций связываются напрямую с наличием «селекционной среды». Поскольку инновации создаются свободными творческими личностями, главным условием развития служит укрепление демократических институтов. Схожим образом Е. Ясин и М. Снеговая определяют модернизацию как преодоление «культурного барьера» посредством эволюционного подъема, основанного на энергии и предприимчивости возможно большего числа свободных граждан, побуждаемых развитием более продуктивных технологий и культуры (Ясин, 2009). Иного взгляда на роль творчества в развитии придерживается А. Аузан: трактуя российскую колею как опасную болезнь с призрачной надеждой на излечение, он предлагает в качестве лекарства некие «уравновешивающие ценности, которые помогут компенсировать нашу тотальную креативность» (Аузан, 2014. С. 139).

«Эффект новатора» и его теоретические основы

Мы определяем «эффект новатора» как активное воздействие уникальной личности общественного новатора, или носителя «рутин поиска» на изменение общественных институтов, основанное на осознанной им личной моральной ответственности за развитие общества. Эффект новатора служит определяющим фактором при кардинальном изменении или зарождении общественных институтов и ассоциируется в общественном сознании с конкретной исторической личностью. Так, создание института диссидентства связывают с именем академика А. Сахарова, личность которого служила неким идеальным образом и объектом подражания для первых гражданских активистов в Советском Союзе. Гражданское общество формируется в России в настоящее время, но есть признаки того, что создание этого института будет в исторической перспективе связано с именем Б. Немцова. Институты взаимодействия личности и государства в информационном обществе начали претерпевать существенные изменения в результате деятельности Д. Ассанжа. Соответственно, мы говорим об «эффекте Сахарова», «эффекте Немцова» и «эффекте Ассанжа».

Философские основы «эффекта новатора» созвучны гуманистической идее И. Канта о высшей ценности человеческой личности и теории «творческой эволюции» А. Бергсона, который противопоставляет два типа морали. Статическая мораль рутинна и продиктована безличными социальными приказами, а динамическая основана на нравственных призывах и является общественным прорывом, который совершают несколько выдающихся людей, «каждый из которых образует вид, состоящий из одного-единственного индивида» (Бергсон, 1994. С. 290). Взгляд на человека как творца истории развивался С. Булгаковым, который считал, что для истории не безразлично, «что за личность стоит на том или другом историческом повороте или перекрестке» (Булгаков, 2008. С. 130). Он считал ненаучным стремление марксистов упростить историческую задачу, исключив из нее личность как самостоятельный фактор развития общества и оставив только безличную социальную среду. Прогресс культуры требует определенных деятелей, которые являются инициаторами дальнейших движений, по отношению к каковым остальные играют роль подражателей. *Психологические основы* концепции отражены в работах Э. Фромма, в них противопоставлены две ориентации человека. Непогодотворная (рутинная) ориентация сопряжена с неспособностью безликого человека обогащать мир, а плодотворная (творческая) ориентация способна изменять институты, и именно поэтому исход исторических событий «не бывает автоматическим и предписанным» и «решение всегда остается за самим человеком» (Фромм, 2003. С. 349). *Социологические основы* заложены в ряде концепций постиндустриального общества. Как отмечает Э. Гидденс, поиск теоретических схем социальных трансформаций обречен, поскольку «человечество само творит свою „историю,»» (Гидденс, 2003. С. 25). Открытое общество К. Поппера восприимчиво к непредсказуемым

изменениям, в нем индивиды сами определяют ход истории. Он отвергает концепцию развития, основанную на институциональном выборе, поскольку этот механизм применим лишь для сдерживания перемен, а при зарождении новых социальных явлений он направлен на устранение инициативы и необычных качеств людей (Поппер, 1992). «Жидкий» модерн З. Баумана противостоит «твердому» модерну, в нем человек освобождается от унаследованной предопределенности социальной роли. Эпоха нового модерна стала эпохой творческого разрушения: «Мы путешествуем ныне без всякого представления о пункте назначения, на который можно было бы ориентироваться» (Бауман, 2002. С. 141).

Экономические основы эффекта новатора заложены в теории новатора Й. Шумпетера, его предприниматель способен противостоять рутинным элементам хозяйствования, «он – революционер в экономике и невольный зачинатель социальной и политической революции» (Шумпетер, 2007. С. 159). Однако Шумпетер не считал познание сущностным элементом предпринимательства. Этот недостаток теории преодолел Д. Сорос в своей теории рефлексивности, объединив предпринимательскую и познавательную функции. Отвергая механистический дух «мейнстрима», он считает социальные явления гораздо сложнее, чем естественные, поскольку в них вовлечены мнения участников. Социальное явление включает помимо фактов также намерения и ожидания, а поэтому не может быть предсказано. Сорос подразделяет исторические ситуации на предсказуемые (шумы) и непредсказуемые рефлексивные ситуации, которые и меняют ход истории: «значимые для истории процессы отличаются от повседневной жизни мерой присущей им рефлексивности» (Сорос, 2008. С. 52). Эволюционная теория позволяет исследовать рутинные и инновационные факторы развития как равноправные компоненты общественного развития.

Аналогом концепции «эффекта» новатора в работах последних лет служит теория «созидания колеи» Р. Гаруда и П. Карне, которая противостоит детерминизму «колеи развития» и учитывает влияние творчества на развитие общества, однако в ней речь идет не об индивидуальном, а коллективном воздействии (Garud and Karnoe, 2001). В отличие от «созидания колеи», введенный нами термин «эффект новатора» отражает влияние отдельной творческой личности, лидера общественного мнения на изменение институтов, он также включает этический компонент, который выражается в осознании индивидом личной моральной ответственности за развитие общества.

Ответственность и консерватизм как факторы развития

Новаторская позиция человека в отношении изменения общественных институтов приводит к его активным гражданским действиям лишь при наличии у него побудительных мотивов, которые имеют ценностную природу, а поэтому обычно не учитываются в экономических исследованиях.

Однако, на наш взгляд, этический компонент является необходимым условием эффекта новатора и выражается в форме личной исторической ответственности. Так, А. Бергсон подчеркивает, что для совершения институционального прорыва принципиально важно, чтобы люди, олицетворяющие новые нравственные идеалы, сами следовали им в своей повседневной и общественной жизни: «идеал не может становиться обязательным, если он не является уже действующим; и в таком случае обязывает не его идея, а его действие» (Бергсон, 2008. С. 293). Поппер связывает моральную ответственность человека с тем, что улучшение демократии есть задача личностей, а не институтов. Детерминизм «колеи» освобождает человека от этого груза, но как только он осознал голос личной ответственности, а вместе с ним и свою роль в прогрессе открытого общества, то уже не сможет вернуться к закрытому обществу, основанному на бессознательном подчинении «племенной магии» (Поппер, 1992). Бауман объясняет роль ответственности человека в новом обществе его задачей самоопределения, которая не может быть решена институтами, а только превращением его в гражданина (Бауман,

2002). А. Сен пришел к выводу, что отрицание общей ответственности означает непонимание сути общественной жизни и роли человечности как одного из значимых мотивов деятельности (Сен, 2004).

Тенденция к абсолютизации инерционного эффекта колеи в общественном сознании тесно связана с усилением идеологии консерватизма, сторонники которой гипертрофируют фактор коллективизма в ущерб новаторской роли отдельной личности. Как писал Т. Веблен, власть имущие всегда стремятся навязать мнение, что новаторство присуще низам, а «новатор является лицом, связывать себя с которым по крайней мере некрасиво и от социального контакта с которым нужно устраняться. Новаторство – дурной тон» (Веблен, 2015. С. 209). Так, Л. Радзиховский объясняет российскую колею неким «гравитационным притяжением», которое идет из глубины истории, а ее компонентами считает оборонное сознание, сакральность территории («русское пространство»), религию как одушевление государства, государство как охранитель веры, чувство особого пути и своей миссии в мире, настороженность к Западу (Радзиховский, 2014). В. Зорькин видит причину провала реформ последних двух веков в том, что они покушались на «отчетливый коллективизм, дополненный общинно-государственным патернализмом», как фундамент российской колеи развития. Крепостничество он считает «духовной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации», а сталинскую систему с его «жесткой моральной нормативностью» напрямую связывает с достижениями советской эпохи. Поскольку «отчетливый коллективизм» трактуется автором как важнейший фактор развития современной России, он заключает, что привнесенный реформами 1990-х гг. демократический стиль общественной жизни граждане «терпят как данность, но внутренне не воспринимают как справедливый и должный» (Зорькин, 2014). Нуреев и Латов предлагают «лозунги» модернизации в духе философии «особого пути»: «изменяться, не изменяя себе», «быть самобытной евразийской экономической державой» (Нуреев, Латов, 2009). Такие лозунги, по сути, отвергают исторический путь универсализации экономических и политических институтов, который прошли развитые общества.

Чрезмерный акцент на инерционные факторы в теории «колеи развития» придает термину «колея» негативный эмоциональный смысл, создавая образ страны, которую, говоря словами известной песни, «засосала опасная трясина», и поэтому она вынуждена в своем развитии «нажать на тормоза». Концепция эффекта новатора призвана восстановить баланс инерционных и инновационных факторов в теории развития, преодолеть элементы гражданской апатии в общественном сознании. В информационную эпоху, когда отдельная творческая личность способна оказывать быстрое и мощное воздействие на общественное мнение, эффект новатора становится определяющим фактором становления нового общества в России.

ЛИТЕРАТУРА

- Аузан А. (2014). Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фарбер.
- Афанасьев Ю.Н. (2008). Мы – не рабы? // *Новая газета*, № 47, 5 декабря.
- Бауман З. (2002). Индивидуализированное общество. М.: Логос.
- Бергсон А. (1994). Два источника морали и религии. СПб.: Канон.
- Булгаков С.Н. (2008). О социальном морализме (Т. Карлейль) / В кн.: Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во Олега Абышко.
- Бызов Л.Г. (2014). Новое консервативное большинство как социально-политический феномен // *Мир России*, № 4, с. 6–31.
- Веблен Т. (2015). Теория праздного класса. М.: Либроком.

- Вольчик В.В. (2003). Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития // *Terra Economicus*, т. 1, № 3, с. 36–42.
- Вольчик В.В., Зотова Т.А. (2010). Экономическое поведение в контексте эволюционных институтов // *Terra Economicus*, т. 8, № 4, с. 62–67.
- Гидденс Э. (2003). Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект.
- Зорькин В. (2014). Суд скорый, правый и равный для всех // *Российская газета*, № 6492, 26 сентября.
- Иноземцев В.Л. (1998). За пределами экономического общества. М.: Academia – Наука.
- Кареев Н.И. (1914). Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: Тип. М.М. Станюкевича.
- Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2009). Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: РГУ им. И. Канта.
- Плеханов Г.В. (2010). К вопросу о роли личности в истории / В кн.: Плеханов Г.В. Избранные труды. М.: РОССПЭН.
- Поппер К. (1992). Открытое общество и его враги. М.: Межд. фонд «Культурная инициатива».
- Радзиховский Л. (2014). Место в истории // *Российская газета*, № 6373, 7 мая.
- Сен А. (2004). Развитие как свобода. М.: Новое издательство.
- Сорос Дж. (2008). Новая парадигма финансовых рынков. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Фромм Э. (2003). Человек для себя. Минск: Харвест.
- Ходжсон Дж. (2003). Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело.
- Шумпетер Й.А. (2007). Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо.
- Ясин Е.Г., Снеговая М.В. (2009). Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ.
- Crouch C. and Farrell H. (2004). Breaking the Path of Institutional Development? Alternatives to the New Determinism // *Rationality and Society*, vol. 16, no. 1, pp. 5–43.
- David P.A. (1985). Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*, vol. 75, no. 2, pp. 332–337.
- Dobusch L. and Kapeller J. (2013). Breaking New Paths: Theory and Method of Path Dependence Research // *Schmalenbach Business Review*, vol. 65, no. 2, pp. 288–311.
- Garud R. and Karnoe P. (2001). Path Dependence as a Process of Mindful Deviation / In: Garud R. and Karnoe P. (eds.) Path Dependence and Creation. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 1–38.
- Liebowitz S.L. and Margolis S.E. (1995). Path Dependence, Lock-In, and History // *Journal of Law, Economics and Organization*, vol. 11, no. 1, pp. 205–226.
- Roedenbeck M. (2011). Individual Path Dependency and Social Inertia: Facing the Crudeness of Sociology // *Journal of Futures Studies*, vol. 15, no. 4, pp. 25–44.

REFERENCES

- Afanasyev Y. (2008). Are we Slavers? *Novaya gazeta*, no. 47, December 5.
- Auzan A. (2014). Economics of Everything. How Do Institutes Determine Our Life. Moscow: Mann, Ivanov i Farber Publ. (In Russian.)

- Bauman Z.* (2002). *The Individualized Society*. Moscow: Logos Publ. (In Russian.)
- Bergson H.* (1994). *The Two Sources of Morality and Religion*. St. Petersburg: Kanon Publ. (In Russian.)
- Bulgakov S.* (2008). On the Social Moralism (T. Carlyle) / In: *Bulgakov S.* *Two cities. Study of the Nature of Social Ideals*. St. Petersburg: Oleg Abyshko Press, pp. 71–94. (In Russian.)
- Byzov L.G.* (2014). New Conservative Majority as Socio-Political Phenomenon. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 6–31. (In Russian.)
- Fromm E.* (2003). *Man for Himself, An Inquiry into the Psychology of Ethics*. Minsk: Kharvest Publ. (In Russian.)
- Giddens A.* (2003). *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ. (In Russian.)
- Hodgson D.* (2003). *Economics and Institutions. A Manifesto for a Modern Institutional Economics*. Moscow: Delo Publ. (In Russian.)
- Inozemtsev V.* (1998). *The Constitution of Post-Economic State*. Moscow: Academia – Nauka Publ. (In Russian.)
- Kareev N.* (1914). *Essence of Historic Process and the Role of the Individual in History*. St. Petersburg: M. Stanyukevich Press. (In Russian.)
- Nelson R., Winter S.* (2002). *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Moscow: Delo Publ. (In Russian.)
- Nort D.* (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Nachala Publ. (In Russian.)
- Nureev R., Latov U.* (2009). *Russian and Europe: Path Dependency (Institutional Analysis of Economic Development History)*. Kaliningrad: Kant University Publ. (In Russian.)
- Plekhanov G.* (2010). On the Role of the Individual in History. In: *Selected Works*. Moscow: ROSSPEN Publ, pp. 330–367. (In Russian.)
- Popper K.* (1992). *The Open Society and Its Enemies*. Moscow: Kulturnaya Initsiativa Publ. (In Russian.)
- Radzikhovskiy L.* (2014). The Place in History. *Rossiyskaya gazeta*, no. 6373, May 7. (In Russian.)
- Schumpeter J.A.* (2007). *Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian.)
- Sen A.* (2004). *Development as Freedom*. Moscow: Novoye Izdatelstvo Publ. (In Russian.)
- Soros G.* (2008). *The New Paradigm for Financial Markets*. Moscow: Mann, Ivanov i Farber Publ. (In Russian.)
- Veblen T.* (2015). *The Theory of the Leisure Class*. Moscow: Librokom Publ. (In Russian.)
- Volchik V.V.* (2003). Economic Failure and Path Dependence. *Terra Economicus*, vol. 1, no. 3, pp. 36–42. (In Russian.)
- Volchik V.V. and Zotova T.A.* (2010). Economic Behaviour in Context of Evolutionary Institutes. *Terra Economicus*, vol. 8, no. 4, pp. 62–67. (In Russian.)
- Yasin E. and Snegovaya M.* (2009). *Tectonic Shifts in the World Economy: What Can Say Culture Factor*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)
- Zorkin V.* (2014). Trial – Fast, Fair and Equal for Everybody. *Rossiyskaya gazeta*, no. 6492, September 26. (In Russian.)
- Crouch C. and Farrell H.* (2004). Breaking the Path of Institutional Development? Alternatives to the New Determinism. *Rationality and Society*, vol. 16, no. 1, pp. 5–43.
- David P.A.* (1985). Clio and the Economics of QWERTY. *American Economic Review*, vol. 75, no. 2, pp. 332–337.
- Dobusch L. and Kapeller J.* (2013). Breaking New Paths: Theory and Method of Path Dependence Research. *Schmalenbach Business Review*, vol. 65, no. 2, pp. 288–311.

Garud R. and Karnoe P. (2001). Path Dependence as a Process of Mindful Deviation / In: Garud R. and Karnoe P. (eds.) Path Dependence and Creation. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 1–38.

Liebowitz S.L. and Margolis S.E. (1995). Path Dependence, Lock-In, and History. *Journal of Law, Economics and Organization*, vol. 11, no. 1, pp. 205–226.

Roedenbeck M. (2011). Individual Path Dependency and Social Inertia: Facing the Crudeness of Sociology. *Journal of Futures Studies*, vol. 15, no. 4, pp. 25–44.

JUSTICE AND ECOLOGY: FROM A PERSPECTIVE OF POLITICAL PHILOSOPHY¹

Xiaomeng ZHANG,

PhD, Renmin University of China,
Beijing, China

e-mail: xiaomeng@ruc.edu.cn; zxmtsinghua@163.com

TERRA ECONOMICUS ✧ 2016 Том 14 № 1

The paper analyzes the crucial issue of ecology from the perspective of political philosophy, indicating that the high speed of development of industrial civilization has accelerated the improvement of productivity on one hand, and reconstructed peoples' consumption demand and ability on the other hand. People immersed in their self-indulgence in the process of practices in changing nature, the activities of whom inevitably resulted in the alienation of human being and the over-exploitation of ecology. Ecological Marxism uses the theory of justice to explore the fundamental relation of capitalist system and ecological crisis, redefining the dual value dimensions of human and nature so as to construct a new framework of social justice. By analyzing ecological justice with the dimensions of technology, economy and politics, a conclusion has been reached on the necessary underlying correlation between the capitalist system and ecological crisis– the inherent and internal contradiction within capitalism would consequentially endanger the construction of the principles on ecological justice. Therefore, it is in urgent need to create a comprehensive new pattern of justice, requiring an overall consideration on ecological, economic and social justice to reform the existing political system and world order. Meanwhile, it is necessary to evoke the transformation of the values, so as to establish an ecological civilization in accordance with the principle of justice, as well as the harmonious coexistence between human and nature.

Keywords: justice; ecology; capitalism; Marxism; human and nature; reform

JEL classifications: Q5; B51; P16

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЭКОЛОГИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Сяомин ЧЖАН,

PhD, Китайский народный университет,
Пекин, Китай,

e-mail: xiaomeng@ruc.edu.cn; zxmtsinghua@163.com

¹ The paper is supported by the National Social Science Foundation of China (Grant No. 13CKS006) and RUC-UNIGE joint seed fund (the fundamental research funds for the central universities, and the research funds of Renmin University of China, Grant No. 16XNQ019).

В статье содержится анализ важнейшего вопроса – экологии – с точки зрения политической философии. Указывается на то, что стремительное развитие индустриальной цивилизации, с одной стороны, ускорило рост производительности, а, с другой стороны, изменило структуру потребительского спроса и возможностей потребления со стороны населения. Будучи поглощены стремлением удовлетворять свои желания, люди в своей практической деятельности оказывают воздействие на природу, что неизбежно ведет к отчуждению человека и чрезмерной эксплуатации экосреды. Экологический марксизм апеллирует к теории справедливости для исследования фундаментальной взаимосвязи между капиталистической системой и экологическим кризисом, переопределяя представление о взаимосвязи человека с природой, с тем чтобы заложить основы новой концепции социальной справедливости. Анализ экологической справедливости в координатах технологии, экономики и политики привел к выводу о неизбежности основополагающей взаимосвязи между капиталистической системой и экологическим кризисом – в связи с имманентно присущей капитализму внутренней противоречивостью, которая может поставить под угрозу построение принципов экологической справедливости. Таким образом, представляется необходимым формирование новой комплексной концепции справедливости, требующей всестороннего обсуждения в контексте экологической, экономической и социальной справедливости с целью реформирования существующей политической системы и мирового порядка. Не менее важным представляется также необходимость трансформации ценностей, которая может привести к образованию экологической цивилизации, построенной на принципах справедливости, а также гармоничного сосуществования человека и природы.

Ключевые слова: справедливость; экология; капитализм; марксизм; человек и природа; реформа

Nowadays, ecology is not only seen as an issue relating to nature and environment, but also seen as a subject of civilization, which is crucial to the long-term existence of human being and the conservation of civilization. The principle of justice of the relation of human and nature within it is, on a deeper level, closely related to justice of the system.

1. Justice of Ecological Philosophy

The innovation of high technology and the revolution of the mode of production have paved the way to the high efficiency of the modernization of the society, ever since the industrial revolution. While people are enjoying the sweet fruits of productivity, they have to endure the by-products of the civilization of industry, severe degradation of environment and climate crisis as typical examples.

The rapid industrialization process and the fierce business competition have eroded the attitude of human being towards itself and nature. People's transformation of nature is accompanied with massive inflation of their material demands. The self-inflation has forced them into a new status of isolation: anthropocentrism. People exaggerate self-value and the power of practice in error, and then exploit with reckless abandon the planet to meet their increasing needs. The unlimited desire of people has constantly challenged and exceeded the limit of nature's bearing capacity. Someday nature will terminate the resources supply and gradually becomes the killer of human beings. It never occurs to us that we have lost our way, diverging from the original intention of development as a harmonious status of human and nature, until the ecological degradation has set the

obstacles for the social development. In the course of unscrupulous transformation of the nature, the environment has been permanently damaged, meanwhile leading to the alienation of existence of human being.

A large number of well-known severe environmental pollution incidents have raised an alarm for the human being, prompting people to realize that the disaster of ecological environment has severely threatened the living of human. In the Los Angeles photo-chemical smog episode in the 1940s, more than 2500,000 cars have burned 700 tons of gasoline each day, venting approximately 1000 tons of hydrocarbons, 300 tons of Nitrogen Oxide and 700 tons of carbonic oxide. The chemical reaction induced by the emission resulted in the colored smog, which threatened the breathing of people and seriously affected the daily lives. In 1955, more than 400 old people over 65 have passed away due to respiratory failure. The loss caused by air pollution was as high as 1500 million US dollars from 1950 to 1951. The London smog incident caused even more serious crisis of public health, which was an unavoidable disaster in the process of industrialization. The infamous smog and severe pollution have led to the death of over 8000 in two months, with the peak of 4000 death in five days. Water, as another type of largest public goods, is facing a similar tragic situation. The Minamata disease events in 1953 in Japan has drew global attention, when the poisonous waste water was discharged by local industrial enterprises into the bay, and then virulent chemicals accumulated in the sea and sea creatures resulted in the spasm and insanity of people by the complicated biologic chain. The most ironic and thought-provoking consequence was that even the cat raised by human being jumped into the sea to commit suicide because of eating fish that contains toxic chemicals. The cases mentioned above was the Butterfly Effect in ecological environment, which alerts that the global biologic chains are closely binding together, hence form a community within which people share interests and responsibilities in common. Otherwise the self-alienated irresponsible actions would result in great catastrophes about the final destiny of human being.

The deep reflection of human beings on environmental crisis results in the birth of ecological philosophy. As the environmental problems became serious, people began to realize that it is the crisis not only of industry, but also of values and of the civilization of human beings. Therefore, from the sixties in the 20th century, the movement of climate politics emerged, concentrating on the environmental protection and the harmonious relations between human and nature. People established Green Party and other similar non-governmental organizations based on this idea and carried out a series of projects to protect eco-system. In the social field, the initiatives of the environment protection are well received by citizens, which have further reconstructed the structure of social governance. The appeals of the civil society have drawn more and more attentions from the government in their legal collective actions and arrived at consensus on environmental issues between them. In a survey by Peking University in China, the environmental protests of Qidong and other City is ranking in the first place among all the issues of civil society in 2012. Climate politics rings the alarm and pushes human beings to rethink about the lifestyles they are accustomed to. In a word, it is a brand-new way to save eco-system in the post-industrial era.

The diverse climate politics reflect the universal pursuit of justice, which also lead the way of ecological movement and public policies. People are stepping out of the idea of ego-centrism, and begin to think comprehensively about the justice of institutions, economy, society and eco-system. Every policy of environment protection presents justice, not only as an ethical support but also as a political issue, because the redistribution of resources behind the policy is always an important topic in politics.

2. The Diverse Dimensions of Ecological Justice

Today, people have arrived at the consensus that ecology, as the largest public goods, is the collective wealth and responsibility of human being. Ecological justice is closely

related to justice of institution, economy and society. Ulrich Beck, the German sociologist, has reflected on the civilization of modern industry in the book *Risk Society: Towards a New Modernity* and named the modern industrial societies are "towards the volcano of civilization". Beck (1992) describes the phenomenon as "the interior furnishings of the civilizational world":

The destruction of nature, integrated into the universal circulation of industrial production, ceases to be "mere" destruction of nature and becomes an integral component of the social, political and economic dynamic. The unseen side effect of the societalization [Vergesellschaftung] of nature is the *societalization of the destruction and threats to nature*, their transformation into economic, social and political contradictions and conflicts. Violations of the natural conditions of life turn into global social, economic and medical threats to people- with completely new sorts of challenges to the social and political institutions of highly industrialized global society (p. 80).

Human and the nature is closely related and integrated as a whole, so that any damage of a single link would severely endanger the cycle of the causal chain.

On the basis of the consensus reached by ecological justice, there are two important questions that face us: What exactly trample on the principle of ecological justice? Whether or not it can become the hope for the salvation of ecological justice by eliminating the source of damage?

Technical Dimension

The answer to the first question might be the technological rationality. Technical innovation has tremendously enhanced the productivity and economic benefits, but it also increased people's capability and desire of changing the world. Due to the development of social division as well as the formalization of organizations, technological rationality is permeating into human behaviors deeply. Technology and capital that are supposed to be major medium of social interactions have become the aim of social interactions instead. The technology created by human beings prevents our development conversely. Herbert Marcuse (1971. P. 4) uses an equation to define the law of capitalist progress: technical progress = growing social wealth (the rising GNP!) = extended servitude. Continuously expanding demands lead to self-alienation of human beings, who carry on endless consumption and destruction to the ecological environment in a way of mechanized practice.

Karl Marx (1980) has indicated that the victories of art seem bought by the loss of character. At the same pace that mankind masters nature, man seems to become enslaved to other men or to his own infancy. Even the pure light of science seems unable to shine but on the dark background of ignorance. All our invention and progress seem to result in endowing material forces with intellectual life, and in stultifying human life into a material force. This antagonism between modern industry and science on the one hand, modern misery and dissolution on the other hand; this antagonism between the productive powers and the social relations of our epoch is a fact, palpable, overwhelming, and not to be converted (pp. 655–656).

Worship of technology and efficiency in modern society has made people heavily dependent upon and enslaved to the technological world. Modern society integrates our daily life into modern production systems, along with injection of new values by the deconstruction and reorganization of technology. In order words, technology as a medium has merged culture, politics and economy together into an omnipresent system. Technological rationality turns out to be a new ideology that controls and dominates people, profoundly intervening and shaping our cultural life. The egomaniac built based on technology believes that technology development can efficiently ease the pressures on the ecological environment and eliminate all of existing negative effects on ecological environment imposed by industrialization process. Admittedly, technological development and advancement promoted by basic values indeed solve certain ecological problems to some extent

and avoid large-scale disasters. However, the ecological dilemma that deteriorates and expands gradually nowadays, as well as the negotiation challenges that United Nations and other agencies face on the issues of ecological environment and climate change, is presenting a fact that pure technical solution would never be the key to problems of ecological environment, and that ecological justice should be one aspect of a comprehensive justice.

Economic Dimension

Putting aside the causes of technological rationality, we now focus on the influence of the dual driving forces of economic rationality and political reason on the ecological environment. Only when considering the ecological issues combined with industrialization process and human civilization, one can get to the essence of the matter.

Marx's analysis (1996. P. 187) of the relation of human being and nature is enlightening. He presented in *Das Kapital* that Labor is, in the first place, a process in which both man and Nature participate, and in which man of his own accord starts, regulates, and controls the material re-actions between himself and Nature. Natural object is transformed by the production as a labor to an object that meets people's needs and has the use value. Human beings are connected with the nature through the media of labor, efficiently raising their own capability of commanding nature on one hand, and achieving self-fulfillment through the transformation of nature on the other hand. Nature and human beings associate through the labor as a practical activity, and develop harmonious relationship between them when the activity forms a virtuous cycle. However, the realistic situation is that human beings pursue with no limit the industrial modernization and profit expansion, grab the natural resource with absence of restraint, drain the land out of nutrition, and destroy the water quality. As a result, the pollution transferred back and forth between the nature and living community, when neither of which can afford the level of damage, the pollution begins to transfer worldwide during the process of globalization, thus causing catastrophic consequences.

Whether or not the situation can be limited and even reversed by human reason? However, the situation is exactly the inevitable consequence of human reason under capitalism.

In Marx's classic analysis of capitalist production and capital circulation, the occupation of the capitalists over labor and the pursuit for profit maximization are the roots of the unjust structure. In *Das Kapital*, Marx uses "the general formula of capital" (M-C-M') to analyze the entire logic of capitalism. Based on the general formula of capital, Capital (M) is used to purchase the labor force and the raw materials, then transformed by labor force to produce commodity (C), which is sold later in the market. In the latter process, the commodity capital is transformed into monetary capital (M'). According to the principle of exchange at equal value, value form could only be transformed between commodity and currency, but not arouse the change of value of commodities. While as we all know that the capitalist production indeed created the increment of value, which is known as $M' = M + \Delta m$ and Δg is called surplus value. The raising up of surplus value touched the ground of capitalist production: the aim of capitalist production is not to satisfy the demands of people, but to complete the transition to generate profits which is the essential motivation of the capitalists. That's the reason why Marx (1996) said

The leap taken by value from the body of commodity, into the body of the gold, is, as I have elsewhere called it, the salto mortale of the commodity. If it falls short, then, although the commodity itself is not harmed, its owner decidedly is (p. 116).

The increase in capital and the appearance of surplus value reflect the deep social relation concealed by the things such as currency and commodity. The nature of the process, moreover, means that there is no end to the incentive of seeking more money or surplus value (Marx, 1996. P. 157)

John Bellamy Foster profoundly pointed out that characteristic of monopoly capitalism in modern capitalism system is a further warping of this process through the displacement of natural-material use value by *specifically capitalist use value*—the only real “use” of which is to enhance exchange value for the capitalist. The logic gives birth to the logic of modern finance system that the capital appears to produce more capital, with even the fundamental production link no longer existed in many cases. The modern society built on the basis of capital accumulation is reconstructing the pyramids structure of society, and create in the new period a polarization between the rich and the poor. Capitalist logic leads to a paradox of modernization that ecological justice has profound contradiction with the current status of capitalist system.

Political Dimension

In capitalist countries, politicians make beautiful and empty promises to the voters, while high level of welfare and social wealth is necessarily required to maintain the stability of governance. Therefore, the capitalists have to constantly create the demand of consumption of labors to increase their capability and desire of purchase so as to meet their aims. On the other hand, the economic rationality has driven the capitalists to exploit labors with high-tech methods and injustice social structures, which has resulted in that workers may get more incomes while their living condition degrades. Hence, the contradictions between the capital demand of enormous profits and the creation of welfare for the legality of politics is intensified and irreconcilable. To appease the conflict as possible, the capitalists have to strengthen their exploitation of natural resources to seek for additional material wealth, which would definitely leads to environmental damage and ecological crisis. David Pepper (1993), the third generation of the representatives of Ecological Marxism said “Not only are crises such as inflation, depression, the imbalance between production and need, and environmental degradation needed by capitalism, they are also an inevitable outcome of the system (p. 82). “The issue of ecological crisis has sharply revealed that the so-called legality of Capitalism is established on the maximum of profits and damage of the ecological system. As James O’Connor (1997) criticized, if we have made rational and democratic ecological and economic regulations in the past two centuries, the Capitalism that we know may never exist.

Based on a political consideration, the chain of capitalist industrial production with the nature of profit pursuit entangles human beings and nature, and distorts the originally harmonious relationship between them. The resulting environmental destruction and ecological deterioration have direct impact on the daily life of local citizens. Therefore, in order to keep political correctness at elections and maintain a global appeal to the political system, transferring the environmental problems abroad has becomes the only way for capitalist countries developed to a certain stage.

Globalization is exacerbating the ecological crisis. Marx (1976) analyzes that “the bourgeoisie has through its exploitation of the world market given a cosmopolitan character to production and consumption in every country (p. 488). “It is the formation of world market and the close connection of global economy that break the unbalanced distribution of capital, source of raw materials and consumer markets. In the process of economic globalization, world factory has provided more and more possibilities of productive cooperation and labor relations, while diverse products and technological modes offer a great number of options and choices. Capitalism has redeployed the resources all over the world and transferred the industries with high level of energy consumption and pollution into the developing countries. Seemingly, it may ease the dissatisfaction of domestic citizens, but it is quite unjust globally. With the effect of price scissors, ecological crisis problems migrate on a large scale from developed countries, reassemble and burst out at developing countries, accompanied with accordingly increased global wealth disparities. In numerous environment and climate summits worldwide, developed countries always criticize devel-

oped countries for ruining the ecological environment, hardly imaging that they are the very ones to blame.

The situation is essentially the result rendered by both economy and politics. What is reasonable from a neoclassical perspective (*Lang and Mokrani, 2013*) – production that takes place where it is economically most efficient – has pushed many countries into the new/old strategy of resource extractivism. The choices of developing countries exactly illustrate a survival paradox of human beings: people suffering in poverty and deprivation are unable to obtain the resources from capital accumulation, thus the inevitable outcome under the relatively rigid international order would be that one must exchange own natural and labour resources for the wealth from developed countries at the top of pyramid, so as to get away from poverty and inequality. In the so-called “equal” and “development” process, developed countries are paying a heavy price, which harms people’s living circumstances and distorts the real essence of development. Howard Thomas Odum (1996) describes the dilemma as “an ecological exchange of inequality”. Trade between the global north and the global south thus took the form of “imperial capitalism”, in which rich nations gained at the expense of poor (p. 217).

3. Rescuing Ecological Justice

It is an inevitable trend that the capitalist economic and political structure drifts away from the harmonious co-existence between human and nature with a growing rift. Samir Amin (2013) proclaimed that the “capitalist economic rationality” has transformed into “social irrationality on the scale of the human race” and the earth as a whole (p. 55). There is an urgent need to make efforts to rescue the ecological justice.

First of all, ecological Marxism presents the comprehensive value of ecology and social justice. The realization of ecological justice is closely related to the justice of institution, economy or society, and is embodied in the justice of distribution of social resources, justice of economic development, and the justice of the relation between human being and nature. The development in harmony of the nature and society cannot be promoted in an appropriate way until the ecological justice is viewed in an overall consideration and then adopted in practice. James O’Connor (1997) said it is more and more clear that the justice of social economy and ecology are two sides of one historical process. If technological and economic rationality was maintained as the leading value, the ecological destruction would become even more serious and human beings would be alienated in the end in the process of transforming the outside world. On the contrary, if ecological justice was placed above all other types of justice, its legitimacy would be broken by practical ecological movements. Peter Wenz (1988) points out that the social justice and protection of environment should be paid attention to at the same time. Our natural environment is no longer suitable for living if it’s lack of environmental protection. Our society is becoming hostile if it’s lack of justice. Therefore, the emphasis of ecology shall not dominate or rise above the concerns of justice, while the pursuit of justice is definitely not neglect the impact on environment.

Second, new values and view of nature must be constructed. To some extent, the attitude of people to treat the environment reflected the process of civilization of the society. The extent to which people emphasize the ecological justice highly depends on the level of the understanding of justice, and on how people would apply justice to the areas outside the world of the subject of human being. Daniel Goleman (1994) concludes that the deep reason of environmental crisis is the so-called Anthropocentrism in the modern world, but the egocentrism and the world view of instrumentalism. The revolution of ecological philosophy has evoked the deep revolution and change of people’s value. The raising up of the philosophical concepts such as “animal rights theory”, “Biocentrism” and “Eco-centrism” urged people to emphasize the intrinsic value and rights of the natural resources, which presented that nature did not only have instrumental value for human

being, but also have its independent intrinsic value. Therefore, it is necessary for people to restrain their behaviours and attitudes towards the nature, while at the same time to take the moral responsibilities for the nature so as to realize the harmonious coexistence of human society and the biosphere.

Marx's arguments (1975) reflected a cultural attitude, Nature is man's *inorganic body* – nature, that is, in so far as it is not itself human body. Man *lives* on nature – means that nature is his *body*, with which he must remain in continuous interchange if he is not to die. That man's physical and spiritual life is linked to nature means simply that nature is linked to itself, for man is a part of nature (p. 276).

As a social existence, human being is first of all a natural existence, both of which are in harmonious unification. From the aspect of natural existence to understand the social existence would provide a perspective to comprehend the relation of human being and nature. The following text of Marx (1975) further increases the relation to a higher level of human civilization:

In this *natural* species-relationship man's relation to nature is immediately his relation to man, just as his relation to man is immediately his relation to nature – his own *natural* destination. In this relationship, therefore, is *sensuously manifested*, reduced to an observable *fact*, the extent to which the human essence has become nature to man, or to which nature to him has become the human essence of man. From this relationship one can therefore judge man's whole level of development (p. 296).

In *The Grundrisse*, Marx (1986) writes in a more systematic and mature way with the analysis of "three formations of society" (p. 95): In the first formation, "human productivity develops only to a limited extent and at isolated points"; In the second formation, "a system of general social exchange of matter, a system of universal relations, universal requirements and universal capacities, formed", whose character is that "personal independence based upon dependence mediated by things". Then in the third one, "Free individuality, based on the universal development of individuals and on their subordination of their communal, social productivity, which is their social wealth." It can be seen that the development of human society is premised on the basis of its dependence mediated by things, and improves itself and manifests its activeness through the transformation of nature by human beings. When the society is developed to the third form that our practical ability and the social productivity forces have reached an unprecedented level, it never means that the acknowledgement of the dependence mediated by things would be abandoned but rather that a new situation of harmonious co-existence between human and nature would be established with us deepening of understanding and advance in transformation capability. By then, human beings will bring the bearing capacity and sustainability of nature into their own development at the same time of meeting their own demands and achieving full development, that is, human needs coincide with nature needs.

Third, the environmental movement stimulates social changes. Environmental activism that accords with the principle of ecological justice emerges with an aggressive stance, dramatically shaking and collapsing the value criterions that have been internalized in our ideas for long, and it challenges people's postmodernism style of resting on the things as they are and enjoying the pleasure and satisfaction. Throughout this development process, ecological philosophy is always the precursor in thinking. For example, ecological Marxism maintains the use of historical materialism as the tool for the analysis and criticism on the capitalist system, and suggests saving the ecological crisis in a tight corner by energizing radical ecological movements, which plays an essential role in helping people to see through the appearance of ecological problems to the essence of capitalist system. Although we could not conclude the movement in China was inspired by Ecological Marxism, the thoughts of the value originated from the theoretical development are essential. The mass protest in 2012 in Qidong and Shifang in China successfully impacted and

changed the policy making of local government on the environmental issue, marking a milestone event in the development process of civil society in China.

Meanwhile, the rise of ecological movement comes down in one continuous line with the anti-globalism. Globalization on one hand propels the developed countries to be the biggest beneficiaries, and on the other hand results in a series of global justice issues such as environment contamination and wealth polarization in a great many developed countries that are passively involved in. Unrestricted free trades and investments cause the spread of pollution throughout the world, which intensifies the exhaustion and degeneration of resources, and threatens the sustainable development of globalization. Thus, anti-globalism is closely associated with the booming globalization.

Conclusion

Ecological environment is the largest public goods in the world. Human beings share the ecological resources, are unable to specifically define the responsibility boundaries on ecological issues, which is the centralized reflection of integrity of human rights and responsibilities. Ecological issues require all countries' cooperation with a common effort, otherwise it will be the weakness of development of global society and economy, and will eventually cause permanent damage to the human society. This is an overall matter of ecology, justice and modernization, with complicated and deep connections and conflicts among them, thus it is also a far-reaching comprehensive historical transformation. John Bellamy Foster (2013) has indicated that "an urgent necessity for the world today is therefore to develop an understanding of the interconnections between the deepening impasse of the capitalist economy and the rapidly accelerating ecological threat-itself a by-product of capital development."

Ecological issue requires a principle of justice, which prompts us to carry out global construction reform, the spirit of which substantially lead to the essence of Marx. As it is raised up in the Rio +20 Conference, if we could not embrace ecology with the social economy, global order and economic structure, if we could not complete the revolution of values and ideas, the ecological development and economic structure will have everlasting conflicts and the Green Economy will be a realistic Utopia. Therefore, the realization of reform would be the way out of the dilemma.

The United Nations Environment Programme (UNEP) issued a comprehensive report (2011) in which it shows that the green economy is aided by "widespread disillusionment with our prevailing economic paradigm, a sense of fatigue emanating from the many concurrent crises and market failures experienced during the very first decade of the new millennium, including especially the financial and economic crisis of 2008".

But at the same time, we have seen increasing evidence of a way forward, a new economic paradigm – one in which material wealth is not delivered perforce at the expense of growing environmental risks, ecological scarcities and social disparities." This prompted us to be full of hope for the undergoing and long lasting economic transformation and reform.

Being hopeful while bristled with difficulties, we are seemingly full of confidence but hesitating to move forward sometimes. The path to the future is extremely clear once people are willing to change. Foster (2002) has indicated a possible direction: our most serious environmental problems can be overcome without abandoning the prospect of human progress-but only if we are willing to carry out fundamental social change, in such a way as to make a more sustainable relation to the environment possible (p. 7).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Marx K. and Engels F.* (1975). Collected Works, vol. 3. Moscow: Progress Publishers. (In Russian.)
- Marx K. and Engels F.* (1976). Collected Works, vol. 6. Moscow: Progress Publishers. (In Russian.)

- Marx K. and Engels F.* (1980). *Collected Works*, vol. 14. Moscow: Progress Publishers. (In Russian.)
- Marx K. and Engels F.* (1986). *Collected Works*, vol.28. New York: International Publishers. (In Russian.)
- Amin S.* (2013). *Three essays on Marx's Value Theory*. New York: Monthly Review Press.
- Beck U.* (1992). *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: SAGE.
- Coleman D.* (1994). *Ecopolitic: Building a Green Society*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Foster J.B.* (2000). *Marx's Ecology: Materialism and Nature*. New York: Monthly Review Press.
- Foster J.B.* (2002). *Ecology against Capital*. New York: Monthly Review Press.
- Foster J.B.* (2013). *The Epochal Crisis*. *Monthly Review*, 65 (5), 1–12.
- Gorz A.* (2011). *Critique of Economic Reason*. London: Verso.
- Gorz A.* (2013). *Capitalism, Socialism, Ecology*. London: Verso.
- Grundmann R.* (2001). *Transnational Environmental Policy: Reconstructing Ozone*. New York: Routledge Press.
- Lang M. and Mokrani D.* (2013). *Beyond Development. Alternative visions from Latin America* (http://rosalux-europa.info/userfiles/file/Beyond_Development_RLS_TNI_2013.pdf)
- Marcuse H.* (1971). *Counter revolutionary and Revolt*. Boston: Beacon.
- Marx K. and Engels F.* (1996). *Collected Works*, vol. 35. New York: International Publishers.
- O'Connor J.* (1997). *Natural Causes: Essays in Ecological Marxism*. London: The Guilford Press.
- Odum H.T.* (1996). *Environmental Accounting*. New York: John Wiley and Sons.
- Pepper D.* (1993). *Eco-Socialism: From Deep Ecology to Social Justice*. London: Routledge.
- UNEP* (2011). *Green Economy Initiative* (<http://www.unep.org/greeneconomy/>)
- Wenz P.S.* (1988). *Environmental Justice*. New York: SUNY.

METHODOLOGICAL INSTITUTIONALISM AS A NEW PRINCIPLE OF COMPLEX SOCIAL SYSTEMS' ANALYSIS AT MESO-LEVEL^{1, 2}

Svetlana G. KIRDINA,

Doctor of Sociology, Head of Sub-Division
for Evolution of Social and Economic Systems, Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences – RAS, Moscow, Russia,
e-mail: kirdina@bk.ru

TERRA ECONOMICUS ✧ 2016 Том 14 № 1

This inquiry emphasizes the importance of the meso-level of complex social systems analysis. It is known that most frequently two levels of analysis are presented in economics and social science – micro- and macro-. Micro-level requires consideration of the behaviour of individual actors, such as homo economicus, firms, households and others. At the macro-level societies and economies are presented as holistic social systems with their inherent laws of development. For the micro-level of social complex systems analysis the principle of methodological individualism is particularly relevant, whereas the holism principle is significant for the macro-level. Discussion around these two basic principles has been one of the crucial points in sociology and economics for many years.

However, the development of the institutional approach in economics and sociology, especially in the last decade, focuses the attention of researchers more and more on the examination of the meso-level of complex social systems. We understand the meso-level to be a space of rules, regulations, agreements, etc. – in other words, institutions in the broad sense of the term. On the one hand, these institutions are created as a result of joint activity of micro-level actors. On the other hand, institutions serve as frameworks for their performance. Further, institutions are the mechanisms which generate macrostructures with their own characteristics. An overview of current Russian and foreign publications, in the field of neo-institutional economics and neo-institutional sociology, shows that the meso-level of complex social systems requires a new analytical principle, namely, the principle of methodological institutionalism. The essence of methodological institutionalism is to analyze and explain social phenomena in terms of operations and changes in institutional structures that form the meso-level of complex social systems. Thus, to a set of traditional analytical principles such as methodological individualism and holism, it is proposed to add a new principle of methodological institutionalism.

Keywords: meso-level social analysis; methodological individualism; methodological institutionalism; holism; complex systems' analysis

JEL classifications: B4, B52

¹ This research was supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 14-02-00422.

² My grateful thanks to Colin Chandler for his help with the English translation of the paper.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: НОВАЯ ПРЕДПОСЫЛКА АНАЛИЗА СЛОЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ НА МЕЗОУРОВНЕ

С.Г. КИРДИНА,

доктор социологических наук,
завсектором эволюции социально-экономических систем,
Институт экономики Российской академии наук,
г. Москва, Россия,
e-mail: kirdina@bk.ru

В статье обсуждаются методологические вопросы анализа сложных социальных систем на мезоуровне. Известно, что наиболее часто выделяются два уровня анализа – микро- и макро. Микроуровень предполагает рассмотрение поведения индивидуальных субъектов, таких как homo oeconomicus, фирмы, домохозяйства и др. На макроуровне общества или экономики представлены как целостные социальные системы с присущими им закономерностями развития. В статье доказывается, что для микроуровня анализа сложных социальных систем адекватным является принцип методологического индивидуализма. Соответственно, для анализа на макроуровне целесообразна опора на методологический принцип холизма. Дискуссия по поводу этих двух основных принципов является одним из центральных моментов методологических дебатов в социологии и экономике уже многие годы.

Однако развитие институциональных подходов в экономике и социологии, особенно в последнее десятилетие, все более фокусирует внимание исследователей на рассмотрении мезо-уровня сложных социальных систем. Под мезоуровнем понимается пространство правил, норм, соглашений и т.п., другими словами – институтов в широком значении этого термина. С одной стороны, институты создаются в результате совместной деятельности субъектов микроуровня. С другой стороны, они выступают в качестве ограничений их деятельности. В-третьих, институты представляют собой механизмы, действие которых порождает макроструктуры с собственными свойствами, несводимыми к свойствам образующих их элементов. Как показывает приведенный в статье обзор актуальных зарубежных и российских публикаций в сфере неoinституциональной экономики и неoinституциональной социологии, мезоуровень анализа сложных социальных систем требует выделения адекватного этому уровню нового аналитического принципа, а именно – принципа методологического институционализма. Суть методологического институционализма состоит в исследовании и объяснении общественных явлений в терминах функционирования и изменения институциональных образований, формирующих мезоуровень сложных социальных систем. Таким образом, набор традиционных аналитических принципов, таких как методологический индивидуализм и холизм, предлагается дополнить необходимым принципом методологического институционализма.

Ключевые слова: мезоуровень социального анализа; методологический индивидуализм; методологический институционализм; холизм; анализ сложных систем

Introduction

In economics, as well as in sociology, methodological debates are frequently topics of discussion. Specific attention focuses on clarifying analytical schemes and main epistemological principles. For the majority of economists, as is often mentioned, it is connected with "their views on causality and their predilection for methodological and theoretical precision over a search for real-world accuracy" (*Fourcade et al., 2014. P. 5*). So adequacy of the methodological presuppositions is assumed as most significant for the understanding of economic processes. It "permits economists to strip away complexity. Complexity may add to the richness of description, but it also prevents the analyst from seeing what is essential" (*Lazear, 2000. P. 100*).

Methodology is also being discussed by international and national sociological communities, including that of Russia (*Podvoisky, 2011; Toshchenko, 2009, 2013, etc.*). Among the major methodological issues is the development of a conceptual apparatus for sociology to reflect the research paradigms which are used and the reliance on certain basic postulates or methodological principles.

This area is seen to have accumulated certain problems requiring a solution. As early as in 2009, Russian sociologist Jan Toshchenko wrote: "The issue of a conceptual apparatus in the national sociology has not been discussed for a long time. It has been spoken of as something taken for granted" (*Toshchenko, 2009. P. 7*). A certain chaotic tendency in sociological terminology is also noted. "The language of sociology is not strictly and systematically inventoried. Its conceptual apparatus does not look like a tool bag, where all objects are kept clean and tidy, laid out across the cells, and are used strictly for their intended purposes, etc.", Denis Podvoisky states (*Podvoisky, 2011. P. 5*).

The weakness of the methodological tools is rightly attributed to the side effects of the national sociology. The vulnerability of its methodologies is that they do not allow the gap to be bridged between theoretical and conceptual innovations and empirical research. "A careless attitude to the original methodological wordings, and an omnivorous and eclectic use of different approaches, results in the creation of inedible "salads" which contributes to the profanation of the science, gives nothing to the practice, and generally discredits sociology" (*Toshchenko, 2013. P. 10*). On top of that, for research in social science, the relevance and quality of insights is often defined not only by the methodological elaboration level of the concepts raised, but by external factors, including the hierarchical structure of the science (*Orekhovsky, 2015. P. 21*).

Insufficient elaboration of methodological statements is also being discussed by the "neighbours" of sociologists – economists – who believe it has been the reason for the lack of an "explanatory aspect" and unviable practical recommendations for economic theory for decades (*Blaug, 1997; see also Davar, 2015; Mirowski, 2013*). Proponents of different economic approaches "have so far failed to provide a valid explanation of what (if anything) distinguishes their approach, in terms of assumptions, theories or methods..., to provide a clear and convincing picture of its own conceptual and theoretical boundaries" (*Hodgson, 2014. P. 605*). Therefore, economists write that a "global methodological cleansing" (*Balatsky, 2012. P. 148*) and the improvement of methodology, in line with the challenges of a multidimensional and interdependent world, is required.

The consistency of theoretical and methodological problems faced by economics and sociology, the genetic commonality³ and interdependency of the domains of these sciences, suggests that traditional boundaries between social disciplines increasingly blur as they share common study subjects and empirical bases, often using identical analytical apparatus. Therefore, "the conditions for the formation of common *social analysis* as the science of the operation and development of public institutions and the behaviour of the human groups that exist within these institutions have been created" (*Polterovich, 2011*).

³ The same scientists – from Aristotle to Karl Marx and Thorstein Veblen – often acted as the forerunners and the classic bases of economics and social science.

P. 101). In my opinion, this commonality is best characterized by the economic and sociological research which is based on the institutional approach. This paper summarizes the methodological studies both in the area of (neo) institutional sociology and (neo) institutional economics which can be considered as sections of social analysis.

1. Levels and methodological principles of social analysis

Applying micro-, meso- and macro-levels of analysis in the social sciences is a generally accepted method. Traditionally, the levels are divided by the scale principle. The micro-level involves a consideration of individual subjects such as individuals, households, companies, firms, etc. The macro-level is on a large scale and is usually represented by the nation, society as a whole, the economy in a national or global context, etc.

Using this approach, sociologists treat the meso-level as an intermediate group level, which links the clans, populations of settlements from a village or city to the state, region, republic, etc. In economics, the meso-level is usually understood as the part of the economy controlled by large corporations. However, since the 1990s the term has been used more broadly to indicate the analysis level between the economy of the country as a whole and the level of individuals, companies and households – this includes industries or regional economic complexes.

It is common that usually only the micro- and macro- levels are traditionally considered in social and economic analyses. Even the courses and textbooks on Economics are traditionally divided into “Macroeconomics” and “Microeconomics” and do not consider the meso-level.

The nature of basic methodological discussions also provides evidence of the dominant division into micro- and macro- levels (without consideration of the meso-level). For many years, such discussions have focused on examining the principles that are most relevant to these two levels i.e. methodological individualism and methodological holism, or reductionism and holism, or individualism and structuralism, respectively⁴.

The principle of methodological individualism in sociology and economics most appropriate for analyzing micro-level problems was developed by German sociologist Max Weber and introduced to economics by his follower Joseph Alois Schumpeter. It was Schumpeter who used this term “methodological individualism” in 1908 (*Schumpeter, 1980 [1908]; see also Udehn, 2001. P. 214*), referring to his teacher’s works.

Methodological individualism is associated with the epistemological prerequisite for reductionism. It contends that social reality is described and analyzed through the reduction of all its complexities to the level of individual behaviour analysis. As Schumpeter wrote, “we have to start from the individual. ... the same reasoning cannot be applied directly to society” (*Schumpeter, 1909. Pp. 215, 231*). This principle is used “for the special purposes of a particular set of investigations ... to start from the given behaviour of individuals without going into the factors that formed this behaviour ... In this case we speak of Methodological Individualism” (*Schumpeter, 1986. P. 889*).

The importance of the principle of methodological individualism has been pointed out by many well-known figures like Max Weber, John Watkins (*Watkins, 1952*), Karl Popper (*Popper, 1957*), Geoffrey Hodgson (*2007*), etc. Methodological individualism characterizes “the theoretical positions based on the fact that adequate sociological assessments necessarily imply an appeal to the people, the interpretation of their obligations and the causes and reasons for actions taken” (*Big Explanatory Dictionary of Sociology, 1999. P. 416*).

Alongside Weber, the other founder of sociology, the French philosopher Emile Durkheim, wrote as early as in the late XIX century that society is a reality *sui generis* (“as it is”), which is not derived from the properties of actors acting in the society (*Durkheim,*

⁴ As Wayne D. Parker notes, there are important metatheoretical connections between methodological individualism and the concepts of atomism, reductionism and formism, just as there are connections between methodological holism and the concepts of organicism and structuralism (*Parker, 2006. P. 2*).

[1895] 1938). So he was the first to formulate the theoretical assumption of “methodological collectivism” or “holism” in sociology.

In economics the term *holism* was introduced by representatives of institutional economic theory, more precisely, the American traditional, or original institutionalism. Allen Gruchy (*Gruchy, 1947*) became a pioneer in the use of the term *holism*.

For many years there has been an ongoing debate between representatives of the holistic approach with the requirement to “consider social phenomena as a phenomenon of social integrity without reducing it to individual actions” and supporters of methodological individualism “with an accent on explanation solely through the actions of individuals” (*Rubinstein, 2008. P. 16*), as well as disputes as to which of the methodological guidelines is more relevant.

Efforts once again are under way to overcome the dominant “micro-macro” dichotomies through the construction of “synthetic”, “integrative” and other approaches which, in my opinion, have still not reached their set goals (see *Kirdina, 2013; 2015*). For example, as argued by Margaret Archer from the United Kingdom, in sociology “no one has yet been able to pass between the Scylla and Charybdis of individualism and holism” (*Archer, 1995. P. 5*)⁵. It is associated with micro- and macro-level distinction of a kind which is not unique to social phenomena. Methodologists of not only the social, but also the natural sciences, state that the theories of macro- and micro-levels are often incompatible with each other because they are based on different assumptions or methodological principles (*Hawking, 1996*).

Also note that the issues of “transition” from micro- to macro-level of analysis have been poorly addressed so far. The mechanical aggregation (additive approach), or attribution of individual subject characteristics to a macro-subject which involves identification of collective behaviour laws with individual behaviour laws, are among the most common practices. This “approach to economic problems through studying certain aggregated processes” is based on methodological individualism (*Heilbroner, 1970. P. 21*), while “(M)acroeconomic dynamics is generated ...via simple aggregation of individual behaviours” (*Dosi, 2011. P. 26*), and continues to dominate in economics.

In sociology, as Göran Therborn rightly says, the levels of analysis of actual *human social action* and the *results of human social actions* (*Therborn, 1991*) are still clearly separated, so therefore all the various sociological explanations are placed between two poles and the corresponding methodological principles of either individualism or holism. Even in the first outstanding “neoclassical sociological synthesis”, which Therborn connects with the great American Sociologist Talcott Parson’s work *Structure of Social Action* (*Parsons, 1937*), although he (Parsons) established the “coordinate system”, he focused only on the points of this system, namely, the values and norms of the existing social actors (*Therborn, 1991. P. 183*).

So, the meso-level of social analysis is often understood either as a group, i.e. the “middle” level of aggregation of individuals (or other social and economic actors) or “disappears” and is not seen against the background of the micro- and macro-levels, and therefore is often ignored.

2. “Institutionality” of the meso-level of social analysis

As the institutional approach in sociology and economics develops, the view of the meso-level has undergone certain changes in recent years. A proper institutional approach is only partly associated with the fact that institutions serve the specific subject of analysis.

⁵ As Archer noted, scientists working towards the synthesis of two approaches sooner or later lost their presence of mind, and hastened to take refuge: some in the camp of individualism, others in the camp of holism (*Archer, 1995*). On the one hand, she gives the example of Walter Buckley (*Buckley, 1967*), who eventually gave up the analysis of social structures as “abstract constructs,” keeping to the position of methodological individualism. On the other hand, there is a contrasting example of Peter Blau (*Blau, 1964*), who, contrary to the objectives of interrelated analysis, appeared, according to Archer, to have been taken captive by the holistic approach.

In sociology, which Emile Durkheim called the “science of institutions, their genesis and their functioning” (*Durkheim, [1895] 1938. P. Ivi*), research about institutions is not new. A similar situation exists for economics. More than half a century ago David Hamilton noted in his article “Why is Institutional economics Not Institutional?” that an “institution” is one of the main concepts studied in all the social sciences. Therefore, he objected to the allocation of a particular “institutional approach” in economic science as mindless “multiplying entities” (*Hamilton, 1962*).

However, today “(neo)institutional sociology” and “(neo)institutional economics” are recognized perspectives in both disciplines: sociology and economics⁶. Apart from their association with more in-depth attention to the study of institutions as a traditional subject of research in social analysis, the formation of these perspectives is also caused by specific focuses and applied methodological principles. In my opinion, the meso-level becomes the subject of special consideration in new institutional sociology and within the framework of heterodox, especially institutional and evolutionary, economic theory. It is treated as the sphere of rules, particularly institutions, in accordance with which individuals or groups (micro-level) are acting, creating certain results (the structure of the macro-level) in the course of joint activities⁷. In sociology this approach gains acceptance in the concept of *organizational fields*, when it comes to “the locus of an organizational field as an intermediate unit between, at the micro-level, individual actors and organizations and, at the macro-level, systems of societal and trans-societal actors” (*Scott, 2008. P. 191*).

The new institutionalism in sociology, which announced itself during the period from the end of the 1980s to the early 1990s, explores the most diverse phenomena at the meso-level, which include such institutional arrangements as formal and informal rules, a variety of “fields” and “local orders”, conventions, etc. In his review, Russian sociologist Vadim Radaev (*Radaev, 2002. Pp. 5–13*) highlights, inter alia, the works of Paul DiMaggio and Walter Powell (*DiMaggio and Powell, 1983*), who were among the first to introduce the concept of “organizational fields.” Radaev also cites the works of American researcher Neil Fligstein who replaced the concept of structures as abstract items with the concept of “fields” as local orders. The latter represent the arenas for interaction of actors, where institutions are created and reproduced (*Fligstein, 2001*). In other words, local orders are formed by institutionally conditioned action schemes (*Radaev, 2002. P. 13*). The representatives of new French institutionalism, Luc Boltanski and Laurent Thévenot, should also be highlighted. Their *theory of conventions* considers multiple orders of worth associated with different worlds (*Boltanski and Thévenot, 1999*). The conflict between the various orders of worth brings to the forefront the issue of compromise agreements and methods for coordination of economic interactions (*Radaev, 2002. P. 6–7*) at the meso-level.

The institutional meso-level also becomes the subject of study for economists, first of all in heterodox economic theory. Timur Gareev from Russia notes that “the current phase is characterized by the greater willingness of heterodox economics to focus on *meso-levels of analysis*” (*Gareev, 2010. P. 55*). “In fact, a study of meso-economic structures, – Russian economist Georgy Kleiner writes, – is equivalent to the study of institutions... Meso-economics is a natural field for the formation and operation of economic institutions” (*Kleiner, 2003. P. 16*). Sociologists are developing the notion that an economic system comprises structures of rules, and these rules define further the nature of the economic system, forming the meso-level (*Dopfer, Foster and Potts, 2004:263; Dopfer, 2008*). From this point of view, the economy, for example, does not constitute interacting agents, but the rules according to which they interact (*Dosi, 2011*). Wolfram Elsner from Germany believes that a real analysis of complex systems, including social and economic systems, may

⁶ Researchers have noted a kind of “institutional boom”, resulting in the formation of a variety of institutionalisms - historical, rational choice institutionalism, economic, sociological, etc. (*Gareev, 2010. P. 50; Fligstein, 2001. P. 29*).

⁷ In the USSR, a similar approach, in my view, began to develop in the studies of the “social mechanism of economic development” (*Zaslavskaya, 1985*) by the Novosibirsk School of Economic Sociology, as well as of the political economy of socialism, at the end of the Soviet era in research devoted to the analysis of so called “economic mechanisms”.

be implemented only at the meso-level, where institutions for co-ordinating individual and group actions are created. Endogenous processes of interactive problem-solving of interdependent agents, in their struggle for coordination under strong uncertainty, must and can be explained at the meso-level (*Elsner, 2007; 2010; 2014*). Institutionalization is a process by which rules move from abstractions to being constitutive of repeated patterns of interaction in fields (*Jepperson, 1991*). Institutions, rules and procedures form a kind of network (a social fabric matrix), inside of (and using) which political decisions are taken (*Hayden, 2006*), social interactions are implemented, expectations are formed, etc.

3. Methodological institutionalism

The meso-level of social and economic systems may be distinguished as a specific subject of study, and its detailed study became possible because a different view (which Schumpeter defined by the term "vision") of social reality has gained acceptance. In this view, authors distinguish institutions (organizational fields, local orders, institutional matrixes) as an independent factor and the main reason for the differences between observed social and economic phenomena. In other words, researchers rely on certain assumptions, the initial methodological principles that can be unified by *methodological institutionalism*⁸. If, for example, those who firmly uphold the position of methodological individualism are mainly interested in the study of attitudes and behavior of individuals, then the main attention from the methodological positions of institutionalism is focused on the context within which individuals act (and which they create), such as systems of rules, conventions, and institutions. Methodological institutionalism is understood as an approach to the study of any social system, including an economic one, in terms of formal and informal regulations (institutions) supporting its integrity and development, and the *explanation* of social and economic phenomena in terms of operation and changes of these institutional arrangements.

In my opinion, methodological institutionalism as a prerequisite for specific analysis was formed due to the separation of actual institutions (rules) from the organizations operating according to these rules, which is implemented in institutional economics and sociology. This separation was first founded and explained by Douglas North from the US (*North, 1990*) and then accepted by the broader scientific audience worldwide. As regards the prerequisite for methodological institutionalism, it is not yet formally under discussion.

Papers by Piet Keizer from the Utrecht University (Netherlands), dedicated to the methodological analysis of studying institutions in sociology and economics, are rare works where, among other things, the term "methodological institutionalism" has been introduced and discussed (*Keizer, 2007; 2008; 2015*). For him, methodological institutionalism is, first of all, a *level* of explanation of a well-established phenomenon, and *connectivity between rules operating at this level*, whether we are talking about the rules inside the firm or at the macro-level (*Keizer, 2007. P. 3–14; Keizer, 2008. P. 14*). The challenge is to identify the most stable institutional level, which regulates the activities of some or other actors, and then to study that level.

In general terms, I agree with the position of Keizer. At the same time, he propounds that "methodological institutionalism synthesizes the macro-approach or methodological collectivism, and the micro-approach or methodological individualism. This synthesis also solved the divide between the logical versus the historical approach" (*Keizer, 2007. P. 20*), removing the contradiction between the micro- and macro-levels (*Ibid.*), and was surprising, and makes Keizer's position unclear, and his logic purely formal.

In my opinion, the problem is more complicated. The transition from micro-to meso- and macro-levels of analysis is not associated with either "aggregation of individuals" or

⁸ Unlike the term "methodological institutionalism" in scientific studies in Russia, when analyzing the development of the scientific areas we are talking about - "the institutionalization of methodologies", that characterizes the structure and the development of science (*Frolov, 2002; 2008; Maracha, 2003*).

“synthesis”. Each time it is a transition to the new essence or property. The principle of methodological institutionalism allows us to “catch” this new institutional essence, characterizing the meso-level and not represented directly at the level of individuals (micro-level) or at the level of the generated macro-environment (Table 1).

Table 1

Levels, subjects and dominant methodological principles of social analysis

Level	Subject	Methodological principles
Macro-	Societies, social structures, national or global economic systems...	Holism
Meso-	The relationships between social and economic actors (institutions, local orders, organizational fields, institutional matrices)...	Methodological institutionalism
Micro-	Individuals, economic agents, households, families, companies, nation-states as units...	Methodological individualism

The table shows the levels of social analysis and the most relevant methodological principles (preconditions) for their research. Of course, macrostructures might also be studied from the standpoint of methodological individualism (more typical for micro-level studies) by likening them to social actors with certain interests, expectations and behaviours. One can also explore individuals from the standpoint of methodological institutionalism, appealing to the reflection of the institutional systems of societies in the individual conscience (see, for example, *Homo institutus*, 2005). However, the relevance of the levels and the premises of social analysis as represented in the table are the most common and set the corresponding perspective of studies.

I have to note that the understanding of methodological institutionalism presented in this paper develops those outlined in my earlier works (*Kirdina, 2013*). It then appeared that methodological institutionalism could be interpreted as the implementation of the holism principle in relation to the analysis of social and economic systems. However, a more thorough analysis of works in the field of (neo) institutional sociology and (neo) institutional economics shows that methodological institutionalism does not specify a prerequisite for holism, but complements the existing set of prerequisites for social analysis such as methodological individualism and holism. Its main application is a meso-, rather than a macro-level of analysis of socio-economic systems.

4. Conclusion.

The development of the institutional approach in economics and sociology led to a new understanding of the meso-level as a space for creating rules according to which and where actors operate, generating macrostructures. The new institutional theories widespread in social sciences are largely different. However, “they all agree on the fact that social institutions generate social local orders and are social constructions” (*Fligstein, 2001. P. 28*). Locality in this case means belonging to the meso-level of social analysis. Thus, we can speak about revealing a new analytical assumption (or new theoretical proposition) that is most relevant to studying the meso-level, which is methodological institutionalism. It complements the space of known prerequisites for methodological individualism and holism, which are characteristic of micro- and macro-level research respectively. The

essence of methodological institutionalism is the study and *explanation* of social and economic phenomena in terms of the operation and changes of the institutional arrangements which form the meso-level of complex social systems.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Archer M. (1995). *Realist social theory: the morphogenetic approach*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Balatsky E.V. (2012). Outside of “economic imperialism”: overcoming the difficulties // *Social studies and the present*, no. 4, pp. 138–149. (In Russian.)
- Big Explanatory Dictionary of Sociology (Collins)* (1999). Vol. 1. Moscow: VECHE AST Publ. (In Russian.)
- Blaug M. (1997). *Economic Thought in Retrospect*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blau P. (1964). *Exchange and Power in Social Life*. New York: Wiley.
- Boltanski L. and Thévenot, L. (1999). The Sociology of Critical Capacity // *European Journal of Social Theory*, vol. 2, no. 3, August, pp. 359–378.
- Buckley W. (1967). *Sociology and Modern Systems Theory*. New York: Prentice-Hall.
- Davar E. (2015). Crisis of Economic Science: Causes and Remedy // *Terra Economicus*, vol. 13, no. 2, pp. 73–83. (In Russian.)
- Denis A. (2015). Schumpeter and the Roots of Methodological Individualism. (under consideration at Review of Political Economy) (<http://www.staff.city.ac.uk/andy.denis/research/home.htm>, accessed on February 10, 2015).
- DiMaggio P. and Powell W. (1983). The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // *American Sociological Review*, vol. 48, no. 2, pp. 147–160.
- Dopfer K., Foster J., and Potts J. (2004). Micro-Meso-Macro // *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 14, issue 3, pp. 263–279.
- Dopfer K. 2008. The origins of mesoeconomics / In: Kirdina S. and Maevsky V. (eds.) *Evolutionary theory, the theory of self-reproduction and economic development. Materials of the 7th International Symposium on Evolutionary Economics*, September 14–15, 2007, Pushchino, Moscow region. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences Publ., pp. 101–128. (In Russian.)
- Dosi J. (2011). *Economic Coordination and Dynamics: Some Elements of an Alternative “Evolutionary” Paradigm*. Institute for New Economic Thinking (<http://www2.econ.iastate.edu/tesfatsi/EconomicCoordinationAndDynamics.GDosi2012.INET.pdf>, accessed on January 29, 2016).
- Durkheim E. (1938 [1895]). *The Rules of Sociological Method*. New York: The Free Press.
- Elsner W. (2007). Why Meso? On “Aggregation” and “Emergence”, and Why and How the Meso Level is Essential in Social Economics // *Forum for Social Economics*, vol. 36, no. 1, April, pp. 1–16.
- Elsner W. (2010). The Process and a Simple Logic of “Meso”. On the Co-Evolution of Institutional Emergence and Group Size // *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 20, no. 3, pp. 445–477.
- Elsner W. (2014). The Institutional Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy in a More Formal Perspective / In: Kirdina S. and Maevsky V. (eds.) *The evolution of economic theory: reproduction, technology, institutions. Proceedings of the IX International Symposium on Evolutionary Economics*, Pushchino, September 12–14, 2013. St. Petersburg: Aletheia Publ., pp. 281–293. (In Russian.)
- Fligstein N. (2001). Social Skill and the Theory of Fields // *Sociological Theory*, vol. 19, no. 2, pp. 105–121.
- Fligstein N. (2001). Fields, power and social skills: critical analysis of the new institutional trends // *Economic sociology*. Electronic journal, vol. 2, no. 4, pp. 28–55. (In Russian.)

Fourcade M., Ollion E. and Algan Y. (2014). The Superiority of Economists // *MaxPo Discussion Paper*, 14/3. Max Planck Sciences Po Center on Coping with Instability in Market Societies. November.

Frolov D.P. (2002). Institutionalism in the metacompetition of economic theories // *Materials of the scientific session. Issue 1: Economics and Finance*. Volgograd: Publishing House of Volgograd State University. (In Russian.)

Frolov D.P. (2008). The methodological institutionalism: a new perspective on the evolution of economic science // *Problems of Economics*, no. 11, pp. 90–101. (In Russian.)

Gareyev T.R. (2010). Institutions and economic development at the sub-regional (meso) level // *Social studies and the present*, no. 5, pp. 45–58. (In Russian.)

Gruchy A. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution*. New York: Prentice Hall.

Hamilton D. (1962). Why is Institutional Economics Not Institutional? // *The American Journal of Economics and Sociology*, vol. 21, no. 3, July, pp. 309–317.

Hawking S. (1996). *A Brief History of Time*. New York: Bantam Doubleday Dell Publishing Group Inc.

Hayden G. (2006). *Policymaking for a Good Society: The Social Fabric Matrix Approach to Policy Analysis and Program Evaluation*. New York: Springer.

Heilbroner R. (1970). *Understanding Macroeconomics*. New Jersey: Englewood Cliffs.

Hodgson G.M. (2007). Meanings of Methodological Individualism // *Journal of Economic Methodology*, vol. 14, no. 2, June, pp. 211–226.

Hodgson G.M. (2014). On Fuzzy Frontiers and Fragmented Foundations: Some Reflections on the Original and New Institutional Economics // *Journal of Institutional Economics*, vol. 10, no. 4. Special issue, pp. 591–611.

Inshakov O. (ed.) (2005). *Homo institutus*. Volgograd: Publishing House of Volgograd State University. (In Russian.)

Jepperson R.L. (1991). Institutions, Institutional Effects, and Institutionalism / In: Powell W.W. and DiMaggio P.J. (eds.) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*, pp. 143–163. Chicago: University of Chicago Press.

Keizer P. (2007). The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition // *Working Papers. 07-25*. Tjalling C. Koopmans Research Institute – Utrecht School of Economics, Utrecht University.

Keizer P. (2008). *Economics as a Social Science*. Utrecht: Utrecht School of Economics. Utrecht University, July.

Keizer P. (2015). *Multidisciplinary Economics: A Methodological Account*. Oxford: Oxford University Press.

Kirdina S. (2015). Methodological Individualism and Methodological Institutionalism for Interdisciplinary Research // *Montenegrin Journal of Economics*, vol. 11, no. 1, July, pp. 53–67.

Kirdina S.G. (2013). The methodological individualism and methodological institutionalism // *Voprosy ekonomiki*, no. 10, pp. 66–89. (In Russian.)

Kleiner G.B. (2003). Meso-economic problems of the Russian economy // *Economic Bulletin of the Rostov State University*, vol. 1, no. 2, pp. 11–18. (In Russian.)

Lazear E.P. (2000). Economic Imperialism // *Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, no. 1, pp. 99–146.

Maracha V.G. (2003). The structure and development of science from the standpoint of methodological institutionalism // *Methodology of Science: Challenges and history*. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 166–220. (In Russian.)

Mirowski P. (2013). The Philosophical Bases of Institutional Economics // *Terra Economicus*, vol. 11, no. 3, pp. 72–88. (In Russian.)

North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Orekhovskiy P.A. (2015). The structure of the field of economic knowledge: Possibilities and limits of economic discussions // *Social studies and the present*, no. 1, pp. 5–23. (In Russian.)
- Parker W.D. (2006). Methodological Individualism vs. Methodological Holism: Neoclassicism, Institutionalism and Socioeconomic Theory. *Paper presented at the joint annual congress of the International Association for Research in Economic Psychology (IAR EP) and the Society for the Advancement of Behavioral Economics (SABE)*, University of Paris (Sorbonne), Paris, France, July 5–8, 2006.
- Parsons T. (1937). *The Structure of Social Action*. New York: McGraw Hill.
- Podvoisky D.G. (2011). Languages of Sociology: verbosity or cacophony? // *SOCIS*, no. 5, pp. 3–9. (In Russian.)
- Polterovich V.M. (2011). Formation of the general social analysis // *Social studies and the present*, no. 2, pp. 101–111. (In Russian.)
- Popper K. (1957). *The Poverty of Historicism*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Radaev V.V. (2002). The main directions of development of modern economic sociology / In: Radaev V.V. (ed.) *Economic Sociology, new approaches to institutional and network analysis*. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 3–18. (In Russian.)
- Rubinstein A.Y. (2008). The economy of public preferences. The structure and evolution of social interest. Saint-Petersburg: Aletheia Publ. (In Russian.)
- Schumpeter J.A. (1909). On the Concept of Social Value. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 23, no. 2, February, pp. 213–232.
- Schumpeter J.A. (1980 [1908]). Methodological Individualism. Brussels: Institutum Europæum (http://mises.org/books/schumpeter_individualism.pdf, accessed on November 26, 2011).
- Schumpeter J.A. (1986 [1954]). *History of Economic Analysis*. London: Routledge.
- Scott W.R. (2008). *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*. Los Angeles, CA: Sage Publications.
- Therborn G. (1991). Cultural Belonging, Structural Location, and Human Action. Explanation in Sociology and in Social Science // *Acta Sociologica: Journal of the Scandinavian Sociological Association*, vol. 34, no. 3, pp. 177–192.
- Toshchenko Z.T. (2009). Evolution of theoretical sociology in Russia (1950–2000). Article 2 // *SOCIS*, no. 7, July, pp. 3–16. (In Russian.)
- Toshchenko Z.T. (2013). New trends in the development of Russian sociology // *SOCIS*, no. 4, pp. 3–12. (In Russian.)
- Udehn L. (2001). *Methodological Individualism: Background, History and Meaning*. London: Routledge.
- Watkins J.M. (1952). Ideal Types and Historical Explanation // *British Journal for the Philosophy of Science*, no. 3, May, pp. 22–34.
- Zaslavskaya T.I. (1985). On the social mechanism of economic development // *Ways of improving the social mechanism of the Soviet economy*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian.)

DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-1-109-124

КРИТЕРИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ. КАКИЕ СКАЗКИ ЧИТАЛИ В ДЕТСТВЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМ, КАКОВА ОПТИМАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ВЫБОРА ЖЕНЫ И ЧЕМУ УЧИТ ЭКОНОМИСТА ИСТОРИЯ О ТРЕХ ПОРОСЯТАХ?

А.В. ШМАКОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: a.shmakov@mail.ru

Одну из своих лекций (Оклахома, 1929 г.) Дж. Мэйнстринг начал с легендарной фразы: «Вы думаете, что экономика – унылая наука? Вы просто не изучали химию!» Продолжая традиции великого калифорнийского экономиста, я предлагаю вам цикл научно-популярных лекций по экономической теории, прочитанных мною в разные годы в г. Новосибирске.

Пятая лекция посвящена изучению критериев принятия экономических решений. Предлагается легкодоступная пониманию трактовка базовых критериев принятия решений в условиях неопределенности и в условиях риска. В окончании лекции приводится популярное пояснение базовых правил определения вероятностей, используемых при анализе решений в условиях риска. Вы узнаете, как выбор критерия (процедура) принятия решений может повлиять на его результат. В чем ошибка родителей, возводящих в культ сверхосторожное поведение сказочных героев. Осознаете, что многие детские сказки, являясь частью механизма социально-культурной адаптации, формируют неприятие риска, отрицательное отношение к потерям и пессимизм. Познакомитесь с предположением относительно того, почему в мире так мало предпринимателей. И, наконец, узнаете, кто же был наиболее рациональным в сказке о трех поросятах. Вам будет предложена оптимальная стратегия поиска жены, секретаря, сотрудника. Вы узнаете, какие ментальные ошибки мы совершаем, оценивая вероятности. И как пользоваться данными оценками, чтобы они не стали источником крупных финансовых потерь. Поразмышляете о роли случайности в вашей жизни. И в окончании лекции познакомитесь с доказательством рационального характера веры, предложенным известным математиком Блезом Паскалем.

Ключевые слова: экономическое поведение; экономический выбор; критерии принятия решений; риск; неопределенность; теория вероятностей; научно-популярная лекция

DECISION-MAKING CRITERIA. WHAT FAIRY TALES WERE READ TO ENTREPRENEURS IN THEIR CHILDHOOD? WHAT IS THE OPTIMAL STRATEGY OF CHOOSING THE WIFE? WHAT DOES THE STORY OF THE THREE LITTLE PIGS TEACH THE ECONOMIST?

ALEKSANDR V. SHMAKOV,

PhD, Associate Professor,
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk,
e-mail: a.shmakov@mail.ru

J. Meynstring began one of his speeches (Oklahoma, 1929) with the outstanding words: «Do you think that economics is a dismal science? You just haven't learnt the chemistry!» To continue the great Californian economist's traditions, I introduce you a course of popular science lectures of economics, which I have given in Novosibirsk in last ten years.

The fifth lecture is devoted to learning decisions-making criteria. It proposes simple interpretation of the base decision-making under uncertainty and decision-making under risk. At the end of the lecture there is a popular explanation of the basic rules of determine the probabilities used in the analysis of decision-making under risk. You will know how the choice of criterion (procedure) of decision-making can influence the outcome. What is the mistake of parents that build a worship of overly cautious fairy tale characters? You'll understand that many fairy tales, as part of sociocultural adaptation mechanism, forms a rejection of risk, negative attitude to losses and forms pessimism. You'll explore the assumption, why there are so few entrepreneurs. Finally, you'll know who was the most rational in the tale about the three little pigs. You will be offered the optimal strategy of searching a wife, a secretary and an employee. You'll learn what mental mistakes we make, when we appreciate the probabilities. You'll know, how to use these assessments, so they do not become a reason of great financial losses. You'll ponder over the role of randomness in your life. And at the end of the lecture you will get to know the evidence of the rational character of the faith that was proposed by the famous mathematician Blaise Pascal.

Keywords: economic behavior; economic choice; decision-making criteria; risk; uncertainty; probability theory; popular science lecture

JEL classifications: A10, A20, C61, D01

Эту лекцию я писал в поезде. Яркое воспоминание, поезд Новосибирск–Абакан, плацкартный вагон. Молодой худощавый мужчина догоняет убегающего на четвереньках ребенка, зовет жену: «Лиза, забери Свинку... А что это у вас за книга? "Три поросенка",? Любопытно было бы перечитать. Лиза, поиграй со Свинкой, я "Три поросенка", перечитаю...». Читал он вслух, со вкусом, тщательно артикулируя. А после долго пропагандировал Свинке собственное мнение о поведении трех поросят. Я разделял его взгляды лишь по одному пункту: самой большой свиньей в сказке оказался волк.

Жили-были на свете три поросенка: Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф. Все лето они кувыркались и грелись на солнышке. Но вот наступила осень.

– Пора нам подумать о зиме, – сказал Наф-Наф своим братьям. – Давайте построим дом. Крепкий каменный дом.

Наф-Наф был ответственным поросенком, он не любил ничего оставлять на потом. А еще больше он не любил злых, опасных волков. Каменный дом – это то, что нужно!

Но братья не одобрили его намерения:

– Успеется! До зимы еще далеко. Да и зачем нам дом из камня? Это же домик для поросенка, а не крепость.

– Дом поросенка должен быть крепостью! – ответил Наф-Наф.

– Когда будет нужно, мы сами построим себе дом, – ответили недальновидные братья.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. И вот Нуф-Нуф решил, что пора братья за строительство. Нужно сказать, что Нуф-Нуф хоть и считал строительство делом скучным и неинтересным, но понимал – в чем-то прав старший брат: зимой холодно, а волк – животное неприятное.

– Давай, Ниф-Ниф, начнем строить дом, – предложил средний брат. – Построим теплый дом из веток и прутьев.

– Я еще поваляюсь, торопиться-то некуда, – оптимистично ответил ему Ниф-Ниф. Ниф-Ниф, видевший волка только на картинках, не верил, что в их лесу водятся волки. А если бы и поверил, что с того. Лишний денек на теплом осеннем солнышке стоит того, чтобы рискнуть.

Но когда большая лужа у дороги стала по утрам покрываться корочкой льда, и младший брат взялся, наконец, за работу. Он быстренько построил себе дом из соломы и остался им очень доволен...

Я уверен, что, когда мама читала вам в детстве эту сказку, вы думали: «Прав оказался Наф-Наф. Построил крепкий дом. Спас себя и братьев». И неосознанно начинали подражать Наф-Нафу: дом должен быть крепким, жизнь должна быть безопасна, делу время – потехе час... Детские сказки – часть механизма социально-культурной адаптации, формирования ментальных моделей, через призму которых мы воспринимаем действительность и которые в какой-то мере приводят наше поведение в соответствие с предпочтениями общества. Сказки учат нас осторожной модели поведения типа «Наф-Наф», формируют неприятие риска, отрицательное отношение к потерям и пессимизму. Не разговаривай Красная Шапочка, с незнакомыми волками. Не пей, Иванушка из козлиного копытца ... пей бонаковку. Возможно, предпринимателям не читали в детстве сказок... или читали другие сказки?

Но мне хотелось бы обсудить другой вопрос: можно ли Наф-Нафа назвать рациональным поросенком? А его братьев можно назвать рациональными? Ответственный Наф-Наф тяжело трудился и построил крепкий каменный дом, ему не пришлось бегать от волка. А оптимистичный Ниф-Ниф, провалявшийся всю осень на солнышке, в итоге поселился в теплом каменном доме брата. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, что такое рациональность и как принимаются рациональные решения?

Прежде всего, не следует отождествлять рациональность поведения с эгоизмом и безошибочностью (Мельников, 2011). Концепция рационального поведения предполагает лишь, что люди думают о собственных интересах и стремятся взвешивать издержки и выгоды своих решений, т. е. люди процедурно рациональны. Но поскольку их аналитические способности несовершенны, а информация – ограниченный ресурс, они способны ошибаться. При этом социальная природа человека не позволяет исключить ряда таких мотиваций, как альтруизм, стремление к справедливости и т. д. Рассмотрим базовые процедуры (критерии) принятия решений на примере сказки о трех поросятах.

Принятие решений в условиях неопределенности¹. Поросята – существа неопытные и малообразованные. Они вряд ли смогут достоверно оценить вероятность присутствия в лесу волка. Если вы спросите маленького поросенка «Какова вероятность того, что в лесу водится волк?», он, скорее всего, ответит «Пятьдесят на пятьдесят. Волк, он или есть, или его нет». Вряд ли вы добьетесь большего. Вот и приходится поросятам принимать решения в условиях неопределенности, когда вероятности событий неизвестны. Критерии принятия решений в условиях неопределенности основаны на том, что значения вероятностей событий принимаются равными. Но даже в этом случае размышлять и принимать решения маленькие поросята могут по-разному.

Прежде чем размышлять вместе с маленькими поросятами, какой домик строить, спросим их о полезности домика, т. е. об удовлетворенности, которую они испытают от строительства дома и проживания в нем. Предположим, что наши поросята имеют одинаковые представления о комфорте и радостях строительства (табл. 1). Полезность домика зависит от затраченных на его постройку усилий, крепости домика и от того, появится ли волк. Если волк не придет, гораздо приятнее будет быстро построить соломенный домик и провести остаток осени, нежась на солнечной лужайке. Но если волк появится, крепкий каменный домик окажется весьма кстати. Никому не хочется быть съеденным, поэтому полезность ненадежного домика станет отрицательной.

Таблица 1

Полезность домиков

стратегия	волк придет	волк не придет
домик из соломы	–10	35
домик из веток	–5	28
домик из камня	5	5

Оптимистичный, склонный к риску Ниф-Ниф предпочитает выбирать действие, сумма значений полезности которого по всем состояниям природы (волк придет – волк не придет) максимальна. Если бы он знал, что для принятия решений использует критерий равновероятных состояний Лапласа², он бы собой гордился. Ниф-Ниф вполне обоснованно решает строить домик из соломы (табл. 2).

Таблица 2

Ниф-Ниф использует критерий равновероятных состояний Лапласа

стратегия	волк придет	волк не придет	суммарная полезность
домик из соломы	–10	35	$-10 + 35 = 25$ – max
домик из веток	–5	28	$-5 + 28 = 23$
домик из камня	5	5	$5 + 5 = 10$

¹ Следует пояснить различие ситуаций неопределенности и риска (принятию решений в условиях риска посвящен следующий раздел). Если в ситуации риска мы располагаем некоторой информацией о будущих событиях (определены вероятности возможных исходов), то в ситуации неопределенности такая информация отсутствует (Розмаинский, 2012. С. 47–48).

² Согласно критерию равновероятных состояний Лапласа действие $i = k$ оптимально, если $\sum_{j=1}^m u_{kj} = \max_{i=1, \dots, n} \sum_{j=1}^m u_{ij}$, где u_{ij} – полезность поведенческой альтернативы i (с числом доступных альтернатив n) при состоянии природы j (с числом возможных состояний m), u_{ij} – полезность действия $i = k$ при состоянии природы j . Здесь и далее математические формулировки критериев принятия решений, предложенные в сносках, даны по (Уткин, 2007; Вентцель, 1978).

Наф-Наф не одобряет легкомысленности Ниф-Нифа. Старший брат настроен крайне пессимистично. Он сторонится волков даже в зоопарке и не желает рисковать. С волками не шутят! Решая перестраховаться, Наф-Наф находит в энциклопедии «Кругосвет» вызвавший у него доверие **критерий максимина Вальда**³: для каждого возможного действия выбирается минимальное значение полезности при различных состояниях природы (волк придет – волк не придет), а затем осуществляется действие, которое соответствует максимальному из полученных минимальных значений. Предусмотрительный Наф-Наф проникается уважением к мнению Абрахама Вальда и строит дом из камня (табл. 3).

Таблица 3

Наф-Наф пользуется критерием максимина Вальда

стратегия	волк придет	волк не придет	минимальное значение полезности
домик из соломы	–10	35	–10
домик из веток	–5	28	–5
домик из камня	5	5	5 – max

Как и положено среднему брату, Нуф-Нуф был «и так, и сяк». Нуф-Нуф не любит крайностей. Он доверяет предусмотрительному Наф-Нафу, но и повалиться на солнышке с легкомысленным Ниф-Нифом очень даже не против. Скажем так, в нем постоянно борются 60% от пессимиста Наф-Нафа и 40% от оптимиста Ниф-Нифа. И вот Нуф-Нуф, посоветовавшись с обоими братьями и попутно прихватив у Ниф-Нифа сочное яблоко, а у Наф-Нафа энциклопедию... принимает решение по **критерию пессимизма-оптимизма Гурвица**⁴, в соответствии с которым он складывает полезности от оптимистичного и пессимистичного исходов, помноженные на коэффициенты его склонности к оптимизму и пессимизму, а затем выбирает действие, для которого полученное значение максимально (табл. 4). И пусть он потратил больше времени на расчеты, зато принял взвешенное решение строить дом из веток и прутьев.

Таблица 4

Нуф-Нуф принимает решение по критерию пессимизма-оптимизма Гурвица

стратегия	волк придет	волк не придет	по всем состояниям природы		ожидаемая полезность при соотношении пессимизма/оптимизма 0,6/0,4
			минимальное значение полезности	максимальное значение полезности	
домик из соломы	–10	35	–10	35	$-10 \times 0,6 + 35 \times 0,4 = 8$
домик из веток	–5	28	–5	28	$-5 \times 0,6 + 28 \times 0,4 = 8,2 - \text{max}$
домик из камня	5	5	5	5	$5 \times 0,6 + 5 \times 0,4 = 5$

Один знакомый сказочник предположил, что Нуф-Нуф вовсе не прислушивался к своим братьям. И не просил у Наф-Нафа мудрую энциклопедию. «И яблока, кстати, тоже не брал», – добавляет Нуф-Нуф. Принимая решение о строительстве домика, он,

³ Согласно критерию максимина Вальда действие $i=k$ оптимально, если $\min_{j=1...m} u_{kj} = \max_{i=1...n} \min_{j=1...m} u_{ij}$.

⁴ Пусть $\bar{u}_i = \max_{j=1...m} u_{ij}$, $\underline{u}_i = \min_{j=1...m} u_{ij}$, α – коэффициент пессимизма, $(1 - \alpha)$ – коэффициент оптимизма. Тогда согласно критерию пессимизма-оптимизма Гурвица действие $i=k$ оптимально, если $\alpha \cdot \underline{u}_k + (1 - \alpha) \cdot \bar{u}_k = \max_{i=1...n} (\alpha \cdot \underline{u}_i + (1 - \alpha) \cdot \bar{u}_i)$.

прежде всего, стремился избежать неприятных эмоций, минимизировать свои сожаления. И так получилось, что он воспользовался **критерием минимакса сожалений Сэвиджа**⁵. Сожаления – это потери в результате упущенных возможностей. Нуф-Нуф рассчитывает сожаления как разницу между лучшим из доступных при данном состоянии природы (волк придет – волк не придет) результатом и результатом оцениваемого решения. Например, если волк придет, лучшим результатом окажется строить дом из камня (полезность 5). Но если поросенок в этом случае построит дом из соломы (полезность –10), то его сожаления будут равны 15 (5 – 10). Затем Нуф-Нуф выбирает максимальные сожаления, которые он может испытать, при постройке каждого из домиков, в случае если появится (или не появится) волк... и пытается свести эти сожаления к минимуму (табл. 4). Нуф-Нуф строит домик из соломы, надеясь не пожалеть о последствиях принятого решения. Возможно, люди ведут себя подобным образом и поэтому верят в «золотую середину».

Таблица 4

Нуф-Нуф пользуется критерием минимакса сожалений Сэвиджа

стратегия	матрица полезностей		матрица сожалений		максимальное значение в матрице сожалений
	волк придет	волк не придет	волк придет	волк не придет	
домик из соломы	–10	35 – max	5 – (–10) = 15	35 – 35 = 0	15
домик из веток	–5	28	5 – (–5) = 10	35 – 28 = 7	10 – min
домик из камня	5 – max	5	5 – 5 = 0	35 – 5 = 30	30

Что же получается: Наф-Наф рационален, Нуф-Нуф рационален, Ниф-Ниф тоже рационален. Решения же поросят отличаются хотя бы по тому, что они разные (даже если предположить у них одинаковые представления о комфорте): они по-разному относятся к риску, по-разному оценивают ситуацию. А Ниф-Ниф в это время назидательно напекает: «У свининушки три сына. Старший умный был детина. Средний думал головой. Младший просто был другой».

Принятие решений в условиях риска. Представим на минуточку более сведущих поросят, способных оценить вероятность нападения волка (табл. 5), т. е. принимающих решение в условиях *риска*. Предположим, что поросята одинаково стремятся получить удовольствие от жизни, используют для принятия решений одни и те же критерии, но по-разному оценивают вероятность вторжения волка в свое поросячье пространство.

–Ну, какие тут могут быть волки?!–думал Ниф-Ниф, который волков видел только на картинках.

–Волки скорее есть, чем нет... Или скорее нет, чем есть?–сомневался Нуф-Нуф.

–Волки существуют, значит, один из них вполне мог забрести и в наш лес! – был уверен Наф-Наф.

Таблица 5

Оценка поросятами вероятности появления волка

герой	вероятность «волк придет»	вероятность «волк не придет»
Ниф-Ниф	0,1	0,9
Нуф-Нуф	0,6	0,4
Наф-Наф	0,9	0,1

⁵ Пусть мера сожаления $\Delta u_{ij} = \max_{i=1...n} u_{ij} - u_{ij}$. Тогда согласно критерию минимакса сожалений Сэвиджа действие $i=k$ оптимально, если $\max_{j=1...m} \Delta u_{kj} = \min_{i=1...n} \max_{j=1...m} \Delta u_{ij}$.

И вот три поросенка, давным-давно окончившие курсы экономической теории, использовали для принятия решений **критерий максимума ожидаемой полезности**⁶. По этому критерию оптимальным признается действие, имеющее максимальную ожидаемую полезность. Ожидаемая полезность рассчитывается как сумма произведений вероятностей состояний природы (волк придет – волк не придет) на полезность, получаемую при этом исходе (табл. 6, 7, 8).

Таблица 6

Ниф-Ниф принимает решение по критерию максимума ожидаемой полезности (вероятность того, что волк придет, – 0,1; не придет – 0,9)

стратегия	волк придет	волк не придет	ожидаемая полезность
домик из соломы	–10	35	$-10 \times 0,1 + 35 \times 0,9 = 32,5$ – <i>мах</i>
домик из веток	–5	28	$-5 \times 0,1 + 28 \times 0,9 = 25,7$
домик из камня	5	5	$5 \times 0,1 + 5 \times 0,9 = 5$

Таблица 7

Нуф-Нуф принимает решение по критерию максимума ожидаемой полезности (вероятность того, что волк придет – 0,6; не придет – 0,4)

стратегия	волк придет	волк не придет	ожидаемая полезность
домик из соломы	–10	35	$-10 \times 0,6 + 35 \times 0,4 = 8$
домик из веток	–5	28	$-5 \times 0,6 + 28 \times 0,4 = 8,2$ – <i>мах</i>
домик из камня	5	5	$5 \times 0,6 + 5 \times 0,4 = 5$

Таблица 8

Наф-Наф принимает решение по критерию максимума ожидаемой полезности (вероятность того, что волк придет, – 0,9; не придет – 0,1)

стратегия	волк придет	волк не придет	ожидаемая полезность
домик из соломы	–10	35	$-10 \times 0,9 + 35 \times 0,1 = -5,5$
домик из веток	–5	28	$-5 \times 0,9 + 28 \times 0,1 = -1,7$
домик из камня	5	5	$5 \times 0,9 + 5 \times 0,1 = 5$ – <i>мах</i>

И снова три рациональных поросенка принимают разные, но обоснованные решения: Ниф-Ниф строит домик из соломы, Нуф-Нуф – из веток, Наф-Наф – из камня. Все трое сделали рациональный выбор в соответствии со своими ожиданиями. Несовпадение ожиданий приводит к принятию разных решений.

Но критерий максимума ожидаемой полезности – не единственный критерий, которым могли бы воспользоваться поросята. Учесть оптимизм и пессимизм поросят помогает **критерий Ходжа-Лемана**⁷. Вводится показатель пессимизма-оптимизма, характеризующий настрой поросят. Затем складывают полезность по критерию максимума ожидаемой полезности, умноженную на склонность к оптимизму, и полезность по критерию Вальда, умноженную на склонность к пессимизму. Показа-

⁶ Пусть ожидаемая полезность действия i задается через математическое ожидание полезности данного действия $Eu_i = \sum_{j=1}^m u_{ij} \cdot p_j$, где p_j – вероятность наступления состояния природы j . Тогда согласно критерию максимума ожидаемой полезности действие $i=k$ оптимально, если $Eu_k = \max_{i=1 \dots n} Eu_i$.

⁷ Пусть $Eu_i = \sum_{j=1}^m u_{ij} \cdot p_j$, $\underline{u}_i = \min_{j=1 \dots m} u_{ij}$, α – коэффициент оптимизма, $(1 - \alpha)$ – коэффициент пессимизма. Тогда согласно критерию Ходжа-Лемана действие $i=k$ оптимально, если $\alpha \cdot \underline{u}_k + (1 - \alpha) \cdot Eu_k = \max_{i=1 \dots n} (\alpha \cdot \underline{u}_i + (1 - \alpha) \cdot Eu_i)$.

тели склонности к пессимизму и к оптимизму в сумме должны равняться единице. Принимается решение, дающее максимальную сумму ожидаемой полезности (табл. 9, 10, 11).

У оптимистичного Ниф-Нифа слово волк не вызывает страха, он не особенно опасается волчьих зубов и готов рискнуть, лишь бы не особенно утруждать себя строительством. Соотношение пессимизма к оптимизму составляет 0,1 к 0,9 (табл. 9). Ниф-Ниф ограничивается постройкой домика из соломы.

Таблица 9

**Оптимистичный Ниф-Ниф принимает решение
по критерию Ходжа-Лемана**

стратегия	волк придет	волк не придет	минимальное значение полезности (из критерия Вальда)	ожидаемая полезность (из критерия максимума ожидаемой полезности)	ожидаемая полезность при соотношении пессимизма/оптимизма–0,1/0,9
домик из соломы	–10	35	–10	32,5	$-10 \times 0,1 + 32,5 \times 0,9 = 28,25 - \text{max}$
домик из веток	–5	28	–5	25,7	$-5 \times 0,1 + 25,7 \times 0,9 = 22,63$
домик из камня	5	5	5	5	$5 \times 0,1 + 5 \times 0,9 = 5$

Наф-Наф хоть и относится к риску нейтрально, но менее оптимистичен, чем Ниф-Ниф. Допустим, его соотношение пессимизма к оптимизму– 0,2 к 0,8 (табл. 10). И поросянок строит дом из веток и прутьев.

Таблица 10

**Менее оптимистичный Нуф-Нуф принимает решение
по критерию Ходжа-Лемана**

стратегия	волк придет	волк не придет	минимальное значение полезности (из критерия Вальда)	ожидаемая полезность (из критерия максимума ожидаемой полезности)	ожидаемая полезность при соотношении пессимизма/оптимизма – 0,2/0,8
домик из соломы	–10	35	–10	8	$-10 \times 0,2 + 8 \times 0,8 = 4,4$
домик из веток	–5	28	–5	8,2	$-5 \times 0,2 + 8,2 \times 0,8 = 5,56 - \text{max}$
домик из камня	5	5	5	5	$5 \times 0,2 + 5 \times 0,8 = 5$

Пессимист Наф-Наф знает, что такое волк. Он стремится избежать потерь и не расположен рисковать. Для Наф-Нафа соотношению пессимизма к оптимизму соответствует 0,9 к 0,1, и в соответствии с критерием Ходжа-Лемана он решает построить крепкий каменный дом (табл. 11).

Таблица 11

Пессимист Наф-Наф принимает решение по критерию Ходжа-Лемана

стратегия	волк придет	волк не придет	минимальное значение полезности (из критерия Вальда)	ожидаемая полезность (из критерия максимума ожидаемой полезности)	ожидаемая полезность при соотношении пессимизма/оптимизма $-0,9/0,1$
домик из соломы	-10	35	-10	-5,5	$-10 \times 0,9 + -5,5 \times 0,1 = -9,55$
домик из веток	-5	28	-5	-1,7	$-5 \times 0,9 + -1,7 \times 0,1 = -4,67$
домик из камня	5	5	5	5	$5 \times 0,9 + 5 \times 0,1 = 5 - \max$

Если же мы вспомним о стремлении поросят любым путем избежать неприятных эмоций, минимизировать свои сожаления, то вернемся к обобщению критерия Сэвиджа, называемому **критерием минимума ожидаемых сожалений**⁸. Отличие от критерия Сэвиджа заключается в том, что поросята определяют не просто минимум сожалений, а минимум ожидаемых сожалений. Для определения ожидаемых сожалений, они умножают сожаление на его вероятность (табл. 12, 13, 14).

Таблица 12

Ниф-Ниф принимает решение по критерию минимума ожидаемых сожалений (вероятность того, что волк придет, – 0,1; волк не придет – 0,9)

стратегия	матрица сожалений из критерия Сэвиджа		Ожидаемое сожаление
	волк придет	волк не придет	
домик из соломы	$5 - (-10) = 15$	$35 - 35 = 0$	$15 \times 0,1 + 0 \times 0,9 = 1,5 - \min$
домик из веток	$5 - (-5) = 10$	$35 - 28 = 7$	$10 \times 0,1 + 7 \times 0,9 = 7,3$
домик из камня	$5 - 5 = 0$	$35 - 5 = 30$	$0 \times 0,1 + 30 \times 0,9 = 27$

Таблица 13

Нуф-Нуф принимает решение по критерию минимума ожидаемых сожалений (вероятность того, что волк придет, – 0,6; волк не придет – 0,4)

стратегия	матрица сожалений из критерия Сэвиджа		Ожидаемое сожаление
	волк придет	волк не придет	
домик из соломы	$5 - (-10) = 15$	$35 - 35 = 0$	$15 \times 0,6 + 0 \times 0,4 = 9$
домик из веток	$5 - (-5) = 10$	$35 - 28 = 7$	$10 \times 0,6 + 7 \times 0,4 = 8,8 - \min$
домик из камня	$5 - 5 = 0$	$35 - 5 = 30$	$0 \times 0,6 + 30 \times 0,4 = 12$

⁸ Пусть ожидаемое сожаление от действия i равно $E\Delta u_i = \sum_{j=1}^m \Delta u_{ij} \cdot p_j$. Тогда согласно критерию минимума ожидаемых сожалений действие $i=k$ оптимально, если $E\Delta u_k = \min_{i=1 \dots n} E\Delta u_i$.

Таблица 14

**Наф-Наф принимает решение по критерию минимума ожидаемых сожалений
(вероятность того, что волк придет, – 0,9; волк не придет – 0,1)**

стратегия	матрица сожалений из критерия Сэвиджа		Ожидаемое сожаление
	волк придет	волк не придет	
домик из соломы	$5 - (-10) = 15$	$35 - 35 = 0$	$15 \times 0,9 + 0 \times 0,1 = 13,5$
домик из веток	$5 - (-5) = 10$	$35 - 28 = 7$	$10 \times 0,9 + 7 \times 0,1 = 9,7$
домик из камня	$5 - 5 = 0$	$35 - 5 = 30$	$0 \times 0,9 + 30 \times 0,1 = 3 - \min$

И снова Ниф-Ниф строит домик из соломы, Наф-Наф – домик из веток и прутьев, а Наф-Наф – домик из камня. Мы не можем сказать, что Ниф-Ниф и Нуф-Нуф были нерациональными поросятами, они принимали обдуманные, взвешенные решения. Оправдались ожидания Наф-Нафа, поэтому он остался в выигрыше. Возможно, он принял выигрышное решение благодаря своему лучшему знанию жизни. А возможно, ему просто повезло больше других. Ведь если бы волк повел себя иначе, результат мог бы измениться. Не случись в лесу свободного волка, лучше всего жилось бы Ниф-Нифу. А если бы волк начал поход по вражеским тылам в обратном порядке, с Наф-Нафа, он слопал бы всех троих поросят, ведь Наф-Наф не успел бы достроить дом.

В итоге мы видим: сколько поросят, столько и мнений. Рациональные поросята по разным причинам могут принимать различные решения: не совпадают критерии принятия решений; разный жизненный опыт и доступная информация, а значит, и оценка вероятностей событий; отличие личностных характеристик, таких как склонность к риску и оптимистичность. Хорошо еще, что психика поросенка проще психики человека. В противном случае принятие решения стало бы еще более сложным процессом. (Я не случайно выбрал в качестве примера сказку о трех поросятах, не хочется на данном этапе усложнять анализ размышлениями о психофизиологии человека.)

Вот так же и люди в одних и тех же ситуациях принимают несовпадающие решения, поскольку меняются цели и стратегии поведения, распределение информации асимметрично, личностные характеристики различаются, а тут еще сложная психика. В результате одни ведут себя более оптимистично, чем другие. Одни боятся брать кредиты, другие «ловят волну» в теплых странах после стихийных бедствий, привлеченные временной дешевизной путевок. Одни боятся летать самолетом, другие играют в русскую рулетку (игра предпринимателей 1990-х). Бывает и так, что пессимистично настроенный человек вынужден вести себя как оптимист. В июне 1941 г. советские офицеры под страхом смерти вынуждены были стать оптимистами и верить в то, что войны не будет. Попробуйте в такой непростой ситуации предсказать выбор!

Вопрос постановки цели и выбора стратегии поведения актуален всегда и везде. В 1611 г. выдающийся астроном Иоганн Кеплер овдовел. После того как 11 кандидаток на роль супруги оказались неподходящими, Кеплер задался мучительным вопросом: «Что это – промысел божий или моя собственная моральная вина?». Ученому требовалась стратегия поведения, приближающая его к семейному благополучию. В 1958 г. Джон Г. Фокс и Л. Джеральд Марни изобрели игру, получившую известность как «задача о браке» (Беллос, 2015. С. 185–187). Если вы знаете, с каким количеством женщин вы будете встречаться на своем жизненном пути, оптимальная стратегия выбора жены (обеспечивающая максимальный шанс обрести семейное благополучие) заключается в следующем: повстречаться с 36,8% кандидаток, а затем жениться на первой из последующих женщин, оказавшейся лучшей партией, чем те, с кем встречался ранее (Строгац, 2014. С. 162)⁹.

⁹ Решение данной задачи подробно разобрано в источнике (The Secretary Problem, undated). Русскоязычное описание и решение задачи представлено в (Панова, 2009. С. 93–94).

Как не превратить вероятность в источник заблуждений (математическое приложение). Понятие «вероятность» используется для оценки событий, носящих случайный характер. Нам трудно признать значение случайности. Мы привыкли думать, уж что-то, а собственную жизнь (и это как минимум) мы контролируем. Даже бросая кости при игре в нарды, мы преуменьшаем значение случайности, завышая роль собственной везучести, приносящих удачу предметов и всевозможных ритуалов «на счастье». Что же касается выбора места учебы, работы, супруги, прибыли компании... возможности стать миллионером... мы верим – все в наших руках! А стал бы Брюс Уиллис известным актером, если бы не отправился в 1984 г. на Олимпийские игры и случайно не попал на пробы сериала «Детективное агентство «Лунный свет»,»? Получил бы Билл Гейтс признание как самый богатый человек мира, если бы компания IBM не предложила ему разработать операционную систему DOS, если бы он не был знаком с программистом Гэри Килдаллом (создателем идеи этой операционной системы), если бы в контракте стояла твердая сумма, а не процент с каждой копии, если компания Apple развивалась быстрее, чем IBM? Если, если, если... Не нужно преуменьшать роль личности, именно личность реализует или не реализует заложенный в ситуации потенциал. Но и значение случайности недооценивать не следует. Основная масса событий в нашей жизни носит случайный характер.

Первый важный вопрос: как оценить вероятность события? Прежде всего, нужно усвоить, что такое *возможный исход события*. Например, вы планируете завести двух детей, но не имеете представления о том, кто родится, мальчик или девочка. Данное событие имеет четыре возможных исхода: (девочка, девочка), (девочка, мальчик), (мальчик, девочка), (мальчик, мальчик). Важно случайно не объединить события (девочка, мальчик), (мальчик, девочка), ведь факт перворождения тоже имеет значение. Множество всех исходов образует *пространство элементарных событий*.

Начнем с пяти наиболее общих правил определения вероятности события.

Правило 1. Пусть случайный процесс имеет несколько одинаково вероятных исходов. Некоторые из них благоприятны для нас, некоторые неблагоприятны. Вероятность благоприятного исхода равна доле благоприятных исходов в общем количестве возможных исходов. Делим количество благоприятных исходов на общее число вероятных исходов и получаем вероятность события¹⁰.

Например, семья планирует двоих детей и хочет узнать вероятность того, что родятся две девочки. Пространство элементарных событий включает четыре возможных исхода: (девочка, девочка), (девочка, мальчик), (мальчик, девочка), (мальчик, мальчик). Благоприятный исход один: (девочка, девочка). Вероятность того, что родятся две девочки, составит $1 : 4 = 1/4$. В данном правиле важно, чтобы исходы были одинаково вероятны!

Правило 2. Если возможные исходы имеют разную вероятность, нужно учесть соответствующие шансы проявления каждого возможного исхода. В результате может измениться как пространство элементарных событий, так и число благоприятных исходов.

Предположим, на планете произошла непонятная генетическая мутация, в результате которой рождение двух мальчиков стало невозможным. Какова вероятность родить двух девочек в этом случае? Из пространства элементарных событий исчезает исход, имеющий нулевую вероятность (мальчик, мальчик), и остается три возможных исхода: (девочка, девочка), (девочка, мальчик), (мальчик, девочка). Благоприятный исход по-прежнему один: (девочка, девочка). Вероятность того, что родятся две девочки, составит $1 : 3 = 1/3$.

Или наоборот, вероятность рождения двух мальчиков в два раза больше, чем вероятность других исходов. Тогда мы дважды учитываем исход (мальчик, мальчик) в

¹⁰ Пусть $E_1, E_2, \dots, E_n$ образуют полную систему событий и равновероятны, и пусть событию A благоприятствуют k из этих событий, тогда вероятность этого события составит $P(A) = k/n$. Здесь и далее математические формулировки правил определения вероятностей, предложенные в сносках, даны по (Айвазян, 1998; Бородин, 1997).

пространстве элементарных событий. Пространство элементарных событий теперь включает пять возможных исходов: (девочка, девочка), (девочка, мальчик), (мальчик, девочка), (мальчик, мальчик), (мальчик, мальчик). Благоприятный исход по-прежнему один: (девочка, девочка). Вероятность того, что родятся две девочки, составит $1 : 5 = 1/5$.

Правило 3. Если два вероятных события не зависят друг от друга, то вероятность того, что произойдет одно из этих событий (или то, или другое), равна сумме отдельных вероятностей этих событий. При этом сумма вероятностей всех возможных исходов из пространства элементарных событий равна единице¹¹.

Например, нам интересно узнать вероятность того, что хотя бы один из двух младенцев окажется девочкой. Вероятность рождения двух девочек равна $1/4$. Вероятность рождения одной девочки $1/2$. Вероятность рождения хотя бы одной девочки, т. е. либо двух девочек, либо одной девочки, равна $1/4 + 1/2 = 3/4$. Почему так? Пространство элементарных событий включает четыре возможных исхода: (девочка, девочка), (девочка, мальчик), (мальчик, девочка), (мальчик, мальчик). Из них три благоприятных: (девочка, девочка), (девочка, мальчик), (мальчик, девочка). Вероятность составит $3/4$.

Правило 4. Если два вероятных события не зависят друг от друга, то вероятность того, что эти события произойдут вместе, равна произведению отдельных вероятностей этих событий. Еще раз подчеркну, что правила 3 и 4 работают, только если события не связаны друг с другом¹².

Рассчитаем вероятность того, что у вас родится девочка, а у вашей соседки по кровати в роддоме – мальчик. Вероятность рождения вами девочки равна $1/2$, поскольку в пространстве элементарных исходов два события: (девочка), (мальчик), а благоприятный исход всего один. По той же причине вероятность рождения у соседки мальчика равна $1/2$. Значит, вероятность того, что у вас родится девочка, а у соседки родится мальчик, равна $1/2 \times 1/2 = 1/4$. И снова объяснение в анализе пространства элементарных событий: (у вас девочка, у соседки девочка), (у вас девочка, у соседки мальчик), (у вас мальчик, у соседки девочка), (у вас мальчик, у соседки мальчик). Четыре возможных исхода, из них один благоприятный.

А теперь подумайте, стоит ли верить врунам, украшающим свой рассказ красочными подробностями. Они-то думают, что от этого рассказ становится более правдоподобным. Но мы уже знаем, что вероятность того, что все детали правдивы, снижается по мере роста их количества. Если вероятность того, что ваш друг встретил известную рок-звезду, равна одной тысячной, а вероятность того, что она шлепнулась при выходе из машины тоже равна одной тысячной, то вероятность того, что эта звезда шлепнулась при выходе из машины на глазах у вашего друга, равна вообще одной миллионной. Почему же мы верим?

Правило 5. Если два вероятных события зависят друг от друга, чтобы оценить вероятность того, что некое событие произойдет, при условии, что произойдет некоторое другое событие (условие), нужно вероятность того, что оба события произойдут одновременно, разделить на вероятность того, что произойдет это самое «другое» событие (условие будет выполнено). Данная вероятность называется условной вероятностью. Важно не забывать, что вероятность того, что произойдет A , если произошло B , обычно отличается от вероятности того, что произойдет B , если произошло A ¹³.

Какова вероятность, что оба ваших ребенка окажутся девочками, если про одного уже известно, что это девочка? Вероятность того, что оба ребенка окажутся девочками и при этом один ребенок окажется девочкой, сводится к вероятности того, что оба ребенка окажутся девочками (если оба ребенка – девочки, то один из них точно

¹¹ Если события A и B не зависят друг от друга, то $P(A \cup B) = P(A) + P(B)$.

¹² Если события A и B не зависят друг от друга, то $P(A \cap B) = P(A) \cdot P(B)$.

¹³ Пусть события A и B случайны, причем $P(B) > 0$, тогда условная вероятность события A при условии B определяется как $P(A/B) = P(A \cap B) / P(B)$.

девочка), и равна $\frac{1}{4}$. Вероятность того, что хотя бы один из детей – девочка, равна $\frac{3}{4}$. Значит, вероятность того, что у вас родятся две девочки, если про одного ребенка уже известно, что это девочка, равна $\frac{1}{4} : \frac{3}{4} = \frac{1}{3}$.

Как изменится вероятность рождения двух девочек, если известно не просто что один из детей девочка, а то, что девочка – первый ребенок? Вероятность того, что оба ребенка окажутся девочками, и вместе с тем первый ребенок окажется девочкой, опять же сводится к вероятности того, что оба ребенка окажутся девочками, и равна $\frac{1}{4}$. Вероятность того, что первой родится девочка, равна $\frac{1}{2}$. Значит, вероятность рождения двух девочек при этих условиях равна $\frac{1}{4} : \frac{1}{2} = \frac{1}{2}$.

Если говорить о смысловом содержании, при поиске условной вероятности мы делаем следующее: сначала обозначаем пространство элементарных событий, затем вычеркиваем те возможности, которые исключаются дополнительными условиями, и рассчитываем вероятность. Первоначальное пространство элементарных событий: (девочка, девочка), (девочка, мальчик), (мальчик, девочка), (мальчик, мальчик). Однако дополнительная информация – один из детей точно девочка – меняет пространство элементарных событий, исключая из него исход (мальчик, мальчик). Остается три возможных исхода: (девочка, девочка), (девочка, мальчик), (мальчик, девочка), из которых один благоприятный, и вероятность события равна $\frac{1}{3}$. А если известно, что девочка – первый ребенок, то в пространстве элементарных событий остается два элемента: (девочка, девочка), (девочка, мальчик), и вероятность равна $\frac{1}{2}$. Мы видим, что наличие дополнительных сведений изменяет ожидаемую вероятность события.

Контрольный вопрос: какова вероятность того, что при выходе из метро вы встретите мамонта? Пятьдесят на пятьдесят? Или встречу, или не встречу? Если вы «гламурная блондинка» или читали невнимательно, то ответ вполне приемлем. Возможны два исхода: (встречу мамонта), (не встречу мамонта). Из них один благоприятен, правда, опасаясь сказать, какой. Значит, вероятность составит $\frac{1}{2}$... Но если вы жгучая брюнетка... никак не пойму, зачем женщинам вообще считать мамонтов... вы понимаете, что искать его у метро бессмысленно. Поскольку вероятность появления мамонта равна нулю – они, кажется, вымерли, – пространство элементарных событий сокращается до одного исхода (не встречу мамонта). Количество благоприятных исходов сводится до нуля (невозможно у метро встретить мамонта). Вероятность встретить мамонта у метро составит?..

Второй важный вопрос: если мы можем определить вероятность события, то как правильно воспользоваться этим знанием? Следует ли вкладывать все свое состояние в глобальную спекулятивную операцию, если вас уверяют, что вероятность удачного исхода 95%? Или разумнее вложить указанную сумму в десяток менее крупных проектов с вероятностями удачных исходов от 80 до 90%? Какова связь между определяемыми нами неявными вероятностями и наблюдаемыми результатами? Нужно понимать следующее: если мы говорим, что вероятность выпадения игральной кости «шестерка» равна $\frac{1}{6}$, это не значит, что из шести бросков эта кость выпадет ровно один раз. Это значит, что если мы будем бросать кость достаточно долго, то в среднем одна шестая бросков будет иметь результатом «шестерку». Наблюдаемые периодичности с большей или меньшей точностью отразят неявные вероятности только при достаточно большом числе повторений наблюдаемого события – таков *закон больших чисел* (Вентцель, 1999). Чтобы ваше на 95% успешное вложение оказалось надежным, нужно, чтобы сделка не была разовой. Иначе оценка вероятности хоть и добавляет авторитетности мнению эксперта, но абсолютно бессмысленна. А на вопрос «где же деньги» ваш финансист непременно ответит «все дело в этих самых 5%».

Что касается оценок вероятности, правильнее определять их посредством наблюдений, а не теоретических расчетов. Дело в том, что любое действие человека, любое придуманное человеком устройство и т. д. не может приводить к абсолютно случайным исходам. Даже простая игральная кость, скорее всего, будет изготовлена с изъяном, и

в этом случае, например, «шестерка» будет выпадать чаще при любом количестве бросков. Известно два способа определения вероятности: субъективная оценка – определяется исходя из того, каким образом серия экспериментов осуществляется, и статистическая оценка – осуществляется исходя из того, чем серия экспериментов заканчивается. Прогнозами на основе субъективных оценок вероятностей занимается *теория вероятностей*. Заключение, основанное на статистической оценке вероятностей, выведенной посредством серии наблюдений, предлагает *математическая статистика*. В несовершенном мире использование статистических оценок приводит к лучшему результату. Использование теории вероятностей полезно в том случае, если достоверные статистические данные отсутствуют.

Однако, даже ориентируясь на наблюдения, мы часто совершаем ошибки. Мы склонны оценивать вероятность на основе немногочисленных собственных наблюдений, а затем использовать эти оценки при принятии решений. Наше ошибочное интуитивное чутье относительно того, что небольшая выборка наблюдений точно отразит вероятности событий, приводит к настолько значительному количеству заблуждений, что даже получило собственное название – *закон малых чисел* (Tversky, 1971). Мы склонны доверять жизненному опыту, который сводится к следующему: мы наблюдаем сравнительно небольшое число исходов, и на основе этих наблюдений, приходим к заключению относительно их причин. Мы склонны оценивать эффективность работы менеджеров по результату работы, но этот результат может оказаться итогом множества случайных факторов. Мы вкладываем деньги в государственные облигации, хотя в долгосрочном периоде акции приносят больший доход. Мы боимся летать на самолетах, несмотря на то, что статистическая вероятность попасть в автомобильную аварию значительно выше.

Дело в том, что для правильного определения вероятностей нужны подсчеты частот событий. Здесь и возникают ошибки. Память нередко нас подводит. Мы отдаем предпочтение более живым, эмоциональным воспоминаниям. Они лучше запоминаются. Мы гораздо дольше помним случаи, когда нас обвесили, обманули, нахамили, – отрицательные воспоминания более живучи. Мы не замечаем, когда все идет хорошо, привычно, размеренно. Зато с легкостью отмечаем, когда что-то необычно или что-то идет не так. Наша очередь в кассу всегда кажется самой длинной, потому что в тех случаях, когда она короткая, мы не придаем этому значения. Мы часто верим в то, что событие может произойти с большей или меньшей вероятностью по той причине, что за последнее время оно происходило или не происходило. Азартные игроки проигрывают последние деньги вне зависимости, везет им или нет. В первом случае их подводит неумение остановиться: «у меня сегодня удачный день». Во втором случае их подводит... неумение остановиться: «полоса невезения не может длиться вечно». Контролируемые процессы мы склонны оценивать как более безопасные, в результате чего меньше волнуемся, когда сами находимся за рулем автомобиля. Чем больше красочных деталей в описании события, тем более правдивым оно нам кажется, а незначительные вероятности мы попросту обнуляем... В результате мы ошибаемся. Даже ученые, изучающие теорию вероятностей и математическую статистику, грешат предвзятостью и интерпретируют неоднозначные факты в свою пользу. Ведь убежденному человеку свойственно отмечать любые факты, подтверждающие его убеждения, и игнорировать факты, которые их опровергают.

Впрочем, с теорией вероятности нужно вести себя крайне аккуратно. Один из отцов основателей теории вероятности, известный математик Блез Паскаль, после транса, пережитого им 27 октября 1654 г., неожиданно перестал общаться с друзьями, распродал все, кроме Библии, а деньги раздал беднякам (Cropper, 2001. Р. 31). Паскаль бросил занятия наукой, а теорию вероятности использовал для анализа «за» и «против» моральных обязательств человека перед Богом. Предположим, вы не знаете наверняка, существует Бог или нет, и приравниваете шансы двух этих событий как 50/50. Стоит ли

в таком случае вести добродетельную жизнь? Если вы будете жить добродетельно, и Бог существует, ваш выигрыш – вечная жизнь в раю – бесконечно велик. Если же Бога не существует, ваши потери будут равны затратам на всякого рода обряды и неудобствам от различных самоограничений. Математическое ожидание, полученное путем суммирования исходов, умноженных на их вероятности, в этом случае будет бесконечно большим. Если же вашу жизнь нельзя назвать добродетельной, и Бога не существует, затраты и потери от обрядов и самоограничений равны нулю. Но если Бог существует, вы попадете в ад и обречете себя на вечные муки. Математическое ожидание такого поведения, говоря современным языком, стремится к минус бесконечности (*Pascal's Wager*, 1998). В результате Паскаль приходит к заключению: любой разумный человек (и особенно ученый) будет следовать божьим законам (Млодинов, 2010. С. 115–116).

ЛИТЕРАТУРА

- Айвазян С.А., Мхитарян В.С. (1998). Прикладная статистика и основы эконометрики. М.: ЮНИТИ, 1022 с.
- Беллос А. (2015). Красота в квадрате. Как цифры отражают жизнь и жизнь отражает цифры. М.: Манн, Иванов и Фебер, 368 с.
- Бородихин В.М., Джафаров К.А., Путинцева А.П. (1997). Теория вероятностей и математическая статистика. Новосибирск: Изд-во ИМ СО РАН, 154 с.
- Вентцель Е.С. (1972). Исследование операций. М.: Советское радио, 552 с.
- Вентцель Е.С. (1999). Теория вероятностей. М.: Высшая школа, 576 с.
- Вольчик В.В. (2003). Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития // *Terra Economicus*, т. 1, № 3, с. 36–42.
- Вольчик В.В. (2010). Поведенческая экономика и современные тенденции эволюции института собственности // *Terra Economicus*, т. 8, № 2, с. 71–78.
- Мельников В.В. (2011). Поведенческие основы неконкурентной рациональности // *Terra Economicus*, т. 9, № 1, с. 33–47.
- Мельников В.В. (2013). Проблема оппортунизма в государственных закупках // *Journal of Institutional Studies*, т. 5, № 3, с. 114–124.
- Михалков С.В. (2015). Три поросенка. М.: Малыш, 48 с.
- Млодинов Л. (2010). (Не)совершенная случайность. Как случай управляет нашей жизнью. М.: Livebook, 352 с.
- Панова С.В., Бекетова О.А. (2009). О некоторых моделях обобщенной задачи наилучшего выбора // *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. Серия: Физика, математика, техника, технология, № 2, с. 93–98.
- Розмаинский И.В. (2012). «Общая теория» Дж.М. Кейнса: уроки три четверти века спустя // *Terra Economicus*, т. 10, № 1, с. 46–52.
- Строгац С. (2014). Удовольствие от Х. Уникальное путешествие в мир математики от одного из лучших преподавателей в мире. М.: Манн, Иванов и Фебер, 304 с.
- Уткин Л.В. (2007). Анализ риска и принятие решений при неполной информации. СПб.: Наука, 404 с.
- Cropper W.H. (2001). The great physicist: The life and times of leading physicist from Galileo to Hawking. London, Oxford University Press, 512 p.
- Ferguson T.S. (1989). Who solved the secretary problem? // *Statistical Science*, vol. 4, no. 3, pp. 282–289.
- Pascal's Wager*. *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (1998) (<http://plato.stanford.edu/entries/pascal-wager/>).
- The Secretary Problem*(undated) (<http://www.math.uah.edu/stat/urn/Secretary.html>).
- Tversky A. and Kahneman D. (1971). Belief in the law of small numbers // *Psychological Bulletin*, vol. 76, no. 2, pp. 105–110.

REFERENCES

- Aivazan S.A. and Mkhitarian V.S. (1998). Applied statistics and essentials of econometrics. Moscow: Unity Publ., 1022 p. (In Russian.)
- Bellos A. (2015). Alex through the looking-glass: How life reflects numbers and numbers reflect life. Moscow: Mann, Ivanov & Feber, 368 p. (In Russian.)
- Borodikhin V.M., Dzhafarov K.A. and Putintseva A.P. (1997). Probability theory and mathematical statistics. Novosibirsk, 154 p. (In Russian.)
- Melnikov V.V. (2011). Behavioral principles of non-competition rationality. *Terra Economicus*, vol. 9, no. 1, pp. 33–47. (In Russian.)
- Melnikov V.V. (2013). Opportunism in the public purchases. *Journal of Institutional Studies*, vol. 5, no. 3, pp. 114–124. (In Russian.)
- Mikhalkov S.V. (2015). The Three Little Pigs. Moscow: «Malysh» Publishing House, 48 p. (In Russian.)
- Mlodinow L. (2010). The drunkard's walk: how randomness rules our lives. Moscow: Livebook, 352 p. (In Russian.)
- Panova S.V. and Beketova O.A. (2009). On some models of generalized problem of optimal choice. *The journal «Scholarly Notes» of Transbaikal State University*. Series: physics, mathematics, engineering, technology, no. 2, pp. 93–98. (In Russian.)
- Rozmainskiy I.V. (2012). «The common theory» of J.M. Keynes: lessons 75 years later. *Terra Economicus*, vol. 10, no. 1, pp. 46–52. (In Russian.)
- Strogatz S. (2014). The joy of X. A guided tour of math, from one to infinity. Moscow: Mann, Ivanov & Feber Publ., 304 p. (In Russian.)
- Utkin L.V. (2007). Risk analysis and decision making under incomplete information. St. Petersburg: Nauka Publ., 404 p. (In Russian.)
- Venttsel E.S. (1972). Research of operations. Moscow: Sovetskoye radio Publ., 552 p. (In Russian.)
- Venttsel E.S. (1999). Probability theory. Moscow: Vysshayashkola Publ., 576 p. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2003). Economics failure and path dependence. *Terra Economicus*, vol. 1, no. 3, pp. 36–42. (In Russian.)
- Volchik V.V. (2010). Behavioral economics and contemporary tendencies in evolution of property institution. *Terra Economicus*, vol. 8, no. 2, pp. 71–78. (In Russian.)
- Cropper W.H. (2001). The great physicist: The life and times of leading physicist from Galileo to Hawking. London, Oxford University Press, 512 p.
- Ferguson T.S. (1989). Who solved the secretary problem? *Statistical Science*, vol. 4, no. 3, pp. 282–289.
- Pascal's Wager*. *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (1998) (<http://plato.stanford.edu/entries/pascal-wager/>).
- The Secretary Problem* (undated) (<http://www.math.uah.edu/stat/urn/Secretary.html>).
- Tversky A. and Kahneman D. (1971). Belief in the law of small numbers. *Psychological Bulletin*, vol. 76, no. 2, pp. 105–110.

ДЖ. МЭЙНСТРИНГ,
эсквайр и протоинституционалист
(1897–1975)

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: ОПЫТ ИНТИМНОГО АНАЛИЗА

Известный заокеанский протоинституционалист Дж. Мэйнстринг был в дружественных отношениях с создателем ранней концепции импортозамещения аргентинским экономистом Раулем Пребишем. При этом Мэйнстринг полемизировал с выдвинутыми Пребишем постулатами о приоритете опоры на собственные силы и активной поддержки государством национального машиностроения.

Публикуемая впервые на русском языке журнальная заметка Мэйнстринга, в которой он демонстрирует прекрасное знание политической экономики, посвящена оригинальной трактовке процесса импортозамещения, не утратившей своей значимости и для наших дней.

Перевод с английского – Анфим Кандопожский

J. MEINSTRING,
Esquire and proto-institutionalist
(1897–1975)

POLICY OF IMPORT SUBSTITUTION: A TRIAL INTIMATE ANALYSIS

Famous foreign institutionalist J. Meinstring maintained friendly relations with the author of an early concept of import substitution, Argentine economist Raul Prebisch. At that, Meinstring objected to the postulates Prebisch had put forward concerning the priority of self-reliance and active state support of the national engineering industry.

Published for the first time in Russian, Meinstring's note showing his brilliant knowledge of political economy, refers to the original interpretation of the import substitution process, which has not lost one iota of relevance today.

Translated by Anfim Kandopozhskiy

Импортозамещение можно сравнить с искусственным оплодотворением отдельных отраслей и сфер национальной экономики, которые должны будут после этого вдруг разродиться удивительной, ранее не производившейся в стране, инновационной продукцией. Парадокс состоит в том, что, подобно Афине, вышедшей прямо из головы Зевса половозрелым существом, «импортозамещаемая» продукция должна

была явиться вдруг и сразу, причем в конкурентно-победительном на мировом уровне обличье.

Все это означает, что импортозамещение возможно только как локальная группа точечных «чудодейственных зачатий», которая именно поэтому и не может превратиться в главную (а тем более массовую) политику национальной экономики.

*

Если забыть о бессмысленной технологической трактовке импортозамещения (как о производстве непроектируемой ранее в данной стране продукции, да еще как о ее гарантированно-эффективном производстве – с минимальными издержками при высочайшем качестве, то есть о таком производстве, которого никто никогда не наблюдал даже при выпуске традиционной в данной стране продукции), а попытаться дать ему сущностную характеристику, то мы должны будем обратиться к методологии уже полузабытой науки по имени «политическая экономия».

А вынуждены мы это сделать потому, что это – единственная наука, которая рассматривает общественное производство как *социальный* процесс, и потому призвана оперировать предельно абстрактными категориями, которые как раз в силу своей предельной абстрактности, способны описать суть импортозамещения без «влезания» в конкретику подробностей.

Прелесть политико-экономического подхода состоит в том, что ему достаточно двух абстракций, известных студенчеству как «производительные силы» (все природное, участвующее в материальном процессе производства) и «производственные отношения» (все социальное, организующее материальный процесс производства). И дальнейшая аналитика состоит в построении их объективного соотношения применительно именно к импортозамещению.

Если импортозамещаемая продукция должна появиться в результате такого одномоментного акта искусственного оплодотворения, как импортозамещение (ибо будучи произведенной импортозамещаемая продукция перестает быть таковой, а вливается в состав национального продукта), то, разложив импортозамещение на составные части (производительные силы и производственные отношения), мы должны определить роль каждого из этих двух элементов в процессе импортозамещения.

*

Пожалуй, здесь оправдано разъяснить, почему мы характеризуем импортозамещение как «искусственное оплодотворение» отсталого производства, – искусственность возникает из того, что новая, не производившаяся ранее, продукция должна появиться не в результате глубоких, кардинальных экономических преобразований, известных в просторечии как «реформы», а в результате улучшения технологии производства (или ее заимствования из-за рубежа). Ну, разве это не чудо? Произвести то, что раньше не производилось, не трогая экономические формы производства? Воистину, если импортозамещение – это «искусственное зачатие» нового производства, то – при условии неприкосновенности производственных отношений – оно еще заслуживает уважительной характеристики «непорочного зачатия», поскольку состоялось без оплодотворяющего взаимодействия производственных отношений с производительными силами.

И этот курс на «нетрогание» экономических форм производства – не случайность, не забывчивость, а сознательная, целенаправленная, антиреформенная политика. Если мы припомним продекларированные направления модернизации аргентинской экономики, то в них речь идет исключительно о технологии – но ни слова об изменении экономических форм: собственности, принципов распределения, оплате труда. То же повторилось и при провозглашении курса на импортозамещение. Под флаги «модернизации» и «импортозамещения» призывались все – инженеры, конструкторы, изобретатели, технологи, – но только не экономисты. Если бы экономисты умели чи-

тать, то на этих «флагах» прочитали бы начертанное крупными буквами – «ЭКОНОМИСТОВ ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ».

Куда там... Поэтому смешно и досадно выглядело мельтешение именно экономистов, которые провели мириады конференций, семинаров и – господи прости, – вебинаров, издали кучу монографий, защитили сотни диссертаций, предложили множество никем не востребованных рекомендаций. А потом экономисты удивляются – почему с ними никто не считается?

Еще хуже, что среди непрошенных теоретиков импортозамещения находятся приверженцы отживших экономических форм, которые дождутся того, что все устаревшие производственные отношения будут насильственно сметены уже хрипящей от «удушья» (отсутствия новых экономических форм) экономикой, вместе – кстати – с защищающими их экономистами.

*

Политэкономы убеждены, что ведущей стороной в экономике являются производительные силы, тогда как производственные отношения выполняют функцию исторически изменчивого общественного оформления процесса производства. Исходя из такой прямолинейной трактовки, то есть недооценивая значимость производственных отношений, «производительносилисты» все надежды возлагают на изменение, трансформацию, обновление технологии производства, оставляя производственные отношения неизменными.

В этом и состоит реальная трагедия импортозамещения и его неизбежный провал, так как мы пытаемся реализовать импортозамещение, оставляя неизменными устаревшие, дряхлые производственные отношения, силясь выдавить из них то, что могло бы оплодотворить производительные силы. Глупая затея, – что вы хотите от импотентных производственных отношений? Это бессмысленное возбуждение уже находящихся в пенсионном возрасте «гериатрических» производственных отношений, давно уже утомило все стороны национального производства, участвующие в этом увлекательном процессе, хотя архаичным производственным отношениям не поможет никакая «виагра», изливаемая в виде бесчисленных постановлений, указов и правительственных программ.

Хотел бы заметить еще вот что: важность импортозамещения, помимо прочего, и в том, что оно открывает дорогу к *экспортозамещению*, по мере того, как от вытеснения иностранной продукции на внутреннем рынке страна будет переходить к тому же, но уже – вытесняя конкурентов на внешнем рынке.

Дайте дорогу молодым, сильным, «половозрелым» (в конце концов) производственным отношениям! Дайте возможность напористо-мощным экономическим формам вцепиться в производительные силы! Свободу инстинктам саморазвивающегося производства, – и ВЫ УВИДИТЕ ПЛОДЫ СТРАСТИ ЗРЕЛЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМ К ВЕЧНО МОЛОДЫМ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ СИЛАМ!

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**TERRA ECONOMICUS
(ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ)**

2016

Том 14

Номер 1

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Адрес издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
Тел.: +7 (863) 218 40 00, 219 97 49, **e-mail:** info@sfedu.ru, **сайт:** <http://sfedu.ru/>

Адрес редакции: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88, к. 211
Тел.: +7 (863) 250 59 54, **e-mail:** terraeconomicus@mail.ru, **сайт журнала:** <http://te.sfedu.ru/>

Сдано в набор: 15.03.2016. Подписано в печать: 20.03.2016

Выход в свет: 25.03.2016

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура OfficinaSerif.

Печать офсетная. Усл. п. л. 18,30. Уч.-изд. л. 16,75.

Тираж 558 экз. Заказ № 55. С. 128

Свободная цена

Издательство «Наука-Спектр».

Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.
Т. 8 (863) 269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.